

ВОРОНЕЖСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ВОРОНЕЖСКИЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 16

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2014

УДК 343.98:378.4(470.324-25)

ББК 67.52

В75

Редакционная коллегия:
д-р юрид. наук *О. Я. Баев* (отв. редактор),
д-р юрид. наук *Е. Каспшак* (г. Ольштын, Польша),
д-р юрид. наук *В. А. Мещеряков*,
д-р юрид. наук *В. Ю. Шепитько* (г. Харьков, Украина),
канд. юрид. наук *Т. Э. Кукарникова* (отв. секретарь)

Воронежские криминалистические чтения : сб.
В75 науч. трудов. – Вып. 16 / под ред. О. Я. Баева. – Воронеж :
Издательский дом ВГУ, 2014. – 292 с.

ISBN 978-5-9273-2068-4

В очередном выпуске «Воронежских криминалистических чтений» освещаются актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы.

Сборник основан на материалах постоянно действующего теоретического семинара кафедры криминалистики, в работе которого принимают участие преподаватели, аспиранты и соискатели юридического факультета Воронежского государственного университета, а также криминалисты из других городов России и стран ближнего зарубежья.

Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, сотрудников правоохранительных органов, адвокатуры и уголовной юстиции.

УДК 343.98:378.4(470.324-25)

ББК 67.52

ISBN 978-5-9273-2068-4

© Воронежский государственный университет, 2014

© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времен Ганса Гросса принято считать, что «криминалистика по природе своей начинается лишь там, где кончается лишь том, где уголовное право также по своей природе прекращает свою работу [...], формальное уголовное право (процесс) заключает в себе правила применения материального уголовного права». Ни уголовное право, ни процесс не говорят о том, как исследовать способы совершения преступлений, их мотивы и цели, как раскрывать преступления – «это составляет предмет криминалистики».

Однако, думается мне (да простят основоположники), проведение строгого и резкого разграничения между предметами наук криминалистики и уголовного процесса вряд ли возможно. И криминалистика, и уголовный процесс изучают одни и те же закономерности, но, как точно заметил В. Я. Колдин, каждая в своих целях: криминалистика – в целях оптимизации информационно-познавательной деятельности в рамках уголовного судопроизводства; уголовный процесс – в целях оптимизации уголовно-процессуальных отношений и институтов.

В связи с этим попутно замечу: мне, как и большинству специалистов в области уголовного судопроизводства, совершенно не понятно, чем руководствовались власть имущие на это право чиновники, когда несколько лет тому назад разделили научную специальность 12.00.09 – уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность на две самостоятельные. Уголовный процесс стал специальностью, отдельной от специальности криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

По моему глубокому убеждению, это – отделение содержания от формы, ошибка методологической для обеих наук негативной значимости.

Проведение научных исследований проблем уголовного судопроизводства, разделив его на криминалистику и уголовный процесс, невозможно в принципе.

Это и обусловило, что в данном выпуске «Воронежских криминалистических чтений» (как, впрочем, и во всех предыдущих)

«мирно» соседствуют, дополняют и углубляют друг друга статьи специалистов в областях и «чистой» криминалистики, и уголовного процесса.

Сказанное касается практически всех публикуемых в нем материалов как криминалистов: Е. И. Галяшиной, И. М. Комарова (Москва), В. В. Степанова и М. А. Бабаковой (Саратов), М. В. Стояновского, А. В. Тямкина, А. С. Фоминой, А. В. Хмелевой (Воронеж), В. Ю. Шепитько (Харьков), так и исследователей-процессуалистов: А. Р. Белкина (Москва), Д. В. Зотова, О. Ю. Цурлуй (Воронеж), Д. П. Письменного (Киев), М. В. Шепитько (Харьков) и др.

Не составляют исключения и работы представителей воронежской школы «компьютерщиков», изучающих криминалистические и процессуальные аспекты использования в расследовании преступлений особенностей электронных технологий (этим проблемам посвящены статьи В. А. Мещерякова, Л. Б. Красновой, Т. Э. Кукарниковой).

И – в завершение предисловия.

Есть такая английская пословица: нужны двое, чтобы танцевать танго. Для научной работы также нужны двое: автор и читатель. И хорошо, чтобы оба умели танцевать один и тот же танец...

*Ответственный редактор
«Воронежских криминалистических чтений»,
заведующий кафедрой криминалистики
Воронежского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН,
профессор О. Я. Б а е в*

О. Я. Баев

**«СОУЧАСТИЕ ПОСЛЕ ФАКТА»
КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

В уголовном праве *соучастие* понимается как умышленное участие двух или более лиц, выполняющих наряду с исполнителем роли организатора, подстрекателя и пособника в совершении умышленного преступления. Любая иная причастность к уже совершенному преступлению, любые действия, направленные на воспрепятствование его выявлению, расследованию, осуществлению в отношении него правосудия с позиции теории уголовного права не могут рассматриваться как соучастие в совершении этого преступления.

К примеру, еще в конце XIX в. ординарный профессор Киевского университета Св. Владимира Л. С. Белогриц-Котляревский свое мнение о «прикосновенности» к преступлению как об особом самостоятельном преступлении, «не входящем в понятие соучастия и чуждом прямого необходимого отношения к главному преступлению в вопросе о наказуемости», обосновывал двумя следующими причинами: «а) для понятия соучастия необходимо соглашение, предшествующее акту преступления, между тем это требование не только не входит в понятие прикосновенности, но даже ее исключает; б) деятельность прикосновенных, имея место уже после совершения преступления, не относится к числу факторов, его создавших, а след[овательно], не находится в причинной с ним связи, безусловно необходимой для понятия соучастия»¹.

И в настоящее время в большинстве уголовно-правовых систем любые действия, направленные на воспрепятствование выявлению, расследованию преступления, осуществлению в отношении него правосудия не рассматривается как соучастие в совершении этого преступления. Они обозначаются как особый тип совиновничества, отличный от соучастия в узком правовом смысле этого понятия, но находящийся с ним в органической связи².

Эта позиция всецело разделяется и современным отечественным уголовным правом: противоправное воспрепятствование правосудию – ни есть соучастие в совершении преступления, оно есть преступление самостоятельное. А потому – сразу это оговорим – вынесенное в название данной статьи понятие «соучастие после факта» никоим образом не претендует на уголовно-правовую корректность.

Большая часть видов противоправного воспрепятствования производству по уголовному делу в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК) по объекту, на который посягают эти деяния, по направленности составляющих их действий опосредованы в главе 31, предусматривающей ответственность за преступления против правосудия.

Однако далеко не все из 23 деяний, криминализованных в этой главе уголовного закона, можно непосредственно рассматривать как выражение изучаемого социально-правового феномена, а лишь те, диспозиции статей которых однозначно или недвусмысленно указывают на такую направленность предусмотренных в них действий. К примеру, таковыми не являются неуважение к суду (ст. 297 УК), побег из мест лишения свободы (ст. 313 УК), уклонение от административного надзора (ст. 314.1 УК) и ряд других помещенных в этой главе УК правовых норм. Не являются либо – в исследуемом здесь контексте – могут быть отнесены к ним условно и большинство деяний, составляющих преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов и суда.

В то же время, бесспорно можно рассматривать в качестве различных видов и форм воспрепятствования производству по уголовному делу, как минимум, следующие предусмотренные этой главой УК преступления:

1) воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК);

2) посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК);

3) угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК);

4) заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК);

5) отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК);

6) подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (с. 309 УК);

7) укрывательство преступлений (ст. 316 УК).

Из диспозиций приведенных уголовно-правовых норм следует, что все они могут быть реализованы посредством совершения активных действий (исключение составляет лишь отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний). Как видно из содержания этих диспозиций, рассматриваемые действия серьезно друг от друга отличаются, но мотивация лиц, учиняющих большинство деяний, относящихся к выделенным выше преступлениям против правосудия, достаточно очевидна: личная (прямая или опосредованная) заинтересованность в исходе судопроизводства по уголовному делу либо в своем в нем участии. Эта причина является генезисом практически всех названных деяний. Очевидно, что наиболее характерна она, в первую очередь, для лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование – подозреваемых и/или обвиняемых в совершении преступления, которые стремятся скрыть или преуменьшить свою причастность к совершению расследуемого преступления, привлекая для этого в своих интересах неких лиц, непосредственного участия в совершении преступления не принимавших.

Эта же мотивация движет при воспрепятствовании производству по уголовному делу, учиняемом родственниками и близкими к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому людьми, а также в тех случаях, когда эти деяния совершаются по корпоративным и некоторым другим причинам. Нет сомнений и в том, что свои личные (материальные и нематериальные) интересы в уголовном деле имеют и потерпевший, и гражданский истец. Однако далеко не единичны случаи, когда в результате оказываемого на них воздействия со стороны лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и его представителей, а также по другим сугубо личным мотивам законные интересы данных непрофессиональных участников уголовного процесса трансформируются, а обусловленное этим последующее их поведение выступает, по сути своей, как та или

иная форма воспрепятствования расследованию преступления и осуществлению в отношении него правосудия. В любом из подобных случаев они также являются субъектами возможных самых разнообразных видов и форм «соучастия после факта».

Сказанное относится и к свидетелям, которые по этим же причинам либо дают заведомо ложные показания, либо уклоняются или отказываются от их дачи. Сразу оговоримся, что некоторые из обозначенных видов проявления этого социально-правового феномена могут совершаться и по иным причинам. Характерными примерами являются случаи отказа от дачи показаний свидетелями или дача ими ложных показаний о своей неосведомленности об интересующих следователя/суд обстоятельствах лишь по мотиву нежелания быть вовлеченными в процесс судопроизводства. Эта же причина лежит в основе большинства фактов недонесения о преступлении также представляющего пассивную и, увы, широко распространенную форму воспрепятствования осуществлению правосудия. Тем более что, как известно, в настоящее время в уголовном законе отсутствует норма, которая предусматривала бы ответственность за недонесение о преступлении.

И вновь подчеркнем: все обозначенные выше деяния есть самостоятельные преступления и не являются формой соучастия в строгом уголовно-правовом смысле этого понятия, но все они совершаются по однотипным мотивам и детерминированы одной целью – воспрепятствовать установлению истины в производстве по уголовному делу.

В этом контексте, думается нам, верен подход специалистов в теории уголовного права и законодателей ряда зарубежных стран (в частности, США), объединяющих подобные преступления в общую категорию, именуемую «соучастие после факта преступления», и, более того, прямо устанавливающих уголовную ответственность за их совершение как за соучастие после факта преступления.

Приведем лишь три иллюстрирующих этот подход положения, используя опубликованные материалы русскоязычных источников.

«—Если лицо, оказывало помощь исполнителю или пособнику с целью воспрепятствования его поимке, осуждению или отбытию наказания за совершенную фелонию (всякое тяжкое

преступление. – *О. Б.*), то оно является пособником после факта совершения преступления.

– Соучастием после факта является укрывательство лица, совершившего преступление, предупреждение его о возможном обнаружении или аресте, во избежание обнаружения или ареста обеспечение его транспортом, деньгами или другими средствами, сокрытие, изменение или уничтожение доказательств, которые могут помочь обнаружению, аресту или предъявлению обвинения против него, оказание ему помощи в сохранении добытого в результате преступления или получении выгод от этого, а также другие действия, совершаемые с намерением воспрепятствовать обнаружению, аресту или преданию суду лица, которое, как известно обвиняемому, совершило или предположительно совершило такое преступление, либо которое в связи с этим разыскивается правоохранительными органами.

– Тот, кто, зная о совершении посягательства против Соединенных Штатов, укрывает, облегчает, поддерживает или содействует правонарушителю, с тем чтобы помешать или воспрепятствовать его аресту, преданию суду или наказанию, является соучастником после факта совершения посягательства»³.

В теории уголовного права ряда стран к числу деяний, обозначаемых как «соучастие после факта (преступления)», относятся и недонесение о преступлении. К примеру, в уголовном праве США самостоятельными преступлениями против правосудия считаются невоспрепятствование (недонесение или попустительство) фелонии и воздержание или отказ от преследования за фелонию. Первое из них в американской юридической литературе определяется следующим образом: «Лицо, которое видит, как другое лицо совершает фелонию, или же знает о том, что оно ее совершило, и не принимает меры для задержания этого лица или же к предотвращению фелонии либо к передаче его в руки правосудия – виновно в совершении невоспрепятствования фелонии».

Уголовную ответственность за недонесение несет также «тот, кто, зная о фактически совершенной фелонии, подпадающей под юрисдикцию судов Соединенных Штатов, скрывает это и не сообщает о том, что ему известно, в возможно краткие

сроки какому-либо судье или другому лицу из числа гражданских или военных властей»⁴.

Однако, как уже упоминалось, действующий УК, не учитывая современное законодательство большинства зарубежных демократических государств и прервав историческую связь между всем ранее существовавшим уголовным законодательством России, отказался от установления уголовной ответственности за недонесение о преступлении.

Подлинные причины принятия законодателем такого решения нам не известны, однако можно предположить, что это явилось реакцией на «синдром Павлика Морозова» – социальную болезнь, проявляющуюся на протяжении практически всего советского периода развития нашего общества.

Детально проанализировав последствия этого для правоприменительной практики, В. В. Трухачев убедительно обосновал необходимость восстановления уголовной ответственности за данный вид «соучастия после факта»⁵. В то же время мы согласны, что по очевидным на то причинам совершенно уместным явится исключение ответственности за недонесительство о достоверно известном факте готовящегося или совершенного преступления, не относящегося к тяжким или особо тяжким преступлениям, для супруга или близкого родственника лица, совершившего или подготавливающего совершение преступления. Такой же иммунитет, на наш взгляд, следует установить для лиц, которым эти сведения стали известны в связи с выполнением ими своих конфессиональных или профессиональных обязанностей в уголовном судопроизводстве, в частности для адвокатов. Однако, по нашему мнению, иммунитет от уголовной ответственности за недонесение не должен распространяться на случаи, когда названным лицам достоверно становится известно о фактах подготавливаемого тяжкого или особо тяжкого преступления (особо подчеркнем: не уже совершенного, а *подготавливаемого* преступления). Мы понимаем всю спорность и проблематичность этого предложения. Однако разве предотвращение террористического акта, захвата заложников, убийства или другого тяжкого преступления, о подготовке которого достоверно становится известно лицу, обладающему указанным иммунитетом, не «перевешивает» в со-

циальном и – что немаловажно – в нравственном отношении, ригористическое следование определенным догмам (в принципиальной верности которых мы не сомневаемся)?

В связи со всем сказанным выше предлагаем дополнить УК следующей статьей, которая, на наш взгляд, должна следовать за нормой, устанавливающей уголовную ответственность за заведомо ложный донос:

Ст. 306 – 1. Недонесение о преступлении

1. Несообщение о достоверно известном факте готовящегося или совершенного преступления – наказывается...

2. Несообщение о достоверно известном факте готовящегося тяжкого или особо тяжкого преступления – наказывается...

Примечание. Лицо не подлежит уголовной ответственности за недонесение о совершенном или готовящемся преступлении его супругом или близким родственником, а также если сведения о совершенном или готовящемся преступлении стали известны лицу в связи с выполнением им своих профессиональных обязанностей или профессиональных обязанностей в уголовном судопроизводстве, за исключением недонесения о достоверно известном факте готовящегося тяжкого или особо тяжкого преступления.

Нет никаких сомнений, что в каждом отдельном случае недонесения о преступлении следователю и суду следует разумно подходить к решению вопроса о необходимости и целесообразности привлечения данного недонесителя к уголовной ответственности⁶.

Исходя из сказанного, а также обобщая другие касающиеся данного правового института известные нам теоретические и законодательные конструкции, предлагаем следующее определение рассматриваемого понятия.

Соучастие после факта преступления есть противоправные умышленные действия лиц, не являющихся соучастниками преступления в уголовно-правовом смысле, направленные на удовлетворение собственных интересов и интересов других лиц посредством активного или пассивного воспрепятствования выявлению преступления, его расследованию и осуществлению по уголовному делу правосудию.

Классифицировать отдельные виды соучастия после факта (в первом приближении к более разветвленной классификации этого феномена) можно по следующим основаниям:

- *по форме его выражения* – на активное и пассивное поведение его субъектов с целью воспрепятствования производству по уголовному делу; к первой относятся все перечисленные выше преступления, за исключением отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний и предложенного нами для криминализации недонесения о преступлении;

- *по направленности посягательства* – направленные на профессиональных и непрофессиональных участников производства по уголовному делу; к первой группе следует отнести противоправные действия, направленные на: а) судей, других лиц, осуществляющих правосудие, следователей/дознавателей; в) прокуроров, других лиц, перечисленных в ст. 295 и 296 УК, и их близких; ко второй группе – действия, имеющие своей целью воспрепятствование производству по уголовному делу, направленные на: а) потерпевшего; б) свидетеля; в) эксперта/специалиста; г) переводчика; д) близких перечисленных лиц⁷;

- *по виду применяемого воздействия* – на физическое и психологическое/психическое воздействие; по имеющимся у нас в этом отношении сведениям, оба вида воздействия, направленные на воспрепятствование производству по уголовному делу, обычно применяются к непрофессиональным участникам этого процесса; к его профессиональным участникам чаще всего применяются приемы психологического и психического воздействия (угрозы, шантаж, подкуп и т.п.).

Нам представляется исключительно целесообразным активное использование понятия «соучастие после факта совершения преступления» в отечественной уголовно-правовой и криминологической литературе, а может быть, и в некоторых правовых актах. Это будет не только более точно отражать содержание таких противоправных деяний (сущность различных форм прикосновенности к преступлению и воспрепятствованию правосудию), но и подчеркнет повышенную социальную их опасность, а потому категорическая оценка их как «соучастия после факта» – и в прагматическом отношении это наиболее важно – психологически будет удерживать отдельных лиц от совершения названных преступлений.

С точки зрения криминалистики объединение названных выше преступлений в одну классификационную группу, как мы считаем, может явиться основой конструирования само-

стоятельной криминалистической методики расследования (уголовно-процессуального исследования) всех видов и форм «соучастия после факта». Такая возможность базируется на следующей методологической посылке: в основе любой криминалистической методики лежит триада: «диспозиция нормы уголовного закона – способы возможной ее реализации – мотив совершения преступления».

Именно эти составляющие, если не всецело, то главным образом, структурирует сам механизм слеодообразования в результате совершения деяния, относящегося к криминалистически определенному виду (разновидности, категории) преступлений. И лишь посредством целенаправленной переработки данного механизма слеодообразования в условиях складывающейся следственной (судебной) ситуации – она обуславливает и последовательность производства направленных на то следственных действий, и особенности обстоятельств, выясняемых при проведении каждого из них, – осуществляется предварительное и судебное следствие по уголовному делу⁸.

Все вышеназванные преступления объединяют единые цели и мотивы; все они совершаются с целью и по мотиву воспрепятствования осуществлению по ним предварительного расследования и правосудия, что во многом с учетом соответствующей уголовно-правовой диспозиции и способов ее реализации предопределяет и в принципе единые особенности механизма слеодообразования в результате их совершения, а потому – саму тактическую и методическую специфику деятельности правоохранительных органов и суда по установлению истины по уголовным делам данной категории.

И, следовательно, создание базовой криминалистической методики расследования по основанию единства цели и мотива совершения всех видов и форм «соучастия после факта» как самостоятельного криминалистического феномена для оптимизации информационно-познавательной деятельности следователя (суда) не только теоретически корректно, но и практически в высшей степени целесообразно.

¹ *Белогриц-Котляревский Л. С.* Очерки курса русского уголовного права. Киев, 1896. С. 195.

² Там же.

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Крылова Н. Е., Серебрянникова А. В. Уголовное право зарубежных стран. М., 1998. С. 123–126.

⁵ См.: Трухачев В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж, 2000. С. 36.

⁶ Подробнее об этом см.: Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве. М., 2010.

⁷ Мы убеждены, что приведенный здесь в соответствии с действующим УК перечень непрофессиональных участников уголовного процесса, на которых может оказываться воздействие с целью воспрепятствования производству по делу, должен быть расширен за счет законодательного включения в него подозреваемого и обвиняемого и близких к ним лиц. О таковой необходимости убедительно свидетельствует и современная правоприменительная практика (см.: Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве).

⁸ Об этом см. подробнее: Баев О. Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2009 ; Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3 ; Возгрин И. А. Введение в криминалистику. СПб., 2003 ; Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений. СПб., 2006.

А. Р. Белкин

ОСНОВАНИЯ И ПОВОДЫ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Развернувшаяся в литературе дискуссия о целесообразности стадии возбуждения уголовного дела побуждает к уточнению некоторых ключевых понятий.

Российский уголовный процесс знает два подхода к возбуждению уголовного дела. В первом случае (*in personam*) дело возбуждается в отношении конкретного лица (лиц), которое в соответствии со ст. 46 УПК РФ обретает при этом статус подозреваемого. Формулировка «возбуждение уголовного дела в

© Белкин А. Р., 2014

отношении лица» не только достаточно широко используется правоприменителями, но и прямо упоминается в УПК РФ (в частности, в ст. 46, 49, 146, 147, 148, 448 и др.). При этом возбуждению уголовного дела *in personam* УПК РФ в ряде случаев придает особое юридическое значение. Так, данное обстоятельство может учитываться при решении вопросов о подследственности и подсудности уголовных дел, а также о предоставлении определенным субъектам (депутатам, судьям, прокурорам, адвокатам и др.) иммунитета от уголовного преследования за счет усложнения порядка возбуждения уголовных дел¹. Кроме того, по некоторым составам преступлений уголовное дело может быть возбуждено только *in personam* – это касается, например, получения взятки, дачи свидетелем заведомо ложных показаний и др.

Второй случай (*in rem*) имеет место, если конкретные подозреваемые лица пока не установлены, но основания к возбуждению дела налицо, уголовное дело может быть возбуждено не в отношении конкретного лица, а по факту совершения деяния, имеющего признаки преступления. Как справедливо отмечает К. В. Муравьев, «выражение «по факту совершения преступления (деяния)» (ст. 223, 448 УПК РФ и др.) нередко используется законодателем как антоним словосочетанию «в отношении лица», что некорректно, поскольку любое возбуждение дела в отношении лица является разновидностью начала расследования по факту совершения преступления»².

К сожалению, УПК РФ не дает внятного и явного разграничения указанных случаев, что порождает у правоприменителя немало вопросов. При этом главы 19–20 УПК РФ регламентируют поводы, основания и порядок возбуждения дела, но соответствующие нормы не устанавливают каких-либо особых условий для начала производства в отношении конкретного субъекта. В условиях недостаточного нормативного регулирования возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица возможно различное понимание сущности этого правоприменительного акта³. В литературе встречаются различные подходы к поиску оснований для возбуждения дела в отношении конкретного лица⁴.

Значительную практическую важность представляет вопрос, как следует поступать, если подозреваемое лицо установ-

лено уже после возбуждения уголовного дела по факту? Следует ли возбудить новое уголовное дело в отношении подозреваемого лица и соединить его с ранее возбужденным или вполне допустимо просто привлечь это лицо к уголовной ответственности по ранее возбужденному уголовному делу?

Второй путь представляется более простым и логичным, тем более что ст. 171–172 УПК РФ, говоря о предъявлении обвинения, вовсе не уточняют, что обвинение может быть предъявлено лишь тому лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело (т.е. подозреваемому). Вместе с тем, говоря об изменении обвинения, ст. 175 УПК РФ не требует, чтобы при появлении нового обвинения против того же лица в отношении этого лица возбуждалось бы новое уголовное дело (по новому обвинению) – с последующим соединением вновь возбужденного дела с ранее возбужденным.

Следует отметить противоречивые позиции органов, которым дано право толковать Закон, по данному кругу вопросов. Так, по мнению Конституционного Суда РФ, УПК РФ не содержит норм, позволяющих привлекать лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также изменять или дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с установлением факта совершения данным лицом (нового) преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось⁵.

В то же время Верховный Суд РФ занимает иную позицию, указывая, что действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает обязанности следственных органов выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела, в том числе в случаях, когда будет доказано, что к данному преступлению причастно и другое лицо или установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого уже возбуждено уголовное дело. Так, в кассационном определении Военной коллегии Верховного Суда РФ от 20 января 2004 г. подчеркнуто, что в постановлении о возбуждении уголовного дела не обязательно указывать конкретные фамилии лиц, причастных к совершению преступления, и полный перечень эпизодов их преступной деятельности⁶. Судебная коллегия Верховного Суда РФ в определении от 13 декабря 2004 г. указывает, что «возбуждение уголовного дела по одной статье УК РФ не препятствует следователю предъявить обвинение

по другой статье этого Кодекса»⁷. Наконец, Военная коллегия Верховного Суда РФ в кассационном определении от 25 сентября 2006 г. № 14-006-29 указала на возможность привлечения конкретного лица к уголовной ответственности без возбуждения уголовного дела, поскольку уголовное дело в отношении его было возбуждено по иному обвинению⁸.

Полагаем возможным как возбуждение дела в отношении лица без его возбуждения по факту совершения преступления, так и привлечение лица к уголовной ответственности по делу, возбужденному не в отношении его, а по факту совершения деяния. Так, В. М. Быков, рассматривая ситуацию, когда уголовное дело было возбуждено в отношении одного лица, а в ходе расследования доказана вина другого субъекта, полагает, что в таком случае не следует возбуждать дело в отношении нового фигуранта, поскольку это уже сделано по факту совершения преступления, хотя и ошибочно, в отношении другого субъекта⁹.

Обоснованность такой точки зрения подтверждается следующим характерным примером.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрела дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ в отношении гр. Гузеевой. По делу была проведена судебно-медицинская экспертиза трупа, при этом гр. Григорьев был привлечен к уголовной ответственности и допрошен в качестве подозреваемого и обвиняемого (еще один соучастник скрылся, дело в отношении его было выделено в отдельное производство). В дальнейшем уголовное преследование гр. Гузеевой было прекращено за отсутствием состава преступления (она нанесла удар ножом в живот потерпевшему уже после его смерти), а в отношении гр. Григорьева дело было направлено в суд. Судебная коллегия признала, что органы следствия при возбуждении уголовного дела не допустили каких-либо нарушений, обвинение гр. Григорьеву было предъявлено в установленном законом порядке¹⁰.

Таким образом, представляется важным дополнить главу 19 УПК РФ нормами, упоминающими оба указанных выше варианта возбуждения уголовного дела и регламентирующими возможность привлечения лиц к уголовной ответственности по уже возбужденному делу. При этом можно указать основания для возбуждения уголовного дела как *in rem*, так и

in personam, выделив их из ст. 140 УПК РФ и сформулировав более подробно¹¹ в следующей редакции:

Статья 139¹. Основания для возбуждения уголовного дела

1. Допускается возбуждение уголовного дела по факту совершения деяния, имеющего признаки преступления, либо в отношении конкретного лица (лиц), заподозренного в совершении преступления.

2. Основанием для возбуждения уголовного дела по факту совершения деяния, имеющего признаки преступления, является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Основанием для возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица (лиц) является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления и на то, что данное лицо (лица) причастно к его совершению, при этом данное лицо (лица) считается подозреваемым по возбужденному уголовному делу с момента вручения копии постановления о возбуждении уголовного дела в порядке части 1¹ статьи 46 настоящего Кодекса.

3. По уже возбужденному уголовному делу допускается привлечение к уголовной ответственности в качестве подозреваемого, обвиняемого лица, в отношении которого уголовное дело не возбуждалось, в случае наличия достаточных данных, указывающих на то, что данное лицо причастно к совершению деяния, по которому возбуждено данное уголовное дело.

Некоторого дополнения при этом требует и ч. 1 ст. 175 УПК РФ, для которой предлагается следующая редакция¹²:

Статья 175. Изменение и дополнение обвинения. Частичное прекращение уголовного преследования

1. Если в ходе предварительного следствия появятся основания для дополнения или изменения предъявленного обвинения, то следователь в соответствии со статьей 171 настоящего Кодекса выносит новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявляет его обвиняемому в порядке, установленном статьей 172 настоящего Кодекса.

Уголовно-процессуальный кодекс не содержит достаточно строгого определения понятия повода для возбуждения уголовного дела, ограничиваясь перечислением таковых; однако не совсем удачная терминология, использованная законодате-

лем, вызывает дискуссию о том, что следует считать собственно поводом – факт получения органом (должностным лицом) информации о преступлении¹³ либо саму информацию (точнее, ее источник, материал, документ, ее содержащий)¹⁴. Основной причиной путаницы является упомянутая в п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ явка с повинной – этот термин, объединяющий как действие, так и заявление определенного вида, выглядит недостаточно однозначным. В литературе предлагалось использовать взамен термин *заявление о повинной*¹⁵, что представляется более удачным.

Вторая точка зрения выглядит заметно более логичной – после указанной выше замены поводы, указанные в ч. 1 ст. 140 УПК РФ, вполне с ней согласуются, а ч. 1¹ той же статьи, введенная позднее, прямо говорит о материалах, полученных из налоговых органов. Трактую понятие повода именно в таком ключе, можно усмотреть ясную диалектическую связь между поводом и основанием для возбуждения уголовного дела – поступивший материал представляет собой формальный повод для решения (возбуждения уголовного дела), но это решение может быть принято лишь в том случае, когда данный материал содержит достаточную информацию, указывающую на вероятное совершение преступления. Достаточность этой информации может быть определена и установлена в ходе проверки полученного материала.

Однако приводимый в ч. 1–1¹ ст. 140 список поводов никак не может считаться исчерпывающим и должен быть существенно пополнен.

Так, по мнению В. М. Быкова, ч. 1 ст. 140 должна учитывать: заявления граждан; сообщения общественных организаций; сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц; статьи, заметки и письма, опубликованные в печати и других средствах массовой информации; явку с повинной; непосредственное обнаружение органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа признаков преступления¹⁶.

Поводом для возбуждения уголовного дела следует признать не только протокол задержания, составленный в порядке ст. 92 УПК РФ¹⁷, но и документ, подводящий итоги проверки полученного сообщения о преступлении¹⁸, – решение о возбуж-

дении дела вытекает именно из него, а в случае проверки анонимного сообщения такой документ оказывается единственным поводом, поскольку само анонимное письмо поводом не является.

Д. В. Рылков справедливо полагает, что к числу поводов следует добавить и «сообщение об обнаружении признаков преступления должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность»¹⁹. Соответствующая норма уже имеется в ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденная совместным приказом МВД, ФСБ, ФСО, ФТС, СВР, ФСИН, ФСКН и Минобороны РФ от 17 апреля 2007 г., предусматривает, что данные результаты оперативно-розыскной деятельности представляются в виде рапорта (сообщения), составляемого должностным лицом органа, осуществляющего ОРД²⁰.

И. С. Дикарев, обстоятельно рассмотревший круг возможных поводов для возбуждения уголовного дела²¹, к упомянутым в ст. 140 УПК РФ поводам добавляет также следующие:

- постановление следователя, дознавателя, вынесенное в соответствии со ст. 155 УПК РФ²²;

- сообщение суда об обнаружении признаков преступления, направляемое в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела²³;

- постановление мирового судьи, вынесенное в соответствии с частями 1¹, 1² или 4¹ ст. 319 либо ч. 6 ст. 321 УПК РФ²⁴;

- запрос иностранного государства о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации;

- уведомление, поданное государственным (муниципальным) служащим, о попытках склонения его к совершению коррупционных правонарушений;

- сообщение, направленное налоговым органом для решения вопроса о возбуждении уголовного дела²⁵.

С учетом сказанного выше, предлагаем новую редакцию ст. 140 УПК РФ, дополнив список возможных поводов для возбуждения уголовного дела, исключив ч. 2 (основания для возбуждения уголовного дела включены в предложенную выше новую ст. 139¹) и перенумеровав части статьи заново:

Статья 140. Поводы для возбуждения уголовного дела

1. Поводами для возбуждения уголовного дела являются материалы, полученные органом или должностным лицом, уполномоченным возбудить уголовное дело, и содержащие информацию о совершенном или готовящемся преступлении.

2. Поводами для возбуждения уголовного дела могут служить:

1) заявление о преступлении, сделанное в порядке статьи 141 настоящего Кодекса;

2) заявление о повинной, сделанное в порядке статьи 142 настоящего Кодекса;

3) протокол задержания, составленный в порядке статьи 92 настоящего Кодекса;

4) рапорт (сообщение) должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, об обнаружении признаков преступления;

5) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;

6) акт, составленный по итогам проверки поступившего заявления (сообщения) о совершенном или готовящемся преступлении;

7) материалы, выделенные в отдельное производство постановлением следователя, дознавателя, вынесенным в порядке статьи 155 настоящего Кодекса;

8) материалы, направленные постановлением прокурора в порядке части второй статьи 37 настоящего Кодекса в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании;

9) материалы, направленные постановлением мирового судьи в порядке части 6 статьи 321 настоящего Кодекса в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании;

10) частное постановление (определение) суда, вынесенное в соответствии с частью 4 статьи 29 настоящего Кодекса;

11) запрос иностранного государства о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации, полученный в порядке статьи 459 настоящего Кодекса.

3. Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199² Уголовного ко-

декса Российской Федерации, могут служить только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Рассмотрим перечисленные поводы подробнее. Некоторые из них уже в той или иной форме описаны в УПК РФ, иные требуют особой регламентации.

Так, определенных коррективов требует ст. 141 УПК РФ, описывающая такой важнейший повод для возбуждения уголовного дела, как заявление о преступлении. В частности, следует дополнить данную статью категорическим запретом отказа в принятии заявления и указанием на необходимость его регистрации по установленной форме. Для единообразия представляется целесообразным составлять протокол и при приеме письменного заявления.

Часть 4 ст. 141 УПК РФ говорит о том, что заявление может быть сделано при производстве следственного действия, однако не вызывает сомнения, что оно может быть сделано и в ходе иных процессуальных действий.

Предписание ч. 6 ст. 141 УПК РФ о необходимости предупреждения заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ не может распространяться на заявителя, не достигшего возраста 16 лет. В настоящее время ввиду неурегулированности в законодательном порядке этого вопроса в практической деятельности заявление о преступлении, сделанное таким лицом, порой не рассматривается в качестве повода для возбуждения уголовного дела – вместо этого регистрируется заявление одного из родителей, предупреждаемого об уголовной ответственности за заведомо ложный донос²⁶. Представляется уместной аналогия со ст. 191 УПК РФ – такого заявителя следует просто информировать о важности именно правдивого заявления.

Часть 5 ст. 141 в ее текущей редакции непонятна, поскольку содержит отсылку к ст. 143; но сама ст. 143 УПК РФ говорит вовсе не о сообщении о преступлении, а о рапорте, составляемом по итогам проверки сообщения²⁷.

В юридической литературе отмечается, что в случае, когда заявление прислано в правоохранительный орган по почте, необходимо вызвать заявителя, удостовериться в его личности,

предупредить об ответственности за ложный донос, причем Н. И. Газетдинов полагает, что только после такого оформления заявление может рассматриваться как повод для возбуждения уголовного дела²⁸. И. С. Дикарев считает, что заявление о преступлении может быть сформировано на основе лишь тех сообщений о преступлениях, которые исходят от граждан, являющихся субъектами уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ²⁹.

На наш взгляд, это неверно. УПК РСФСР не предусматривал возможности вызова лица для получения объяснений, хотя в практической деятельности использовались те же средства оповещения, что и для вызова на допрос, т.е. повестки, направляемые почтой, телеграфом или по телефону. Однако и в действующей редакции УПК РФ вызов для дачи объяснений не предусмотрен, и даже в значительно измененной ст. 144 упомянуто лишь право лица, производящего проверку, получать объяснения, но отнюдь не обязанность заявителя являться и давать их. До возбуждения дела, строго говоря, вызвать заявителя нельзя, поскольку меры процессуального принуждения применить к нему невозможно. К уклоняющемуся от явки лицу не могут применяться принудительные меры, направленные на доставление против его воли к соответствующему должностному лицу правоохранительного органа для дачи объяснений³⁰. Разумеется, в случае явки заявителя его можно предупредить об ответственности по ст. 306 УК РФ; однако диспозиция этой статьи вовсе не предусматривает необходимости такого предупреждения³¹.

Наконец, ч. 7 ст. 141, запрещая считать анонимное заявление поводом для возбуждения уголовного дела, ничего не говорит о том, что же все-таки с таким заявлением делать. Пункт 13 «Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях» требует передавать анонимные заявления, поступившие по почте или информационным системам общего пользования, в которых содержатся признаки совершенного или готовящегося преступления, в соответствующие подразделения ОВД для возможного использования в оперативно-розыскной деятельности без регистрации в книге учета сообщений о происшествиях³².

Очевидно, что фактически речь идет все о той же проверке, так что упомянуть об этом можно и в тексте ст. 141 УПК РФ.

Аналогичный порядок установил и п. 1.7 Приказа Генпрокуратуры РФ от 27 декабря 2007 г. № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах Прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях» – поступающие в органы прокуратуры анонимные заявления, в которых содержатся сведения о совершении преступления или приготовлении к совершению преступления, направляются, передаются в оперативные подразделения для проведения соответствующей проверки. В тех случаях, когда содержащаяся в них информация оказывается достоверной и в ходе проверки обнаруживаются признаки преступления, соответствующее должностное лицо составляет рапорт об обнаружении признаков преступления³³.

Таким образом, сформулируем новую, значительно измененную редакцию ст. 141 УПК РФ:

Статья 141. Заявление о преступлении

1. Заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде.

2. О приеме заявления составляется протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. Протокол должен содержать данные о заявителе, а также документах, удостоверяющих личность заявителя. Устное заявление о преступлении заносится в протокол. Письменное заявление о преступлении, подписанное заявителем, прилагается к протоколу. Заявление несовершеннолетнего пострадавшего лица принимается в присутствии его законного представителя, также подписывающего протокол приема заявления.

3. Принятое заявление должно быть зарегистрировано в установленном настоящим Кодексом порядке. Заявителю выдается на руки копия протокола приема заявления. В случае подачи письменного заявления заявителю вручается также его копия с отметкой о приеме.

3¹. Отказ в приеме и регистрации заявления о преступлении категорически не допускается. Контроль за соблюдением правил приема и регистрации заявлений осуществляется прокурором.

4. Если устное заявление о преступлении сделано при производстве процессуального действия или в ходе судебного заседания, то оно заносится соответственно в протокол следственного действия или протокол судебного заседания. При этом заявителю должны быть вручены копия протокола соответствующего действия либо выписка из протокола судебного заседания.

5. Заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, о чем в протоколе делается отметка, удостоверяемая подписью заявителя. Заявитель, не достигший возраста шестнадцати лет, не предупреждается об ответственности за заведомо ложный донос, но при приеме заявления ему указывается на недопустимость ложных заявлений.

6. Принятое заявление о преступлении подлежит проверке в порядке статьи 144 настоящего Кодекса.

7. Отзыв заявителем сделанного им заявления по делам частнопубличного и публичного обвинения не влечет за собой прекращения проверки этого заявления или уже возбужденного уголовного дела.

8. Заявление, поданное по почте или переданное иным путем и принимаемое в отсутствие заявителя, рассматривается в порядке статьи 143¹ настоящего Кодекса.

9. Анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Сведения, содержащиеся в анонимном заявлении, могут быть проверены и использованы в оперативно-розыскной деятельности.

Следующий повод для возбуждения уголовного дела – явка с повинной – тоже регламентирован в УПК РФ недостаточно строго и подробно. В различных статьях УПК РФ говорится то о явке с повинной, то о заявлении о явке с повинной, причем простое сопоставление п. 43 ст. 5 УПК РФ и ч. 1 ст. 142 УПК РФ позволяет отметить, что законодатель отождествляет эти понятия, вкладывая в них общий смысл – это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. В то же время в проекте УПК РФ, принятом во втором чтении Государственной Думой, употреблялся иной термин – *заявление о повинной*³⁴. Права В. Л. Будников и Е. Б. Смагоринская, указавшие, что

«используемое в проекте УПК название повода к возбуждению уголовного дела было более правильным, поскольку точнее отражало существо данного обращения»³⁵.

Поддерживая такую позицию, И.С. Дикарев подчеркивает, что «гражданин, обращаясь в правоохранительные органы, заявляет вовсе не о явке, а о признании своей вины в совершенном или готовящемся преступлении», так как законодатель «используя слово «явка», искусственно ограничивает содержание рассматриваемого повода для возбуждения уголовного дела, поскольку элементом его содержания становится личная явка гражданина в правоохранительные органы»³⁶. Следует разграничить явку с повинной как действие (упоминаемое в ст. 61, 75, 78 и 83 УК РФ) и заявление о повинной как повод для возбуждения уголовного дела.

Действующая редакция ст. 142 УПК РФ предусматривает, что порядок приема заявления о повинной аналогичен порядку приема заявления о преступлении; однако по этому поводу тоже следует сделать некоторые уточнения.

Как указывает Т. Н. Москалькова, заявление о повинной может быть представлено в правоохранительные органы не только лично, но и через близких заявителю лиц, знакомых, адвоката и др.³⁷ Представляется, что в большинстве случаев такое заявление вполне может считаться сообщением, полученным из иных источников (аналогично ч. 8 предложенной выше измененной ст. 141 УПК РФ). Исключением можно считать письменное заявление, сделанное подозреваемым, обвиняемым через своего защитника или законного представителя (или через администрацию места содержания под стражей).

Подача заявления о повинной фактически ставит заявителя в положение заподозренного в совершении преступления, поскольку дальнейшая проверка будет выяснять не только наличие признаков преступления в деянии, о котором он сообщил, но и его причастность к этому деянию. Фактически уголовное преследование заявителя начинается уже до возбуждения уголовного дела, что обуславливает необходимость обеспечения процессуальных гарантий защиты его прав и законных интересов. В свете этого имеет смысл дополнить ст. 142 УПК РФ положением о необходимости разъяснения заявителю уголовно-правового и уголовно-процессуального значения

явки с повинной. Особо следует разъяснить, что заявление о повинной (как и протокол принятия данного заявления) может быть использовано в качестве доказательства в ходе дальнейшего производства по уголовному делу, даже в случае если заявитель впоследствии от этого заявления откажется.

По тем же основаниям необходимо обеспечить обязательное участие адвоката (защитника) при подаче заявления о повинной. По данным Н. И. Газетдинова, в 58 случаях из 80 опрошенные лица заявили о написании заявления о явке с повинной под физическим или психическим давлением. Чтобы исключить такое воздействие со стороны оперативных работников, органов дознания и следователя, он предлагает дополнить ст. 142 УПК РФ следующим положением: «При добровольном сообщении лицом о совершенном или готовящемся им преступлении участие адвоката является обязательным»³⁸.

Вопрос о возможности привлечения обвиняемого (подозреваемого) к уголовной ответственности за заведомо ложный донос законодателем не урегулирован. Прямого указания на субъект преступления в ст. 306 УК РФ нет, однако п. 21 ч. 4 ст. 47 разрешает обвиняемому защищаться лишь средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом, к числу которых отнести заведомый оговор трудно. Президиум Верховного Суда РСФСР в 1990 г. указал, что «когда обвиняемый дает заведомо ложные показания, касающиеся других лиц, заявляя, например, что преступление совершил не он, и указывает на другое лицо как на преступника или принижает свою роль в совершении преступления за счет соучастников, его действия следует рассматривать как допустимый метод защиты»³⁹; однако четверть века спустя указанная позиция не выглядит бесспорной.

Отмечая заметное увеличение числа ложных доносов, подаваемых обвиняемыми и осужденными по поводу преступлений, якобы совершенных теми или иными участниками процесса в ходе расследования уголовного дела, С. В. Бурмагин напоминает о более позднем (1991 г.) надзорном постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР, подчеркнувшем, что субъектом ложного доноса может быть любое лицо, в том числе обвиняемое в совершении другого преступления⁴⁰, и предлагает при принятии от обвиняемых заявлений о возбуж-

дении уголовного дела брать с них подписку о предупреждении об уголовной ответственности за заведомо ложный донос⁴¹. Во всяком случае, если лицо, еще не являющееся подозреваемым (обвиняемым), заявляя о повинной, одновременно сообщает о совершении преступления сообщниками или иными лицами, это сообщение вполне подпадает под признаки заявления о преступлении. Следует согласиться с И. С. Дикаревым, полагающим, что отсюда вытекает необходимость в предупреждении заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ⁴².

С учетом изложенного выше предлагаем новую редакцию ст. 142 УПК РФ:

Статья 142. Заявление о повинной

1. Заявление о повинной – добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении.

2. Заявление о повинной может быть подано и подлежит приему в порядке частей первой – четвертой и шестой статьи 141 настоящего Кодекса.

3. Подача заявления о повинной подозреваемым (обвиняемым) по тому же уголовному делу производится в присутствии защитника, удостоверяющего своей подписью протокол приема заявления.

4. Подача заявления о повинной лицом, не являющимся подозреваемым (обвиняемым) по тому же уголовному делу, производится в присутствии адвоката, удостоверяющего своей подписью протокол приема заявления. Если при этом в заявлении о повинной содержатся сведения о причастности к преступлению иных лиц, кроме заявителя, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, о чем в протоколе делается отметка, удостоверяемая подписью заявителя. Заявитель, не достигший возраста шестнадцати лет, не предупреждается об ответственности за заведомо ложный донос, но при приеме заявления ему указывается на недопустимость ложных заявлений.

5. При подаче заявления о повинной заявителю во всех случаях разъясняется, что само заявление и протокол его приема могут использоваться в доказывании его виновности, даже если он впоследствии откажется от данного заявления.

6. *Заявление о повинной должно быть сделано лично. Обвиняемый, подозреваемый вправе передать заявление о повинной через своего защитника или законного представителя либо через администрацию места содержания под стражей. Заявление, поданное по почте или переданное иным путем и принимаемое в отсутствие заявителя, рассматривается в порядке статьи 143¹ настоящего Кодекса.*

Продолжая рассматривать поводы для возбуждения уголовного дела, приведенные выше в ч. 2 модифицированной ст. 140, заметим, что протокол задержания может быть в достаточной мере описан в ст. 92 УПК РФ⁴³, а рапорт об обнаружении признаков преступления требует отдельной регламентации. При этом надлежит учесть, что слово *рапорт* в русском языке имеет значение «служебное сообщение, донесение младшего по званию старшему военному начальнику; доклад, сообщение о выполнении задания, обязательств»⁴⁴. Сообщение, поступившее от оперативных служб следователю или дознавателю, уполномоченному принять решение о возбуждении уголовного дела, вполне подходит под это определение; однако документ об итогах проверки заявления (сообщения), составленный самим дознавателем (следователем), рапортом не является (ибо на его основании сам же следователь или дознаватель принимает решение); во избежание ненужного смешения понятий данный документ следует назвать по-иному. Думается, что для этой цели наиболее подходит слово *акт*.

В связи с этим уточним формулировку ст. 143 УПК РФ:

Статья 143. Рапорт об обнаружении признаков преступления

Рапорт (сообщение) должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, об обнаружении признаков преступления направляется прокурору либо непосредственно в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Наконец, имеет смысл определить и упомянутое выше сообщение о преступлении, поступившее из иных источников. Вновь вводимая статья УПК РФ могла бы иметь следующий вид:

Статья 143¹. Сообщение о преступлении, полученное из иных источников

Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, чем указанные в пунктах 1–4

и 7–11 статьи 140 настоящего Кодекса, принимается и регистрируется должностным лицом органа предварительного расследования, получившим данное сообщение, и подлежит проверке в порядке статьи 144 настоящего Кодекса.

Некоторой корректировке подлежит также п. 43 ст. 5 УПК РФ, принимающий следующий вид:

Статья 5. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе

43) сообщение о преступлении – заявление о преступлении, заявление о повинной, рапорт об обнаружении признаков преступления, сообщение о преступлении, полученное из иных источников.

¹ См.: *Петрухин И. Л.* Теоретические основы реформы уголовного процесса России. М., 2005. Ч. 2. С. 24.

² *Муравьев К. В.* Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица // *Уголовное право*. 2013. № 1. С. 106–112.

³ См.: Там же.

⁴ См., например: *Быков В. М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // *Журнал рос. права*. 2006. № 7. С. 58–60 ; *Марфицин П. Г., Муравьев К. В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления. Омск, 2009 ; *Колоколов Н. А.* Возбуждение уголовного дела : отдельные методические рекомендации по составлению документов // *Юрид. мир*. 2010. № 2. С. 54–58.

⁵ См.: Определения Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 343-О и от 21 декабря 2006 г. № 533-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 20 января 2004 г. № 6-073/03. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁷ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 13 декабря 2004 г. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁸ См.: Кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 25 сентября 2006 г. № 14-006-29 // Сайт ВС РФ. URL: <http://www.soupcourt.ru>

⁹ См.: *Быков В. М.* Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица // *Уголовный процесс*. 2006. № 6. С. 40.

¹⁰ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 89-004-4 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2004. № 9. С. 19.

¹¹ На наш взгляд, именно содержательные основания для возбуждения уголовного дела должны предшествовать в законе формальным поводам для его возбуждения.

¹² В текущей редакции ст. 175 УПК РФ, несмотря на ее название, о *дополнении обвинения* нет ни единого слова.

¹³ См., например: *Галузо В. Н., Якупов Р. Х.* Уголовный процесс. 7-е изд., перераб. М., 2013. С. 303–304.

¹⁴ См., например: Уголовный процесс : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2004. С. 280–281 ; Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 2007. С. 192.

¹⁵ См., например: *Коломеец В. К.* Положения о явке с повинной в российском законодательстве (1845–2005 гг.) // Журнал рос. права. 2006. № 1. С. 147.

¹⁶ См.: Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. А. П. Кругликов. М., 2010. С. 337.

¹⁷ См.: *Белкин А. Р.* Задержание по подозрению в совершении преступления : спорные вопросы и возможные пути разрешения проблем // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 13–19.

¹⁸ В определенных случаях такой документ правильнее было бы называть не рапортом, а актом.

¹⁹ *Рылков Д. В.* Повод для возбуждения уголовного дела как необходимое условие начала производства по делу // Рос. следователь. 2009. № 17. С. 6–9.

²⁰ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд // Рос. газ. 2007. 16 мая.

²¹ См.: *Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела* / под ред. И. С. Дикарева. М., 2012. С. 112.

²² Думается, что правильнее считать поводом не постановление, а выделенные материалы.

²³ Не вполне понятно, что именно имеет в виду И. С. Дикарев. Возможно, речь идет о частном определении (постановлении), вынесенном в порядке ч. 4 ст. 29 УПК РФ; если же подразумевается заключение суда о наличии в действиях субъекта признаков преступления (ст. 448 и п. 111 ст. 5 УПК РФ), то это вряд ли можно считать поводом, ибо повод уже зафиксирован – иначе не было бы и обращения в суд за этим заключением.

²⁴ В первых трех случаях поводом служит заявление о преступлении, перенаправляемое мировым судьей, в последнем случае – очевидное, сами направляемые материалы.

²⁵ Два последних случая, по нашему мнению, охвачены п. 3 ч. 1 ст. 140 и не требуют отдельного упоминания.

²⁶ См.: *Шендяпин И. М.* Обеспечение прав заявителя-пострадавшего в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник ун-та МВД России. 2010. № 7. С. 164–166.

²⁷ Ниже предложено дополнить УПК РФ новой статьей 143¹.

²⁸ См.: *Газетдинов Н. И.* О законодательной регламентации поводов и оснований для возбуждения уголовного дела // *Рос. следователь.* 2007. № 20. С. 8.

²⁹ См.: *Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / под ред. И. С. Дикарева.* С. 58–61.

³⁰ См.: *Быков В. М.* Потерпевший в стадии возбуждения уголовного дела // *Воронежские криминалистические чтения.* Воронеж, 2008. Вып. 10. С. 96–106.

³¹ Здесь можно усмотреть коренное отличие ст. 306 УК РФ от ст. 307–308. Нарушение диспозиции этих статей возможно только в ходе допроса (или иного действия, допускающего дачу показаний), а УПК РФ прямо требует от следователя, дознавателя предупреждать об уголовной ответственности по этим статьям *до* начала *собственно* допроса, так что субъект, допускающий нарушение, заведомо должен быть предупрежден о его наказуемости. В то же время отправление ложного доноса по почте не исключает наказуемости этого деяния (хотя об этом субъект и не был предупрежден) в силу общего принципа: *ignorantia non est argumentum.*

³² См.: Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях : приказ МВД РФ от 4 мая 2010 г. № 333. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³³ Законность. 2008. № 3. С. 54.

³⁴ О проекте № 97700236-2 Уголовно-процессуального кодекса РФ : постановление ГД Федерального Собрания РФ от 20 июня 2001 г. № 1659-III ГД // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2001. № 27. Ст. 2705.

³⁵ *Будников В. Л., Смагоринская Е. Б.* Участие адвоката в формировании и исследовании доказательств в досудебном уголовном производстве : лекция. Волгоград, 2004. С. 11.

³⁶ *Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / под ред. И. С. Дикарева.* С. 66–67.

³⁷ См.: *Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2002.* С. 294.

³⁸ *Газетдинов Н. И.* Указ. соч. С. 9.

³⁹ Постановление ПВС РСФСР от 11 апреля 1990 г. № 91-8 по делу Н. И. Симонова // *Бюллетень Верховного Суда РСФСР.* 1990. № 6.

⁴⁰ См.: ВВС РСФСР. 1991. № 8. С. 17.

⁴¹ См.: *Бурмагин С. В.* Проблема права на защиту в уголовном судопроизводстве // *Публичное и частное право.* 2011. Вып. 3 (11). С. 101–105.

⁴² См.: *Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / под ред. И. С. Дикарева.* С. 69–70.

⁴³ Новая, дополненная редакция ст. 92 УПК РФ предложена нами в упомянутой выше работе (см.: *Белкин А. Р.* Указ. соч.).

⁴⁴ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 584.

С. Н. Боков

ЛОКУС КОНТРОЛЯ ЛИЧНОСТИ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Несмотря на то что различным психологическим аспектам профессиональной деятельности следователя в отечественной литературе посвящено значительное количество исследований (В. Л. Васильев, М. И. Еникеев, Д. П. Котов, А. Р. Ратинов и др.), далеко не все практические стороны этой проблемы вплоть до настоящего времени освещены достаточно полно. Это связано прежде всего с тем, что подавляющее большинство работ выполнялось в то время, когда в нашей стране были мало известны соответствующие зарубежные исследования тех психологических категорий, которые могли бы иметь значение для решения значимых аспектов проблемы. К числу таких категорий относится локус контроля (ЛК) личности (или уровень субъективного контроля, как его нередко называют в нашей стране).

Понятие *локус контроля личности* было введено в науку американским психологом J. Rotter в 1954 г. Под ним понимается склонность приписывать результаты своей деятельности внешним (внешний, или экстернальный, локус контроля) или внутренним (внутренний, или интернальный, локус контроля) факторам. Под внутренними факторами понимаются индивидуально-психологические особенности – собственные усилия, собственные положительные и отрицательные качества, наличие или отсутствие необходимых знаний, умений и навыков и др.

Основные положения теории J. Rotter заключаются в следующем: люди различаются между собой по тому, как и где они локализируют контроль над значительными для себя событиями. Возможны два полярных типа такой локализации: экстернальный и интернальный. При этом постулируется, что существует континуум, крайними точками которого являются индивиды с ярко выраженными внешними или внутренними стратегиями атрибуции (которых в реальности нет). Остальные люди занимают промежуточные положения.

1. Любому человеку свойственна определенная позиция на континууме, простирающемся от экстернального к интернальному типу.

2. Локус контроля, характерный для индивида, универсален по отношению к любым типам событий и ситуаций, с которыми ему приходится сталкиваться. Один и тот же тип контроля характеризует поведение данной личности и в случае неудач, и в сфере достижений, причем это в разной степени касается различных областей социальной жизни.

К примеру, если студент получает неудовлетворительную оценку на экзамене или зачете, то, обладая внешней локализацией контроля, он возложит вину на внешние факторы (например, на «некачественное» преподавание, «плохо» составленное расписание сессии, «недостаток» литературы, различного рода домашние отвлечения от подготовки и др.), а обладая внутренней – на внутренние (например, «я не успел должным образом подготовиться к предмету», «я так и не смог найти время для подготовки», «этот предмет мне неинтересен и я не хочу его учить вообще» и др.).

Д. Майерс называет локус контроля локализацией контроля волевого усилия, а отечественные ученые Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина и А. М. Эткинд – уровнем субъективного контроля (УСК)¹.

Локус контроля крайне обстоятельно изучен зарубежной и отечественной (в меньшей степени) психологической наукой. Следует остановиться на некоторых, значимых для темы статьи, результатах этих исследований.

Склонность к внешней атрибуции повышает беспомощность человека.

Лица, которые считают себя ответственными за состояние своих дел (внутренняя атрибуция), способны добиваться большего успеха. Одновременно они склонны в большей мере испытывать чувство вины за события, которые с ними происходят.

Конформное и уступчивое поведение в большей степени присуще людям с экстернальным локусом. Интерналы в отличие от экстерналов менее склонны подчиняться давлению других, сопротивляться, когда чувствуют, что ими манипулируют; они реагируют сильнее, чем экстерналы, на утрату личной свободы. Люди с интернальными локусами контроля лучше работают в одиночестве, чем под наблюдением или при видеозаписи. Для экстерналов характерно обратное.

Интерналы и экстерналы различаются по способам интерпретации разных социальных ситуаций, в частности по способам получения информации и по механизмам их каузального объяснения. Интерналы склонны к более активному поиску информации и обычно лучше осведомлены о ситуации, чем экстерналы. В одной и той же ситуации интерналы приписывают большую ответственность индивидам, участвующим в этой ситуации. Интерналы в большей степени избегают ситуационных объяснений поведения, чем экстерналы.

Как показывают исследования, интернальность коррелирует с социальной зрелостью и просоциальным поведением. В свою очередь, экстернальность связана с недостаточной социальной зрелостью и асоциальным поведением. Интерналы отличаются большей терпимостью, целеустремленностью, самостоятельностью, меньшей агрессивностью, более благожелательным отношением к окружающим.

Исследования, связывающие интернальность – экстернальность с межличностными отношениями, показали, что интерналы более популярны, более благожелательны, более уверены в себе, проявляют большую терпимость². Показана связь высокой интернальности с положительной самооценкой, с большей согласованностью образов реального и идеального «Я». У экстерналов обнаружена более активная, чем у экстерналов, позиция по отношению к своему здоровью: они лучше информированы о своем состоянии, больше заботятся о своем здоровье и чаще обращаются за профилактической помощью.

Экстернальность положительно коррелирует с тревожностью, депрессией, психическими расстройствами.

Важнейшей динамической характеристикой личности является тенденция к принятию на себя ответственности. Ответственность является важнейшей характеристикой личности, она в первую очередь отличает социально зрелую личность от социально незрелой. Анализ теоретических данных, касающихся локуса контроля, позволяет заключить, что данная характеристика является важнейшим показателем готовности личности принять либо отказаться от возлагаемой ответственности за свою деятельность и за деятельность других членов группы³.

Установлено, что многие проблемы поведения связаны с так называемой «выученной беспомощностью». Она развивается в тех случаях, когда человек убежден в своей неспособности контролировать и изменять ситуацию, и для него становится «очевидным», что причины происходящего лежат вне поля его активности. А это, в свою очередь, приводит к снижению самооценки и отказу от активных действий.

Экспериментальные исследования локуса контроля личности у социально незрелых подростков показали, что 84 % их относится к экстернальному типу и только 16 % склонны брать ответственность на себя, т.е. являются интерналами⁴.

По мнению К. Муздыбаева, существует положительная корреляция между интернальностью и наличием смысла жизни: чем больше субъект верит, что всё в жизни зависит от его собственных усилий и способностей, тем в большей мере он находит в жизни смысл и цели⁵. Экстерналов отличают повышенная тревожность, обеспокоенность, меньшая терпимость к другим и повышенная агрессивность, конформность, меньшая популярность⁶. В. В. Знаков пишет о большей склонности экстерналов к обману и совершению аморальных поступков⁷.

Экстерналы субъективно всегда находятся в ситуациях большей неопределенности, чем интерналы, так как не контролируют события своей жизни самостоятельно. Эти события и, следовательно, сама их жизнь преимущественно определяются случаем, обстоятельствами, волей других людей. Имеются данные о положительной связи экстернальности с гневом и агрессией.

Каких-либо достоверных зависимостей локуса контроля личности и психологических особенностей до настоящего времени обнаружить не удалось. Интернальность или экстернальность – это не частная личностная черта, а определенный личностный паттерн, целостная личностная комбинация.

Локус контроля личности рассматривается как относительно стабильное на протяжении жизни образование, хотя некоторые незначительные его вариации возможны.

В целом локус контроля является важной интегральной характеристикой личности, показателем взаимосвязи отношения к себе и отношения к окружающему.

Как ясно следует из изложенного выше, локус контроля личности является одним из важных факторов профессиональной успешности, особенно в профессиях, объектом профессиональной деятельности в которых выступает человек. Поэтому его оценка важна не только применительно к профессии следователя, но и в отношении представителей всех других юридических профессий, так как знание локуса контроля позволяет с известной степенью точности прогнозировать самостоятельность и ответственность поведения.

Следует отдельно подчеркнуть, что, хотя наличие интернальных свойств и однозначно желаемо, примерно половина человечества экстерналы. Поэтому факт экстернальности личности, взятый отдельно, изолированно, еще ничего не предопределяет. Личность представляет собой настолько сложное и многокомпонентное образование, что недостаточное развитие какого-либо отдельного качества практически всегда стремится быть уравновешенным развитием другого, компенсирующего качества. Например, низкий уровень локуса контроля может быть достаточно успешно компенсирован хорошим развитием социального интеллекта, высокой эмпатийностью и т.п.

В настоящее время профессиональный психологический отбор в Следственный комитет России, как и ранее, не проводится, да и вряд ли будет проводиться в будущем. Но с большей или меньшей успешностью он проводится в системе МВД, при этом состояние локуса контроля личности у кандидатов на службу не изучается. Целесообразно включить в комплекс психодиагностических методик те, которые позволяют диагностировать состояние локуса контроля личности (однако низкие

показатели по шкале локуса контроля не могут быть официальным профессиональным ограничителем).

Знание этого имеет важное значение не только для прогнозирования профессиональной успешности, но и для предупреждения профессиональных деформаций личности сотрудников.

¹ См.: *Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд А. М.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М., 1993.

² См.: *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983.

³ См.: *Чиликина И. А.* Локус контроля как социально-психологическая детерминанта представлений о лидерских качествах : дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.

⁴ См.: *Реан А. А., Коломинский Я. Л.* Социальная педагогическая психология. СПб., 2001.

⁵ См.: *Муздыбаев К.* Указ. соч.

⁶ См.: *Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд А. М.* Указ. соч. ; *Муздыбаев К.* Указ. соч. ; *Ксенофонтова Е. Г.* Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 2. С. 103–114.

⁷ См.: *Знаков В. В.* Понимание в познании и общении. М., 1998. С. 46.

Р. Н. Боровских

ПРАГМАТИЗМ КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ И ЕГО СОДЕРЖАНИЕ

В последние годы в адрес юридического образования и юридической науки высказываются критические замечания, связанные с отставанием и образования, и науки от потребностей правоприменительной практики. К сожалению, такая критика во многом является обоснованной. В некоторых вузах действительно наблюдаются изъяны образовательного процесса, связанные с недостаточной прагматичностью обучения, недостаточным вниманием к практической составляющей юриди-

© Боровских Р. Н., 2014

ческой профессии. Это прямо признают многие наши коллеги, говоря не только о дидактике учебных юридических дисциплин, но и правовой науке в целом: «В России, как и в некоторых других государствах, наблюдается излишняя теоретизированность юридических научных исследований, и практики неоднократно совершенно справедливо упрекали в этом теоретиков. По сути дела, получается, что наука, призванная помогать практическому работнику в его повседневной деятельности, отстраняется от своих обязанностей, и практики вынуждены довольствоваться теми уже давно устаревшими моделями, что у них есть. Можно сказать, что наука существует ради науки»¹.

Отметим, что и в адрес науки криминалистики нередко высказываются подобные замечания за ее излишнюю теоретизированность, оторванность от нужд практики и др.² В своих публикациях многие известные ученые, в числе которых А. Ф. Лубин, А. Г. Филиппов, Л. Я. Драпкин и другие, справедливо указывают на некорректность выпадов А. С. Александрова. Вместе с тем Л. Я. Драпкин признает, что «не всё ладно в нашей науке: бесконечные споры о проблемах криминалистики, следственных (криминалистических) ситуациях, предмете самой криминалистики, ее закономерностях уводят нашу науку от выполнения ее основной функции – обслуживание досудебного и судебного производства. Разумеется, названные выше проблемы очень важны для нашей науки, но обсуждать их до бесконечности, упрямо повторяя одни и те же доводы и не обращая внимания на уроки и выводы мировой науки, невозможно»³.

В связи с рассматриваемой проблемой Ю. П. Гармаев верно замечает, что «...криминалисты – преподаватели и ученые, могли и должны были бы взять на себя груз ответственности, составив инновационный потенциал юридического образования, обеспечивая прагматизм, максимальное приближение к нуждам практики не только разработок своей науки, но и всех юридических дисциплин»⁴.

Безусловно, предложения о выходе из сложившейся ситуации имеются.

Так, Н. П. Яблоков, отмечая высокие достижения науки криминалистики в части практического применения разрабатываемых ею рекомендаций, тем не менее, формулирует целый ряд замечаний, направленных на усиление прикладной составля-

ющей исследований. Например, в плане криминалистических методик расследования преступлений к одному из важнейших направлений их дальнейшего совершенствования автор относит усиление *их прагматического аспекта*⁵.

Прагматизм (от др.-греч. *πράγμα* – дело, действие) – философское течение, базирующееся на практике как критерии истины и смысловой значимости⁶. Прагматик – человек, который выстраивает свою систему поступков и взглядов на жизнь в аспекте получения практически полезных результатов.

Думается, что практически полезные результаты для криминалистики как науки состоят в разработке не только научных положений, но и прикладных рекомендаций, максимально широко и эффективно адаптируемых и применяемых как профессиональными участниками уголовного судопроизводства, так и другими лицами, защищающими свои (и не только) права и законные интересы. Практически полезные результаты для криминалистики как учебной дисциплины – это повышение качества подготовки будущих практических работников, повышение интереса студентов и иных обучаемых к указанному предмету. По мнению Н. П. Яблокова, задача криминалистов – активно, постоянно раскрывать, показывать, демонстрировать технический, тактико-технологический арсенал криминалистических разработок по выявлению, изучению и использованию различного рода юридических фактов не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в других видах юридической деятельности: гражданско-правовой, административной практике и др.⁷

Аналогичным образом рассуждает В. Ю. Шепитько: «Средства, приемы и методы криминалистики успешно используются в иных сферах (оперативно-розыскной, судебной, прокурорской, экспертной, адвокатской деятельности) либо позволяют устанавливать факты, лежащие вне уголовно-правовых явлений (использование криминалистических знаний в гражданском, арбитражном (хозяйственном) или административном процессах)»⁸.

Изложенные авторитетные мнения позволяют перейти к анализу содержания прагматизма как ключевого направления совершенствования криминалистики. Первостепенным здесь видится не столько идеологическая поддержка со стороны коллег, сколько акцент на использование прагматичного

подхода в прикладных исследованиях и в процессе внедрения их результатов.

В рамках статьи не представляется возможным подробно описать и обосновать все направления усиления прагматического аспекта криминалистики. Поэтому постараемся лишь обозначить два таких направления.

Первое. Криминалистические рекомендации должны излагаться по возможности максимально кратким, доступным для широкого круга читателей-юристов языком, с разумным количеством правильно составленных примеров реальной правоприменительной практики, с применением по возможности большого количества схем, алгоритмов и иных программных, в том числе мультимедийных, средств.

По верному замечанию С. Ю. Косарева, «...исследование генезиса частных криминалистических методик убедительно свидетельствует о том, что главным в описании преступной деятельности является решение задачи наиболее удобного и качественного изложения материала в форме, максимально приемлемой и значимой для ее основных потребителей – практических сотрудников правоохранительных органов»⁹.

Второе, тесно связанное с предыдущим, направление. Весьма интересными и полезными представляются предложения ряда ученых о включении в различного типа криминалистические разработки (технические, тактические, методические) рекомендаций по правильному составлению процессуальных и иных документов, прежде всего наиболее сложных и важных, например постановления о привлечении в качестве обвиняемого¹⁰.

В сравнительно-правовом аспекте полезным, по мнению Д. С. Хижняка, является пример разработки и издания в США пособий и руководств по правилам написания следственных и оперативных документов, что в России не всегда практикуется. Эти работы мало похожи на издаваемые у нас справочники следователя и приложения к УПК РФ, в которых приводятся примерные формы бланков для процессуального оформления результатов следственных действий. «В отличие от отечественных изданий ...в американских пособиях упор сделан на содержательную сторону протокола и его стилистику. Для примера можно отметить работу известного в США американского криминалиста Л. Е. Холтца «Следственное и оперативное документирование»¹¹.

Результаты проведенного Д. С. Хижняком анкетирования показали, что 73 % из всех опрошенных работников правоохранительных органов считают необходимым следовать американскому образцу и начать выпускать такого рода пособия для следователей и оперативных работников. Кроме того, предлагается обобщать практику по конкретным категориям уголовных дел (убийство, вымогательство, грабёж и др.) и создавать сборники, посвященные лучшим образцам российской следственной практики¹².

Полностью разделяя данную точку зрения и рассматривая ее как направление повышения прагматизма криминалистики, следует не только разрабатывать рекомендации по составлению этих документов, но и создавать, апробировать и внедрять специальные образцы документов (возможно, с комментариями), оформляя их как приложения к своим публикациям. При этом большую часть таких образцов можно и нужно выносить за рамки «бумажного» продукта (книг), выкладывая на электронные носители, в том числе в Интернет, пользователями которого сегодня являются большинство правоприменителей.

Как показывают опросы практических работников, значительное число следователей не обладают надлежащими знаниями и навыками по составлению текстов основных процессуальных документов, прежде всего постановления о привлечении в качестве обвиняемого (далее – обвинение). Например, у следователей органов внутренних дел соответствующие навыки по уголовным делам о причинении вреда здоровью развиты значительно лучше, чем по делам о «страховом» мошенничестве или иных сложных экономических преступлениях. По такого рода делам особенно заметно, что малейшие неточность, ошибка, опечатка в обвинении порой приводят к серьезным негативным последствиям, причем на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Доказательства и иные сведения оцениваются судом только в том случае, если они подтверждают или опровергают те обстоятельства предмета доказывания, а также объективные и субъективные признаки преступлений, которые описаны в обвинении. Если не конкретизировано упомянутое, то даже в случае, когда доказательства в ходе расследования собраны в полном объеме, суд может вынести оправдательный приговор или вернуть уголовное дело прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ¹³.

Есть все основания полагать, что в рамках подготовки учебных и учебно-практических пособий, иных «образовательных» продуктов, а также в рамках преподавания криминалистики¹⁴, повышения квалификации следователей и других правоприменителей следует обучать не только техническим, тактическим и иным «специальным средствам и методам судебного исследования»¹⁵ преступлений, хотя и это очень важно, но и особенностям составления важнейших процессуальных документов по уголовным делам различных категорий. К сожалению, обозначенные направления редко используются преподавателями вузов, разработчиками учебных и прикладных рекомендаций.

Представляется, что реализация указанных выше направлений усиления прагматизма криминалистики как науки и учебной дисциплины остро необходима и обусловлена потребностями современной практики борьбы с преступностью. Их реализация позволит сделать важный шаг к модернизации, уточнению парадигм развития не только криминалистики, но и других наук, а равно учебных дисциплин антикриминального цикла.

¹ *Вележев С. С.* Консолидация теории и практики в решении проблем, связанных с юридической ответственностью и наказанием // Администратор суда. 2011. № 1. С. 7–8.

² См., например, дискуссию в интернет-форумах после опубликования статьи А. С. Александрова «Семь смертных грехов современной криминалистики» // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iauaj.net/node/342> (дата обращения: 23.08.2013).

³ *Драпкин Л. Я.* Совсем несмертные грехи профессора А. С. Александрова // Юрид. наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 286–287.

⁴ *Гармаев Ю. П.* Принцип состязательности и необходимость реформы дидактики в юридических вузах России // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2012. № 1 (2). С. 322.

⁵ См.: *Яблоков Н. П.* О некоторых проблемах разработки криминалистической методики расследования // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 3 (15). С. 18.

⁶ См.: Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 2000. С. 952.

⁷ См.: *Яблоков Н. П.* Теоретические и практические аспекты применения данных криминалистики в правоприменительной и иной юридической деятельности // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 3(31). С. 23–25.

⁸ *Шепитько В. Ю.* Криминалистика XXI века : предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях // Современное состояние и развитие криминалистики : сб. науч. трудов / под ред. Н. П. Яблокова и В. Ю. Шепитько. Харьков, 2012. С. 43.

⁹ *Косарев С. Ю.* Криминалистические методики расследования преступлений (становление и перспективы развития) : монография / под ред. И. А. Возгрина. СПб., 2005. С. 190.

¹⁰ См.: Там же. С. 223–224.

¹¹ См.: *Holtz L. E.* Investigative and operational report writing. Binghamton ; N.Y., 1990. Цит. по: *Хижняк Д. С.* Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий : теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 80–81.

¹² См.: *Хижняк Д. С.* Указ. соч. С. 82.

¹³ См.: *Гармаев Ю. П.* Проблемы криминалистического и уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции // Актуальные вопросы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (24 ноября 2009 г.). Иркутск, 2010. С. 337–339.

¹⁴ Думается, что в равной степени это касается и уголовного процесса, и иных дисциплин антикриминального цикла.

¹⁵ Согласно определению предмета криминалистики, данному Р. С. Белкиным (см., например: *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 7).

А. Н. Вдовин

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДДЕРЖАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
ОРУЖИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

В деле обеспечения неотвратимости уголовной ответственности за каждое совершенное преступление прокурор обладает значительными возможностями в судебных стадиях производства по уголовному делу.

© Вдовин А. Н., 2014

Именно прокурор по делам о преступлениях публичного и частнопубличного обвинения осуществляет от имени государства уголовное преследование, принимает меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 1 и 2 ст. 21 УПК РФ)¹.

В системе уголовно-процессуальных функций обвинение занимает доминирующее положение, без которого уголовное правосудие беспредметно, невозможно.

Пределы рассмотрения обвинения прокурором ограничены лишь указанием закона о недопустимости в суде изменения обвинения в худшую сторону. То есть предмет и пределы рассмотрения обвинения до начала судебного разбирательства определяются прокурором, и суд не вправе решать вопрос, в каком объеме и какое конкретно обвинение будет рассмотрено в судебном заседании

Процессуальным документом, устанавливающим пределы судебного разбирательства по конкретному делу, является обвинительное заключение (обвинительный акт).

Факт утверждения прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта) означает, что прокурор убежден в правильности сформулированного обвинения и что инкриминированное деяние совершено именно указанным обвиняемым, который должен предстать перед судом и понести наказание. В судебном разбирательстве прокурор оперирует доказательствами, которые сформировали у него убежденность в виновности подсудимого, необходимости его осуждения.

Деятельность государственного обвинителя по поддержанию обвинения на стадии подготовки к судебному заседанию определяет объем государственного обвинения на указанной стадии, а также означает первое официальное вступление государственного обвинителя в уголовный процесс.

Участвуя в судебных заседаниях, прокурор должен уметь грамотно и лаконично излагать свою позицию по делу, убеждать судей и присяжных заседателей в своей правоте, способствовать возникновению у них благоприятного для себя решения. Прокурор обязан не только знать соответствующее законодательство, но и владеть основными приемами судебной риторики: правильно излагать свои мысли, с учетом особенностей аудитории, сочетая в речи логику и эмоции, правовой ана-

лиз и психологические особенности поведения истцов и ответчиков, подсудимых и потерпевших.

Задача судебного оратора – убедить суд. Для этого необходимо, чтобы у слушателей уже до того, как он начнет говорить, возникло мнение о нем как о человеке правдивом и порядочном².

Подготовка к поддержанию государственного обвинения по делам о преступлениях, совершающихся в сфере незаконного оборота оружия в приграничных регионах Сибири, включает следующее:

1) изучение материалов уголовного дела и составление выписок и копий процессуальных документов, использование для подготовки электронной версии материалов уголовного дела;

2) изучение нормативных правовых актов, решений Конституционного Суда РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ и ознакомление с судебной практикой и методической литературой;

3) взаимодействие со следователем, оперативными сотрудниками, общение с потерпевшими, свидетелями и экспертом, изучение ближайшего окружения обвиняемого, отношений его с родственниками, сослуживцами, соседями;

4) разработку предварительной позиции по уголовному делу;

5) подготовку к отдельным этапам судебного разбирательства.

Одной из важнейших предпосылок эффективной деятельности прокурора в состязательном уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия в приграничных регионах Сибири, является доскональное знание им материалов уголовного дела, которое обеспечивается добросовестным их изучением во всех подробностях.

Изучение дела целесообразно начать с изучения обвинительного заключения. Прежде всего, надо выяснить, содержится ли состав преступления в деянии, вмененном обвиняемому и описанном в обвинительном заключении. Иногда встречаются случаи вменения деяний, которые состава преступления заведомо не содержат.

Необходимо также сравнить формулировки обвинения в обвинительном заключении и постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, выяснить, нет ли расхождений в формулах обвинения обвиняемых, которым предъявлено обвинение в соучастии.

Наконец, следует проверить, соответствует ли вообще обвинительное заключение требованиям ст. 220 УПК РФ – содержит ли оно все необходимые по закону сведения.

При дальнейшем изучении дела надо обратить внимание на соблюдение процессуальных норм при получении доказательств – с точки зрения выявления обстоятельств, могущих послужить основанием для ходатайств о проведении предварительного слушания и об исключении недопустимых доказательств³.

Необходимо освежить в памяти и внимательно изучить нормы материального и процессуального права рассматриваемого дела, если речь идет о законодательных актах, к которым прокурор ранее касательства не имел. Причем изучить не только законы, но и подзаконные нормативные акты (в том числе ведомственные).

С учетом того, что в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы вносятся изменения чуть ли не ежемесячно, судебную практику полезно изучать по материалам, опубликованным в Бюллетенях Верховного Суда РФ, в отдельных сборниках, наконец, в сети Интернет.

Обычно много внимания уделяется вопросу о том, писать или нет судебные речи заранее. Полагаем, что готовить речь заранее по материалам предварительного следствия дело неразумное. Во-первых, потому, что нельзя в судебное заседание идти с заранее сформулированными выводами, поскольку отсюда рождается обвинительный уклон прокурора, в основе которого лежит убеждение в приоритетности материалов и выводов следствия предварительного по сравнению с судебным. Ход судебного заседания может всё изменить: то, что на следствии казалось незыблемым и достоверным, в суде при внимательном рассмотрении может обернуться противоположностью. Во-вторых, написанная заранее речь прокурора не может быть ничем иным, как более или менее удачным пересказом обвинительного заключения.

Однако написать текст речи после окончания судебного заседания не всегда возможно, поскольку большинство дел имеет небольшой объем и достаточного времени для этого может не оказаться. Наоборот, по большим делам, с множеством эпизодов, несколькими обвиняемыми, делам, требующим цитирова-

ния в речи многих документов (в том числе заключений экспертиз, бухгалтерских документов, изобилующих цифрами), предварительное написание речи может быть весьма полезным.

Позиции известных судебных ораторов по этому вопросу расходятся. Если А. Ф. Кони своих речей не писал, то П. Сергеев считал предварительное написание речи необходимым⁴.

Анализ судебной практики в городах Сибирского федерального округа показывает, что по всем поступившим уголовным делам, связанным с незаконным оборотом оружия, принимались все необходимые меры для установления принадлежности изъятых у лица предметов к оружию, его основным частям или комплектующим деталям, боеприпасам, взрывчатым веществам или взрывным устройствам⁵.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает обязательного участия прокурора в предварительном слушании; как указано в ч. 4 ст. 234 УПК РФ, неявка своевременно извещенных участников производства не препятствует проведению предварительного слушания.

Вместе с тем, учитывая, что в ходе предварительного слушания судом могут быть приняты решения об исключении доказательств, о возвращении уголовного дела прокурору, прекращении уголовного дела или уголовного преследования, мере пресечения, Генеральный прокурор Российской Федерации в Приказе от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» требует уделять должное внимание подготовке к участию прокурора на этом этапе уголовного судопроизводства.

Общие основания проведения предварительного слушания определены в ст. 229 УПК РФ. По делам о незаконном обороте оружия в приграничных регионах Сибирского федерального округа на стадии предварительного слушания ходатайства чаще всего заявляются стороной защиты и касаются прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием или примирением сторон, реже – исключения доказательств обвинения.

Основная цель участия прокурора в судебном следствии – доказать законность и обоснованность предъявленного подсудимому обвинения в совершении преступления и опровергнуть необоснованные доводы защиты.

Достижение этой цели зависит от умения прокурора тактически и психологически грамотно представлять и исследовать доказательства обвинения и участвовать в исследовании доказательств защиты.

При этом в целях отыскания истины по делу необходимо учитывать криминалистическую методiku судебного разбирательства, исходным элементом структуры которых является криминалистическая характеристика преступления.

В целом структура частной криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам отдельного вида (группы), а в нашем случае по делам о незаконном обороте оружия может быть представлена следующим образом:

1. Типовая криминалистическая характеристика.
2. Механизм судебного доказывания по уголовным делам соответствующей категории.
3. Предмет судебного следствия.
4. Исследование и оценка субъектами доказывания элементов, составляющих криминалистическую характеристику личности подсудимого.
5. Совокупность тактических приемов по разрешению судебных ситуаций, возникающих в ходе судебного разбирательства.

Приведенная структура носит общий характер и может дополняться в зависимости от особенностей рассматриваемого уголовного дела.

Предмет судебного следствия можно представить как систему данных, обуславливающих типовую модель судебного следствия, основанную на знаниях криминалистической характеристики преступления, отражающую набор характерных приемов осуществления тактической деятельности участниками судебного разбирательства по исследованию судебных версий, разрешению ходатайств, заявленных в суде, проводимой в пределах, обусловленных конкретной формой производства по делу. Предмет судебного следствия недопустимо отождествлять с предметом доказывания, являющимся все же процессуальным понятием⁶.

Прения сторон начинаются обвинительной речью прокурора. Государственный обвинитель не вправе отказываться от прений сторон.

Хотя объем и содержание прений в уголовно-процессуальном законодательстве не регламентированы, государственному обвинителю при их изложении необходимо отражать следующие тезисы в указанном порядке.

Начать речь целесообразно с сообщения суду, за что привлечен подсудимый к уголовной ответственности, затем привести доказательства обвинения (показания потерпевшей стороны, свидетелей, подсудимого, заключений экспертиз и т.д.), остановиться на окончательной квалификации и закончить предложением о размере наказания подсудимого.

Очень важно грамотно изложить свою речь (а «как сказать» в учебнике не прочтешь): она должна быть понятна аудитории. Говорить необходимо проще, яснее; не приемлемо допускать неточности, небрежности или опускаться до уровня слушателей. При этом судебная речь не должна представлять собой сухое изложение событий и подлежащих применению правовых норм. Щеголять профессионализмом и говорить по-«непонятному», канцелярским языком не рекомендуется. Опускаться до уличных словечек, «жаргона», также недопустимо.

Чтобы убедить слушателей, полезно показать путь, по которому оратор пришел к своим выводам, как бы провести слушателей по этому пути. Тогда выводы обвинителя станут собственными выводами слушателей.

Судебная речь должна отвечать требованиям точности и ясности изложения. Точность речи определяется знанием предмета, умением выбирать нужные слова, логикой мышления.

Судебные ораторы, чтобы привлечь внимание слушателей, часто прибегают к усилению интонации, говорят эмоционально, «с напором», считая, что их возмущение беззаконием «заразит» слушателей. Между тем запальчивость вредит оратору. Больше верят тому, кто спокоен. Спокойствие суть внешнее проявление уверенности, а уверенность в глазах слушателей – аргумент в пользу доверия к оратору. Верят тому, кто уверен сам⁷.

¹ См.: *Коржев С. В.* Роль прокурора в обеспечении неотвратимости уголовной ответственности за преступление // *Законность.* 2011. № 4. С. 14.

² См.: *Рамазанов И. Р.* Как подготовиться к прениям в суде : шпаргалка для защитника и обвинителя. М., 2012. С. 1.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же. С. 23.

⁵ См.: Статистический отчет по рассмотрению уголовных дел, связанных с незаконным оборотом оружия в Сибирском федеральном округе. Новосибирск, 2011.

⁶ См.: *Хорошева А. Е.* В развитие современных представлений о структуре криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул, 2012. С. 102.

⁷ См.: *Рамазанов И. Р.* Указ. соч. С. 16.

Е. И. Галяшина

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЯ АУТЕНТИЧНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением помимо иных правоохранных целей, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Это может быть обеспечено четкой законодательной регламентацией доказывания, неукоснительным соблюдением процессуального режима собирания и оценки доказательств, справедливого разрешения дела судом на основе полного и всестороннего исследования всех собранных по делу доказательств.

Фальсификация, сокрытие, искажение доказательств, представление ложных сведений могут привести к вынесению ошибочного и тем самым незаконного приговора. На защиту личности от необоснованного уголовного преследования направлены и поправки, внесенные Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207 в ст. 303 УК РФ и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

На практике выявление и доказывание фальсификации доказательств, в том числе и сформированных на основе ре-

зультатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), возлагают на себя обвиняемый и его защитник, пытаясь такими доводами обосновать недопустимость всех доказательств, сформированных на основе результатов оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и производных от них.

Особое внимание уделяется результатам применения средств видеосъемки и звукозаписи по признакам приготовления или совершения экономических преступлений, преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, против правосудия и др. Это объясняется во многом тем, что этап приготовления к совершению подобных преступлений непременно сопровождается переговорами преступника или членов преступной группы между собой или с потерпевшим, в ходе которых обсуждаются определенные требования, условия, планируемые действия и т.п. Квалификация такого преступного деяния находится в определенной зависимости от речевого поведения участников, зафиксированного при помощи аудио- и видеозвукозаписи (например, одни и те же действия лиц в различных ситуациях могут быть квалифицированы как получение взятки или провокация взятки).

Для законного и обоснованного использования аудио- и видеозаписей, полученных в результате ОРМ, они должны отвечать взаимосвязанным требованиям ст. 87, 88 и 89 УПК РФ, а также содержать данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе. Однако перечень таких данных законодательными и подзаконными актами не закреплен. Ситуация осложняется тем, что в условиях гласного состязательного уголовного процесса сужаются пределы проверки результатов ОРД, полученных с применением специальных технических средств (СТС). Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, тактико-технические данные о СТС относятся к сведениям, составляющим государственную тайну, что делает проверку и оценку достоверности доказательств, сформированных на основе их применения, в условиях гласного уголовного процесса невозможной. На практике приобщаемые к уголовному делу рассекреченные материалы ОРМ часто вовсе не содержат необходимого и достаточного информационного содержа-

ния для формирования на их основе доказательств, удовлетворяющих требованиям УПК РФ.

Во-вторых, научно-технический прогресс существенно расширил возможности манипуляций с записанной на цифровом носителе аудио- и видеoinформацией. Современные технологии компьютерной графики и речевого синтеза позволяют создавать видео- и аудиозаписи искусственно созданного события (инсценировки), со следами якобы преступления.

Экспертная практика показывает, что выявить такую фальшивку либо установить аутентичность аудиовидеозаписей эксперт может только при условии предоставления ему оригинала, записывающего устройства, а в случае предоставления копии – исчерпывающих данных о технологической цепочке применения СТС. Однако, как уже было сказано, эти сведения составляют государственную тайну и не могут быть раскрыты эксперту в условиях гласного уголовного судопроизводства. При этом на экспертизу направляются выборки технически модифицированных копий. В лучшем случае эксперты дают заключение об отсутствии признаков монтажа и иных изменений фонограмм и видефонограмм, а в худшем отказываются от решения данной задачи, мотивируя недостатком предоставленных материалов. Таким образом, экспертным путем подтвердить доводы защиты о фальсификации результатов ОРМ оказывается невозможным, а вывод по модифицированной копии об отсутствии признаков монтажа или «существенных» изменений толкуется в пользу обвинения, а не обвиняемого.

В то же время вывод экспертов о том, что признаков монтажа и иных изменений по копиям не обнаружено, вовсе не исключает возможность фальсификации аудио- и видефонограмм. Монтаж – это только один из множества способов манипуляции данными, существуют и иные методы фальсификации звуковой и визуальной информации. Кроме того, по копии фонограммы, даже при отсутствии следов монтажа, нельзя исключить возможность того, что оригинал не был фальсифицирован, если аутентичность копии не была надлежаще установлена путем непосредственного ее сравнения с подлинником. Например, копия, приобщенная к материалам дела в качестве доказательства, могла быть переписана с промежуточного

носителя информации, подвергнувшегося модификации и изменению содержания, а не скопирована с первоисточника.

Еще одна проблема заключается в том, что у защитника нет процессуальных возможностей собрать необходимые доказательства в обоснование своих доводов о фальсификации результатов ОРД. Процедурно обвиняемый (защитник) в таком случае должен обращаться с заявлением о преступлении, ответственность за которое предусмотрена ст. 303 УК РФ. Однако в возбуждении уголовного дела, как правило, отказывается по мотивам того, что результаты ОРД приобщены к материалам уголовного дела, возбужденного в отношении обвиняемого; они подлежат оценке как доказательства, и следователь не вправе предварять процессуальным решением о возбуждении уголовного дела оценку результатов ОРД как доказательств.

Как правило, защитник (обвиняемый) заявляет ходатайство о признании результатов ОРД недопустимыми или недостоверными доказательствами, мотивируя тем, что они фальсифицированы, не отвечают условиям формирования на их основе доказательств, не могут быть проверены в рамках уголовного процесса. Однако в удовлетворении такого ходатайства, как правило, отказывается также на основе выводов экспертов, что признаков монтажа не обнаружено. Кроме того, указывается, что защитник не предоставил доказательств провокации или искусственного создания доказательства при проведении ОРД, а органы следствия эти результаты в установленном процессуальном порядке осмотрели, приобщили и проверили, в том числе экспертизой, допросами потерпевшего, свидетелей и др.

Таким образом, защитник, будучи наделен процессуальным правом исследования материалов дела, включая и результаты ОРД, которые приобщены к нему в качестве доказательств, не обладает процессуальными возможностями самостоятельной их проверки. Даже в том случае, когда следователь запрашивает орган, осуществлявший ОРД, о подлинниках носителей информации, СТС, технических средствах, условиях, обстоятельствах проведения оперативно-технических мероприятий, такие сведения не предоставляются. В то же время отсутствие указанных данных не позволяет подтвердить экспертным путем аутентичность результатов ОРД в копиях и исключить возможность их фальсификации. Возникает коллизия между пра-

вом на защиту сведений, составляющих государственную тайну, и правом на защиту от фальсификации результатов ОРД, которые кладутся в основу формирования доказательств по уголовному делу.

Необходимо сказать, что действующий порядок получения материалов ОРМ и их направления в следственные органы или суд, не позволяет в полной мере обеспечить соответствие данных материалов требованиям относимости, допустимости и достоверности, предъявляемым к доказательствам по уголовному делу в соответствии со ст. 88 УПК РФ. Необходимо внесение изменений в нормативно-правовые акты¹ и межведомственную инструкцию² для обеспечения возможности формирования доказательств на основе аудио- и видеозаписей, полученных в ходе ОРМ, и выявления их фальсификации.

Рассмотрим существующие для этого предпосылки и предложим некоторые рекомендации.

Поскольку доказательство должно соответствовать критериям допустимости, достоверности и относимости, то источник его происхождения не должен вызывать сомнений. Должна быть обеспечена возможность проверки допустимости и достоверности доказательства, кроме того, доказательство должно содержать достоверную и объективную информацию о расследуемом событии.

Формируемые в рамках ОРМ материалы представляют собой информацию (фонограммы и видеофонограммы), записанную в цифровом виде на различных носителях, т.е. информацию, хранящуюся или передающуюся в бинарной форме, которая может иметь значение доказательства.

В 1997 г. на встрече министров юстиции и внутренних дел стран Большой восьмерки (G8) в г. Вашингтоне 10 декабря 1997 г. были утверждены «Принципы и план действий по борьбе с высокотехнологическими преступлениями». В соответствии с распоряжением Президента РФ от 11 ноября 1998 г. № 396-рп «О реализации договоренностей, достигнутых на встрече глав государств и правительств «восьмерки» в Бирмингеме (Великобритания)», головным ведомством, осуществляющим контроль за реализацией согласованного в рамках «восьмерки» плана действий по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий и подготовку в рамках «восьмерки» доклада о ходе

его реализации, определена Генеральная прокуратура РФ. В настоящее время Международной организацией по компьютерным доказательствам (ЮСЕ) приняты следующие принципы³, которыми надлежит руководствоваться при поиске, обнаружении, фиксации, изъятии, исследовании и хранении цифровых сигналограмм (доказательств).

При работе с цифровым доказательством должны быть соблюдены все общие судебно-экспертные и процессуальные положения.

При изъятии цифровых доказательств производимые действия не должны изменять цифровое доказательство.

Если лицу необходимо получить доступ к оригинальному цифровому доказательству, лицо должно иметь соответствующую подготовку.

Вся деятельность по изъятию, доступу, хранению или передаче цифровых доказательств должна быть полностью задокументирована, защищена и доступна для анализа.

Лицо несет ответственность за то, что будет бережно производить все действия с цифровым доказательством, пока цифровое доказательство находится в его распоряжении.

Любая организация, которая отвечает за изъятие, доступ, хранение или передачу цифровых доказательств отвечает за соответствие данным принципам⁴.

При этом необходимо различать оригинал цифровой сигналограммы, его дубликат и копию. Оригинальными являются материальные носители и такие информационные объекты, которые связаны с этими носителями на момент изъятия (получения). Дубликатом является точная цифровая репродукция всех информационных объектов, хранящихся на оригинальном материальном носителе, в то время как копией является точная репродукция информации, содержащейся в информационных объектах, не зависящая от материального носителя.

При проведении ОРМ оригиналом является аудиовидеофонограмма, записанная на носителе информации, находящемся непосредственно в устройстве (кассета, встроенная память) записи и иногда неотделимом от него. Дубликатом будет является файл-образ содержимого памяти устройства записи, в то время как копией – аудио- или видеофайл, скопированный на любой другой носитель информации (например, НЖМД ком-

пьютера). Иногда под копией, полученной каким-либо цифровым записывающим устройством, понимают файл, содержащий зафиксированную информацию, но записанный в другом формате (т.е. конвертированный). В данном случае необходимо учитывать, что полученный в результате конвертации объект не является дубликатом оригинальной сигналограммы, а, по сути, является новым объектом, находящимся в определенной связи с оригиналом.

Специфика процесса конвертации заключается в том, что изображение и звук, закодированные по одним алгоритмам в цифровом записывающем устройстве, преобразуются в новые изображения и звук, закодированные по другим алгоритмам. При этом может быть удален или создан какой-либо объем данных. Например, при конвертации звука из формата WAVE в формат MPEG Layer-3 часть исходной (оригинальной) звуковой информации будет утрачена вследствие необратимых потерь, возникающих при преобразовании и сжатии. При обратном преобразовании утраченные данные будут восполнены «нулевой» информацией. При этом полученная фонограмма не будет в точности соответствовать первоначальному оригиналу, хотя и будет представлена в таком же формате.

Большинство цифровых диктофонов кодируют аудиоинформацию при помощи специфических алгоритмов, в результате чего ее можно воспроизвести только на самих диктофонах или при помощи прилагающихся к ним программ. Для обеспечения возможности прослушивания на любом компьютере в прилагаемых программах обычно предусмотрена функция конвертации в формат WAVE, являющийся практически универсальным. При записи на компакт-диск файлов с фонограммами, полученными в ходе ОРМ, полагаем необходимым копировать два файла: в оригинальном формате и в преобразованном виде, что позволит обеспечить как возможность проверки источника происхождения фонограммы, так и возможность ее прослушивания на любом компьютере.

Только дубликат цифровой сигналограммы в точности и полностью воспроизводит оригинал. В настоящее время дубликат фонограммы или видеофонограммы может быть получен при снятии образа с оригинального носителя, в результате чего не только сохранится фонограмма в полном объеме, но и будут

зафиксированы свойства носителя информации. При таком способе копирования аудио- или видеофайла не будет утрачена или изменена криминалистически значимая информация. В то же время при обычном копировании файла могут быть внесены изменения в ряд атрибутов фонограммы/видеофонограммы, в частности в дату создания файла.

При копировании записанной на устройство информации, полученной в рамках оперативно-розыскных мероприятий, аудиовидеофонограммы преобразовываются в один из распространенных форматов. При этом оригиналы аудиовидеофонограмм не копируются из памяти устройства, где они хранятся в исходном формате. В то же время для установления аутентичности копий, равно как исключения сомнений в их полном и точном соответствии оригиналам, а также исключения возможности внесения при перезаписи каких-либо изменений, необходимо сличить приобщенные к материалам дела цифровые аудиовидеофонограммы с точными (не преобразованными исходными) дубликатами. Учитывая, что технические средства применяются при проведении многих ОРМ, оригиналы аудиовидеофонограмм нередко утрачиваются. В распоряжении следствия и суда остается только копия, которая даже не может считаться таковой в полном смысле этого слова. В преобразованных аудиовидеофонограммах сохраняется созданная при помощи программных средств информация, находящаяся в определенной связи с исходной (или промежуточной) аудиовидеофонограммой, но не с первоисточником (объектом съемки, звукозаписи).

Таким образом, для приобщения к материалам ОРМ необходимо сохранять не только преобразованную аудиовидеофонограмму, сохраненную в одном из распространенных форматов, но и дубликат оригинального файла, записанного в памяти устройства. В случае если первичная запись осуществлялась на сменные носители, они должны также приобщаться к материалам ОРМ.

В документах, фиксирующих результаты ОРМ, следует указывать название файла, дату создания и последнего изменения, атрибуты файла, информацию о дате/времени записи файла на компакт-диск и программе, использованной для записи диска. К индивидуальным признакам помимо указанных

выше относятся также алгоритмы кодирования изображения и звука (кодеки), характеристики цветковых моделей, настройки формата, разрядность, частота дискретизации, длительность с точностью до долей секунды, а также информация об устройстве, использованном для звуко- или видеозвукозаписи (модель, серийный номер).

Для устранения возможных сомнений в достоверности записанной на копии визуальной и звуковой информации и исключения возможности монтажа видеофонограмм при производстве экспертизы эксперту необходимо представлять устройство, использованное для видеозвукозаписи (цифровой регистратор, видеокамера, микрофон), а также детальные сведения об обстоятельствах и технических условиях проведения видеозвукозаписи, идентифицирующих реквизитах исходного файла, способе его преобразования при перезаписи. Именно поэтому подробное указание технических средств и обстоятельств видеозвукозаписи способствует устранению сомнений в достоверности аудиовидеофонограмм.

На практике в документах, составляемых по результатам ОРМ, свойства и технические характеристики применяемых технических средств обычно не указываются на том основании, что это относится к государственной тайне. Однако при этом производится выдача и возврат записывающей аппаратуры участникам оперативно-розыскных мероприятий в присутствии произвольно отобранных случайным образом граждан – понятых. Иногда при передаче проводится проверка работоспособности устройства и проверка отсутствия заранее записанной информации в памяти устройства. Факт демонстрации функционирования записывающего устройства и тем более его передача посторонним лицам указывает на то, что внешний вид, способ переключения режимов работы не относятся к сведениям, составляющим государственную тайну. Если оперативный работник посчитал возможным опробовать правильность функционирования изделия в присутствии посторонних лиц, то ничто не мешает представить данное изделие в суд для опробования его работоспособности и демонстрации его возможностей участникам уголовного судопроизводства.

Во избежание внесения случайных изменений в содержимое памяти подключаемых цифровых записывающих уст-

ройств при их подключении к компьютеру для копирования записанных фонограмм и видеофонограмм необходимо применять средства блокировки записи. Большинство современных цифровых диктофонов подключаются к компьютерам через порты USB, и для предотвращения изменения содержащейся на них информации могут быть применены программные средства блокировки записи, такие как NCFS Write-block XP, USB Write-protector и их многочисленные аналоги. При использовании программы-блокиратора необходимо учитывать, что некоторые из них требуют перезагрузки компьютера для активации блокировки. Блокировка записи должна быть также включена и при проверке отсутствия в памяти устройства какой-либо заранее записанной информации перед проведением ОРМ.

Неизменность содержания фонограммы или видеофонограммы может быть проконтролирована путем верификации файла при помощи расчета контрольных сумм (хэша) до и после каждой операции по его воспроизведению, репродуцированию, передаче и др. Наиболее распространен расчет хэша по алгоритмам MD5 (Message Digest 5) или SHA-1 (Secure Hash Algorithm-1), которые обеспечивают очень высокую надежность верификации: вероятность совпадения значений хэша для двух разных файлов приблизительно оценивается 1 к 1038. Следует также отметить, что расчет хэша – однонаправленный и из полученного значения невозможно воссоздать исходный файл, притом что контрольная сумма (хэш) может быть рассчитана для абсолютно любого типа файлов. Контрольная сумма рассчитывается в соответствии с п. 901(b)(4) Федеральных правил доказывания США, согласно которому к способу верификации относится описание внутреннего строения объекта, что вполне применимо к процессу расчета хэша.

Следует отметить, что некоторые современные цифровые устройства звукозаписи (например, диктофоны EDIC-mini) позволяют проконтролировать неизменность содержимого фонограмм путем записи непосредственно в тело файла дополнительной служебной информации (цифровой подписи), в том числе серийного номера устройства. Однако данная возможность практически не используется правоохранительными органами для верификации фонограмм.

Учитывая простоту и доступность средств для расчета хэша (например, программа Arpoon Checksum, позволяющая рассчитывать хэш по различным алгоритмам не только для одиночных файлов, но и для каталогов), высокую надежность и простоту фиксации его результатов, представляется целесообразным выполнять эту операцию при верификации цифровых видеофонограмм, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий. После расчета контрольной суммы любое, даже самое незначительное, изменение файла (в том числе не связанное с изменением содержимого сигналаграммы) будет легко выявлено. Поэтому расчет хэша необходимо производить в тот момент, как только впервые получен файл с сигналаграммой, поскольку полученное значение является ориентиром при последующих операциях с сигналаграммой. Однако невыполнение данной рекомендации на стадии оформления результатов ОРМ не означает, что расчет хэша не должен быть сделан позднее (например, на стадии проведения следственных действий по прослушиванию и просмотру записанных сигналаграмм или при судебно-экспертном исследовании).

На практике нередки случаи, когда изменения в полученную сигналаграмму вносятся сразу после окончания ОРМ. Наиболее распространено удаление начального и конечного фрагмента видеофонограмм, поскольку, по мнению оперативных работников, они не содержат какой-либо ценной информации. В качестве еще одной причины подобных манипуляций указывается необходимость сохранения в тайне внешности оперативных работников. В некоторых случаях от оригинальной видеофонограммы остаются только отдельные фрагменты, содержащие только сцены, представляющие оперативный интерес. Так, в одном из уголовных дел фигурировала видеофонограмма, содержащая запись начала и окончания встречи, общей продолжительностью около десяти минут, в то время как в действительности встреча длилась более одного часа.

Избирательное сохранение фрагментов видеофонограмм, полученных в рамках ОРМ, приводит к тому, что утрачивается большой объем информации о запечатленном событии. По отрывкам невозможно установить общий ход беседы, а сохранившиеся высказывания дикторов вырываются из контекста. Сохранение полной информации о событии позволит также

подтвердить отсутствие факта провокации на совершение преступления. Кроме того, удаление фрагментов видеофонограммы является неситуационным изменением, вносимым в ее содержание, и, несмотря на то что формально удаление начального и конечного фрагмента видеофонограммы монтажом не является, удаление других фрагментов полностью входит в объем понятия «монтаж», содержащегося в ГОСТ 13699-91.

Окончательным этапом фиксации результатов негласных ОРМ является запись полученных видеофонограмм на носитель информации (как правило, оптический). В обязательном порядке в документах, содержащих результаты проведения ОРМ, следует указывать характеристики носителя информации (компакт-диска), на который было произведено копирование, в том числе его серийный номер. Причем вопреки обоснованным указаниям на недопустимость использования для хранения информации носителей многократной записи⁵, на практике продолжается использование перезаписываемых носителей для хранения материалов ОРМ.

При записи диска следует учитывать, что некоторые режимы записи позволяют вносить изменения в записанную информацию. Например, в режиме Track-At-Once (ТАО, Дорожка за раз) данные пишутся по одной дорожке (сессии) за раз и диск остается «открытым» (т.е. запись о «закрытии» диска не делается), что говорит о возможности дальнейшей записи информации на этот диск. Режим мультисессии также позволяет в дальнейшем добавлять информацию на диск. Каждая сессия содержит информацию начала сессии (lead-in), затем данные и информацию о конце сессии (lead-out). При записи в режиме мультисессии информация о структуре предыдущих записей копируется в новую сессию и может быть отредактирована. Таким образом, пользователь может уничтожить информацию о структуре уже ненужных или устаревших записей, не включив ее в новую таблицу содержания (ТОС – Table Of Content). Есть возможность «стирать» ненужную ему информацию с компакт-диска, хотя на самом деле физически она продолжает оставаться на CD-диске и может быть восстановлена с помощью специального программного обеспечения. Поэтому запись следует производить только на носители однократной записи (CD-R, DVD+R, DVD-R, BD-R) и только в режиме Disc-At-Once

(DAO, диск за раз). В настройках программы записи целесообразно установить, что при записи следует сохранять дату и время оригинальных файлов, поскольку в этом случае дата и время создания оригинальных файлов и их копий на компакт-диске будут совпадать.

На практике имеют место случаи, когда запись на компакт-диски осуществляется не сразу после окончания ОРМ, а позже. В целях сохранения доказательственного значения полученных материалов протокол о записи файлов на компакт-диск составляется задним числом. Однако подобные несоответствия могут быть выявлены при исследовании свойств носителя информации. Большинство программ записи сохраняют на диске информацию о дате записи, которая может быть легко отображена при помощи специальных программ (например, Nero InfoTool). В случае выявления подобных несоответствий компакт-диск и содержащиеся на нем видеофонограммы могут быть исключены из числа доказательств как недопустимые и недостоверные.

Для проверки того, каким образом сформированы информационные поля в аудиофайлах, служащих источником криминалистически значимой информации, а также проверки их оригинальности, необходимо получение сведений об аппаратуре, на которой производилась фиксация звуковой информации, сведения о программных комплексах, используемых на данной аппаратуре, а также производство контрольных записей, выполненных на аппаратуре фиксации. Для снятия сомнений в неизменности содержимого записываемых файлов тактико-конструктивные характеристики цифровых регистраторов, используемых для фиксации телефонных переговоров, результатов оперативного эксперимента и иных ОРМ, устройства звукозаписи не должны позволять оператору производить прерывание процесса записи (должна отсутствовать конструктивная возможность). Программные средства, применяемые для взаимодействия пользователя с аппаратурой, также не должны вносить изменения, в том числе монтаж, в полученные файлы. Соблюдение указанных требований к аппаратуре фиксации и выполнение мероприятий по документированию цифровых данных существенно снижает риск искусственного манипулирования их содержимым.

Известно, что методические требования, предъявляемые к вовлекаемым в уголовное судопроизводство цифровым доказательствам, это – производство записи устройством, которое позволяет фиксировать и хранить данные в неизменном виде, обеспечивая возможность проверки их аутентичности и оценки достоверности на всех этапах уголовного судопроизводства.

Не менее серьезные проблемы возникают и при исследовании аудиофайлов, содержащих фонограммы переговоров по сетям сотовой связи. Основная проблема здесь имеет принципиальный методологический характер и заключается в том, что с помощью цифрового регистратора отображается не естественный натуральный голос человека, а синтезированный речевой сигнал, из которого алгоритмом кодирования исключены многие существенные идентификационно и диагностически значимые признаки, характеризующие голос и речь, акустическую обстановку и канал телефонной связи. Цифровые звукозаписывающие устройства конструктивно построены так, что они при оцифровке речи, т.е. «по определению», убирают из речевого сигнала значительное количество информации об индивидуальных свойствах голоса и речи диктора. А в некоторых устройствах, например в отдельных типах мобильных телефонов и цифровых диктофонов, вместо речи человека передается набор кодовых сигналов, являющихся не нативной (естественной, натуральной) речью, а ее математической моделью. В связи с этим требуется переосмыслить центральное для криминалистики понятие «следа» применительно к подобным фонограммам, в которых реальный след голоса и речи индивида не отображается, а синтезируется по некой математической модели, адекватность которой подлежит также проверке и верификации.

Еще одна проблема возникает в случае, когда вместе с результатами ОРД предоставляются и аудиовидеофонограммы, которые предоставляются вместе с заявлениями потерпевших в виде копий на компакт-дисках, кассетах, флэш-памяти и т.д. В ходе регистрации заявления о преступлении факт предоставления заявителем (потерпевшим) аудиовидеоматериалов в копиях, как правило, не фиксируется. В объяснениях, которые отбираются по факту сообщения о преступлении, детали производства звуко- или видеозаписи с отражением условий

и обстоятельств, времени и места, участников и технических средств производства записи, не описываются.

Конечно, все упрощается, если лицо, по своей инициативе производившее запись, сохранит в неизменном виде оригинал и записывающее устройство. Однако устранить сомнения в достоверности записанной информации становится практически невозможным, когда оригиналы и средства звуковидеозаписи оказываются безвозвратно «утрачены». Ведь в отличие от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, гражданин или юридическое лицо, инициативно производивший запись, вовсе не обязан хранить оригиналы до вступления приговора в законную силу.

Следователь, получая прилагаемые к сообщению или рапорту о преступлении носители аудио- и видеoinформации, осуществляет их осмотр, прослушивание, решает вопрос о приобщении к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, проводит необходимые процессуальные действия по их проверке на предмет относимости, допустимости и достоверности. В этих целях нередко назначается и проводится судебная фоноскопическая, видеотехническая экспертиза, перед которой ставится задача поиска признаков копирования, монтажа, стирания, выборочной фиксации и иных признаков изменений, привнесенных в записываемую информацию о документируемом звуковом событии.

Однако возможности таких экспертиз для установления достоверности копий аудио- и видеоматериалов, происхождение которых процессуально не установлено, существенно ограничены. Задача установления аутентичности копий аудиовидеоматериалов при отсутствии оригиналов становится практически неразрешимой, так как отсутствие на фонограмме-копии признаков монтажа или изменений, внесенных в процессе записи или после ее окончания, не означает, что указанные признаки отсутствуют на фонограмме-оригинале. Например, если оригинальная фонограмма записывается с использованием, например, цифрового регистратора, а затем подвергается монтажу или голос модифицируется с помощью специальных устройств, после чего видоизмененная фонограмма копируется на аналоговый носитель, то получится аналоговая копия цифровой фонограммы, где признаки монтажа или привнесенных измене-

ний голоса могут вообще отсутствовать. В результате получается измененная цифровым способом аналоговая фонограмма со следами цифровой обработки речевых сигналов.

В то же время ни оперативный работник, ни следователь со всей очевидностью не обладают таким же арсеналом специальных знаний, как эксперт. Поэтому аудио- и видеоматериалы, произведенные различными лицами и поступающие вместе с сообщением о преступлении в правоохранительные органы, требуют обязательной проверки на предмет их аутентичности.

На основании изложенного выше можно сформулировать ряд рекомендаций, соблюдение которых позволит повысить эффективность формирования доказательств на основе аудиовидеофонограмм, получаемых в рамках оперативно-розыскных мероприятий.

1. При записи сигналограмм на носители для приобщения к материалам ОРМ необходимо сохранять не только преобразованную аудиовидеофонограмму, сохраненную в одном из распространенных форматов, но и в обязательном порядке дубликат оригинального (исходного) файла, записанного в памяти устройства, который может быть получен при снятии образа с оригинального носителя.

2. Во избежание внесения изменений в содержимое памяти подключаемых цифровых записывающих устройств при их подключении к компьютеру для копирования записанной информации необходимо применять средства блокировки записи (в случае отсутствия аппаратных – программные).

3. Для контроля неизменности содержания фонограммы или видеофонограммы следует верифицировать файл путем расчета контрольных сумм (хэша) до и после каждой операции по его воспроизведению, репродуцированию, передаче. Первый расчет хэша следует производить в тот момент, как только впервые получен файл с сигналограммой, поскольку полученное значение является ориентиром при последующих операциях с сигналограммой. Кроме того, следует использовать устройства, обладающие встроенными средствами верификации файлов.

4. Во избежание невозможной утраты информации о событии не допускается производить удаление каких-либо фраг-

ментов полученных сигналограмм. Подобные манипуляции относятся к неситуационным изменениям сигналограммы.

5. Для записи копий, дубликатов сигналограмм следует применять только носители однократной записи и выбирать режим «диск за раз». В противном случае возможно внесение изменений в записанную информацию, даже если применяются неперезаписываемые носители.

6. В документах, фиксирующих результаты ОРМ, следует указывать название файла, дату создания и последнего изменения, атрибуты файла. К индивидуальным признакам файла помимо указанных выше относятся также алгоритмы кодирования изображения и звука (кодеки), характеристики цветowych моделей, настройки формата, разрядность, частота дискретизации, длительность с точностью до долей секунды, а также информация об устройстве, использованном для звуко- или видеозвукозаписи (модель, серийный номер, технические характеристики). Помимо этого в обязательном порядке следует приводить результаты расчета хэша, характеристики носителя информации (компакт-диска), на который было произведено копирование, в том числе его серийный номер, а также сведения о программе, использованной для записи диска, и режиме записи.

Соблюдение предложенных рекомендаций позволит существенно повысить эффективность выявления фальсификации и установления аутентичности результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, поскольку полученные сигналограммы будут соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательствам по уголовному делу.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд : инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд : утв. Приказом МВД, ФСБ, ФСО, ФТС, СВР, ФСИН, ФСКН, Минобороны № 368/185164/481 32/184 97/147 от 17 апреля 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ IOCE : Principles. URL: <http://www.ioce.org/core.php?ID=5>

⁴ См.: Судебная экспертиза : типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2012. С. 477–478.

⁵ См.: *Иванов Н. А.* О хранении цифровых доказательств в наблюдательном производстве // Судебная экспертиза. 2010. № 1 (21). С. 24–29.

В. В. Горский, М. В. Горский

ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

В Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) 4 марта 2013 г. были внесены серьезные изменения, касающиеся широкого круга вопросов на стадии возбуждения уголовного дела, а также введения новой формы предварительного расследования – сокращенного дознания. В рамках данной статьи рассмотрим наиболее принципиальные изменения.

Часть 3 ст. 49 УПК РФ была дополнена еще одним случаем, когда защитник вступает в уголовное дело: с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 настоящего Кодекса. Отметим, что Уголовно-процессуальный закон говорит не о подозреваемом, а о лице, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Тем не менее данному лицу предоставляется именно защитник (а не просто адвокат, как это сделано, например, в отношении свидетеля и лица, в помещении которого проводится обыск).

Следует также обратить внимание на то, что перечень обстоятельств признания лица подозреваемым не был изменен. Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, установленным главой 20 УПК РФ, либо которое задержано в соответствии со ст. 91,

© Горский В. В., Горский М. В., 2014

92 УПК РФ, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ.

Таким образом, можно констатировать, что лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, является самостоятельным участником уголовного судопроизводства и обладает правом иметь защитника. К сожалению, УПК РФ не содержит норм, регулирующих возможность реализации данным лицом других процессуальных прав на стадии возбуждения уголовного дела, например права на ознакомление с материалами уголовного дела, права на заявление отводов участникам уголовного судопроизводства, права представлять доказательства и др. К тому же следует учитывать, что перечень следственных и процессуальных действий, возможных на стадии проверки сообщения о преступлении был сильно расширен данным пакетом изменений УПК РФ.

Большим изменениям подверглась ст. 144 УПК РФ. Часть 1 данной статьи изложена в новой редакции: дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее трех суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Как видно из приведенного текста статьи, законодатель расширил перечень процессуальных и следственных действий,

возможных до возбуждения уголовного дела. Но ряд нововведений вызывает недоумение. Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ указано, что дознаватель, орган дознания, а также **следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения**. Если ранее объяснения отбирались при производстве такого оперативно-розыскного мероприятия, как опрос соответствующими подразделениями, то теперь это вправе делать следователь. Остается не ясным, будет ли получение объяснений от лиц считаться процессуальным действием или нет. К тому же, чтобы полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения стали доказательствами в соответствии с новой ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, должны быть соблюдены положения ст. 75 и 89 УПК РФ, т.е. фактически такие объяснения необходимо проводить по правилам допроса. Данное половинчатое решение законодателя представляется не совсем верным. Следует также отметить, что при даче объяснений лицо не является свидетелем, а значит, не обладает процессуальным статусом, не может реализовать процессуальные права. По нашему мнению, логичнее было бы написать, что на стадии проверки сообщения о преступлении следователь вправе проводить допросы.

Подобная завуалированность относится и к следующему положению той же ч. 1 ст. 144 УПК РФ: при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе истребовать документы и предметы, **изымать их** в порядке, установленном настоящим Кодексом. В данном случае законодатель опять уходит от прямого указания на производство конкретного следственного действия. Имеется ли здесь в виду только выемка или эта формулировка включает в себя также и обыск, сказать сложно. Следует отметить, что, например, в соответствии с новыми Методическими рекомендациями по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме (утв. ФССП России 26 апреля 2013 г. № 04-7) дознаватель ФССП России в ходе проведения проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ вправе истребовать предметы и документы, проводить их выемку в порядке ст. 183 УПК РФ.

Еще одной новеллой, о которой в последнее время в юридической науке ведется бурная дискуссия, стала возможность на

стадии предварительной проверки получать образцы для сравнительного исследования, а также назначение и производство судебных экспертиз. Несмотря на то что Федеральный закон № 23 ввел новую редакцию ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в ней все-таки осталось некорректное сочетание с положениями из предыдущей редакции, а именно: в начале предложения указано, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, а в конце предложения осталась формулировка предыдущей редакции: вправе требовать исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов. От кого требовать исследования, чем такие исследования отличаются от экспертных исследований, остается не ясным и усложняет правоприменение.

В указанной норме говорится о разумности сроков получения заключения эксперта. Но конкретные временные ограничения не указаны. Более того, необходимо отметить, что если ранее, до внесения изменений от 4 марта 2013 г., сроки проверки сообщения о преступлении ограничивались тремя сутками по общему правилу, с возможностью продления до 10 суток и 30 суток при необходимости производства документарных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов (а в редакции 2007 г. только для проведения документарных проверок и ревизий), то новая редакция ч. 3 ст. 144 УПК РФ устанавливает, что при необходимости производства документарных проверок, ревизий, *судебных экспертиз*, исследований документов, предметов, трупов, а также *проведения оперативно-розыскных мероприятий* руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток. Таким образом, фактически сроки проверки сообщения о любом преступлении могут быть легко продлены до 30 суток, поскольку назначение судебных экспертиз и проведение оперативно-розыскных мероприятий возможны в рамках любой категории уголовного дела. И если о производстве конкретной судебной экспертизы участвующие лица могут быть извещены, то извещать о производстве негласных оперативно-розыскных

мероприятий их, конечно, никто не будет, а значит, они лишаются возможности реагировать на затягивание сроков проведения доследственной проверки.

Правда, в ст. 144 УПК РФ вносится отдельная ч. 1.2, которая закрепляет, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ. К сожалению, в этой статье не указано право участвующих лиц на информацию, на ознакомление с конкретными материалами проверки, а именно в этом состоят наибольшие трудности на практике. Не ознакомившись с конкретными материалами, участвующие лица лишаются возможности мотивированно обжаловать действия (бездействия), решения соответствующих должностных лиц¹.

Вызывает также много вопросов и новая ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, согласно которой полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 настоящего Кодекса. Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Если внесенные 4 марта 2013 г. в УПК РФ изменения направлены на расширение возможностей так называемой доследственной проверки, на предание доказательственного значения собранным в ходе ее данным, то не понятно, зачем законодатель тут же говорит, что подлежит удовлетворению ходатайство о дополнительной либо повторной судебной экспертизе. Получается, что действиям, проводимым на стадии возбуждения уголовного дела, не доверяется? Кроме того, при-

веденная норма является еще одной возможностью затягивать процессуальные сроки.

Серьезным изменениям подвергся институт понятых в уголовном судопроизводстве. Согласно новым положениям ч. 1 ст. 170 УПК РФ обязательное участие понятых необходимо только при производстве обыска (ст. 182 УПК РФ), выемки электронных носителей информации (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ), личном обыске (ст. 184 УПК РФ) и при предъявлении для опознания (ст. 193 УПК РФ). В остальных следственных действиях участие понятых заменяется обязательным применением технических средств фиксации хода и результатов следственного действия². Какие имеются в виду технические средства фиксации, опять не ясно. Можно ли считать пишущую ручку, линейку, печатную машинку, персональный компьютер достаточными средствами фиксации? Почему было не указать, что обязательно применение технических средств фотоаудиовидеофиксации. Далее в этой же части статьи содержится оговорка, что если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись. Какие имеются в виду случаи применения технических средств, опять не уточняется, что не позволяет участвующим лицам реагировать на возможные злоупотребления следователем.

Указанный закон ввел в УПК РФ новый процессуальный институт «сокращенное дознание». Разработчики данного закона указывали на то, что в сравнении с действовавшими ранее формами расследования, которые предусматривал УПК РСФСР, оперативность осуществления государственной функции уголовного преследования не повышалась. Отличие предварительного следствия от дознания заключается в отсутствии в рамках последнего стадии предъявления обвинения³. Применительно к содержанию процессуальных средств по сбору доказательств, отмечают разработчики, дознание ничем не отличается от предварительного следствия. В связи с этим такие отличия, коверкающие, на наш взгляд, всю сущность теории доказывания в уголовном судопроизводстве (о чем будет сказано ниже), законодатель решил внести в текст УПК РФ.

Следует отметить, что еще в 1970 г. М. С. Строгович, рассуждая о развитии института дознания в советском уголовном

процессе, указывал, что, если дознание будет производиться полностью в тех же процессуальных формах, какие закон устанавливает для предварительного следствия, оно все же останется дознанием и не превратится в предварительное следствие. Поскольку для всякого органа дознания производство дознания – только одна из его функций, вытекающая из другой, основной функции данного органа. Поэтому функция дознания производна от главной его функции, от основных и непосредственных полномочий данного органа. В этом отношении орган дознания отличается от органа предварительного следствия, т.е. следователя, для которого ведение предварительного следствия есть не только основная, но и единственная его функция. А это, по мнению М. С. Строговича, придает предварительному следствию характер и направление, не позволяющие слить, отождествить с ним дознание⁴.

Не видя этих различий, разработчики нового закона предприняли попытку создать «нечто»: ни на что не похожую форму предварительного расследования, суть которой заключается в следующем.

Дознание в сокращенной форме производится на основании ходатайства подозреваемого о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме и при наличии одновременно следующих условий:

1) уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 настоящего Кодекса. То есть сокращенное дознание возможно по всем делам, по которым производится дознание в общем порядке;

2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также **не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела**. Данная формулировка вызывает ряд возражений, поскольку, во-первых, умаляет право подозреваемого на защиту; во-вторых, ограничивает свободу деятельности его защитника; а в-третьих, не понятно, как данная норма соотносится с правом прокурора, закрепленном в ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ, при утверждении обвинительного постановления своим постановлением исключать из него отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на

менее тяжкое и что при этом должен делать обвиняемый и его защитник. Выходит, что молчаливо соглашаться, поскольку такие действия прокурора направлены в пользу обвиняемого;

3) отсутствуют предусмотренные ст. 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключющие производство дознания в сокращенной форме, к которым относятся следующие случаи: подозреваемый является несовершеннолетним; имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном главой 51 УПК РФ; подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный главой 52 УПК РФ; лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ; подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство; потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме.

Согласно ст. 226.4 УПК РФ до начала первого допроса дознаватель разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, о чем в протоколе допроса подозреваемого делается соответствующая отметка. Подозреваемый вправе заявить ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме не позднее двух суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить такое ходатайство. Ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подается дознавателю **в письменном виде** и должно быть подписано подозреваемым, а также **его защитником**. Следует отметить, что новым законом внесены изменения в ст. 51 УПК РФ, устанавливающую случаи обязательного участия защитника. Согласно этим изменениям участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый заявил ходатайство о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме в порядке, установленном главой 32.1 УПК РФ. Очевидно, что и в эту норму закралась неточность, поскольку получается, что защитник должен, с одной стороны, участвовать в деле с момента заявления ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, а с другой – присутствовать при составлении этого ходатайства и подписывать его.

В соответствии с ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ данное ходатайство подлежит рассмотрению дознавателем в срок не более 24 часов с момента его поступления. По результатам рассмотрения дознаватель выносит постановление либо о его удовлетворении и о производстве дознания в сокращенной форме, либо об отказе в его удовлетворении при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме. При этом ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ предоставляет потерпевшему право возражать против производства дознания в сокращенной форме.

Особые нарекания вызывает ст. 226.5 УПК РФ «Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме». Так, ч. 1 этой статьи устанавливает, что доказательства по уголовному делу собираются **в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления**, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей. Достаточность эту дознаватель определяет самостоятельно.

Далее законодатель конкретизирует свою позицию. В ч. 2 этой же статьи он устанавливает, что дознаватель **обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств**. Отсюда напрашивается вывод о том, что другие доказательства или вообще какие-либо сведения (при условии, что подозреваемый признает свою вину) собирать не нужно.

Изменения коснулись не только процесса собирания доказательств, но и их проверки. С учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме **вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем** (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Данная статья предоставляет дознавателю право:

– **не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения**, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактичес-

кие обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

– не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении;

– не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Как видно, законодатель поставил знак равенства между объяснениями лиц и показаниями свидетелей, заключением эксперта и актом предварительного исследования специалиста⁵, наделив их силой доказательств. При этом остается не ясным вопрос с гарантиями, которые обеспечивают силу доказательствам (в их традиционном понимании), а именно с уголовной ответственностью за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста (ст. 307 УК РФ). Так, совершенно очевидно, что, во-первых, объяснения не являются показаниями; во-вторых, лица (очевидцы), от которых отбирались эти объяснения, в силу прямого указания закона (ст. 56 УПК РФ) свидетелями не являются, о чем уже говорилось выше. Следует отметить, что и действия должностных лиц по фальсификации сведений в ходе доследственной проверки также не попадают под действие ст. 303 УК РФ. Законодателю в этом случае (как бы нелепо это ни выглядело) следовало бы установить уголовную ответственность за фальсификацию материалов процессуальной проверки сообщения о преступлении. Тем более в 2012 г. в ст. 303 УК РФ уже введена ч. 4, устанавливающая уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, в настоящее время исчезает грань между стадией возбуждения уголовного дела и стадией предварительного расследования. Более того, складывается впечатление, что не стадия предварительного расследования поглощает ста-

дию возбуждения уголовного дела, а, наоборот, стадия возбуждения уголовного дела, с ее урезанными доказательственными возможностями, поглощает стадию предварительного расследования⁶.

Следует также отметить, что все эти нововведения напоминают «протокольную форму досудебной подготовки материалов», известную отечественному уголовному процессу, от которой законодатель в 2001 г. решил отказаться. Данная форма заключалась в том, что по делам о преступлениях, перечисленных в ст. 414 УПК РСФСР, органы дознания не позднее чем в 10-дневный срок устанавливали обстоятельства совершенного преступления и личность правонарушителя, получали объяснения от правонарушителя, очевидцев и других лиц, истребовали справку о наличии или отсутствии судимости у правонарушителя, характеристику с места его работы или учебы и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в суде. У правонарушителя отбиралось обязательство являться по вызовам органов дознания и суда и сообщать им о перемене места жительства. Об обстоятельствах совершенного преступления составлялся протокол, в котором указывалось: время и место его составления; кем составлен протокол; данные о личности правонарушителя; место и время совершения преступления, его способы, мотивы, последствия и другие существенные обстоятельства; фактические данные, подтверждающие наличие преступления и виновность правонарушителя; квалификация преступления по статье Уголовного кодекса РФ; данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему ущерба. К протоколу приобщались все материалы, а также список лиц, подлежащих вызову в суд.

Начальник органа дознания, изучив протокол и приложенные к нему материалы, при наличии достаточных оснований возбуждал уголовное дело и формулировал обвинение с указанием статьи уголовного закона, предусматривающей данное преступление, о чем в протоколе делалась соответствующая запись. Лицу, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, разъяснялись сущность обвинения и его право знакомиться со всеми материалами уголовного дела, иметь защитника, заявлять ходатайства и обжаловать действия органа дознания. После чего уголовное дело направлялось прокурору,

который в срок, не превышающий трех суток, принимал одно из следующих решений: 1) о направлении уголовного дела в суд; 2) о направлении уголовного дела для производства дознания или предварительного следствия; 3) о прекращении уголовного дела. В суде дело подлежало рассмотрению не позднее чем в 14-дневный срок с момента поступления материалов в суд. При рассмотрении таких дел судья имел право вернуть его для производства дознания и предварительного следствия с учетом подследственности, если возникала необходимость выяснения существенных дополнительных обстоятельств, которые не могли быть установлены в судебном заседании.

Очевидно, такая форма заключалась в том, чтобы по делам небольшой тяжести, прямо перечисленным в законе, не тратить время на проведение следственных действий и на процессуальное оформление их результатов. Органы дознания в течение 10 дней должны собрать соответствующие материалы, оформить протокол, который, по сути, совмещает в себе и постановление о возбуждении уголовного дела, и постановление о предъявлении обвинения, и обвинительное заключение. После чего дело направляется прокурору, а затем в суд. И уже суд по итогам судебного следствия, в полном объеме исследовав все представленные материалы, вызвав и допросив свидетелей и потерпевших, выносит законный, а главное, обоснованный приговор.

При таком порядке всё доказывание (формирование доказательств) проходит непосредственно в суде. Практически так же, как и сейчас, это имеет место быть при рассмотрении дел частного обвинения, когда потерпевший (частный обвинитель) самостоятельно собирает различные материалы, сведения, относящиеся к делу, а силу доказательств они приобретают в ходе непосредственного их исследования судом.

По новому закону ни о каком доказывании в традиционном его виде вообще не говорится – ни в суде, ни в ходе досудебного производства по делу. Теперь есть так называемая доследственная проверка сообщения о преступлении; возбуждение уголовного дела; обязательное признание своей вины подозреваемым; собранные материалы и доказательства, между которыми стерта грань (как-то: объяснения лиц и показания свидетелей, заключение эксперта и акт предварительного ис-

следования), в объеме, достаточном для установления события преступления и виновности лица. Причем эту достаточность определяет, как уже отмечалось, дознаватель. Главным условием соблюдения новой процедуры «доказывания» является отсутствие возражений со стороны подозреваемого, его защитника, потерпевшего, его представителя. По окончании этой деятельности дознаватель составляет обвинительное постановление и через прокурора направляет его в суд, где дело рассматривается в особом порядке, т.е. без производства судебного следствия.

Таким образом, введение в российский уголовный процесс института сокращенного дознания логично продолжило тенденцию по установлению концепции «Признание вины – царица доказательств». Деятельность по проверке и оценке доказательств в настоящее время отсутствует не только в суде, но и на стадии предварительного расследования. И поэтому можно с уверенностью утверждать, что теперь по большинству уголовных дел⁷ приговоры будут выноситься «без суда и следствия».

¹ Подробнее об этом см.: *Горский В. В.* Тактические основы деятельности адвоката – представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве России. М., 2011. С. 52–98.

² Правда, далее содержится оговорка, что в других следственных действиях, где ранее участие понятых было обязательным, сейчас они принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя.

³ См.: Паспорт проекта федерального закона № 632173-5 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства» (внесен членами Совета Федерации ФС РФ В. К. Гусевым, А. Г. Лысковым, В. Б. Рушайло, Н. И. Шаكليным). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 2. 1970. С. 38. Подробнее об истории развития института дознания см. также: *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 179–184 ; *Коврига З. Ф.* Дознание, проводимое органами милиции, в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964.

⁵ Данное обстоятельство вызывает особое недоумение, ввиду того что этим же законом разрешено назначать экспертизы до возбуждения уголовного дела.

⁶ Идея отмены стадии возбуждения уголовного дела не нова; в настоящее время она реализуется в некоторых зарубежных странах (например, в новом УПК Украины), имея своих сторонников и противников.

⁷ Как отмечают разработчики данного закона, – это 65 % от всех уголовных дел (см.: К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства»: пояснительная записка. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Д. В. Зотов

ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ: УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Уголовно-процессуальное познание не безгранично. Его ретроспективность и нацеленность на установление истинности существующих сведений о фактах предполагают определение пределов познавательного процесса. Если эти пределы исследования преступления выражены в установленной законом процессуальной форме, их принято называть пределами доказывания.

Дискуссионность вопроса о пределах доказывания не нова. Однако теоретическую и практическую значимость сложно переоценить. Внимательный взгляд на «предель» показывает их генетическую связь со многими категориями уголовного процесса: цель, предмет, этапы, уровни, процесс доказывания; свойства доказательств; вероятность и достоверность. В практическом плане верное определение пределов доказывания по каждому уголовному делу позволяет реализовать идею процессуальной экономии и «вписаться» в разумные сроки уголовного судопроизводства; четко сориентировать профессиональных участников процесса на применение оптимальных способов доказывания для достижения целей доказывания на разных этапах судопроизводства; обеспечить надлежащее соблюдение

интересов личности и реализацию принципа доступа граждан к правосудию.

Предпосылкой формирования научно-практических воззрений на пределы доказывания выступает идея всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. У этого принципа непростая судьба – от ведущего начала советского уголовного процесса (ст. 20 УПК РСФСР) до «потерпевшего» современной судебной реформы. Пожалуй, большей критики не услышало ни одно из положений «старого» регрессивного законодательства, что, впрочем, не только не стерло представлений о нем, но и позволило расставить новые акценты в современном и адекватном понимании этой идеи. «Принцип всестороннего, полного и объективного исследования, т.е. принцип отыскания объективной истины, с учетом традиционной структуры отечественного судопроизводства оказалось невозможным полностью исключить из процесса, – утверждает С. А. Шейфер. – Составители УПК РФ, «исторгнув» принцип <...> как якобы несовместимый с принципом состязательности (с чем по соображениям логики невозможно согласиться), не смогли, руководствуясь здравым смыслом, полностью пренебречь этим принципом и фактически сохранили его в отдельных статьях УПК РФ»¹. Налицо парадоксальная для уголовно-процессуального права ситуация – упразднение понятия не привело к выхолащиванию его сущности. Обращение к закону подтверждает этот тезис. Так, проявлением бывшей ст. 20 УПК РСФСР стали следующие нормы действующего УПК РФ:

– *всесторонность и объективность* расследования и решения уголовных дел являются обязательными критериями при их соединении и выделении (ст. 33, 154, 239.1, 325 УПК РФ);

– в целях обеспечения *полноты и объективности* расследования допускается изменение места его производства (ст. 152 УПК РФ);

– недостаточная *полнота* заключения эксперта является основанием для назначения дополнительной экспертизы (ст. 207 УПК РФ);

– прокурор обязан удостоверить *полноту* сведений, сообщенных обвиняемым при выполнении им обязательств, пре-

дусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (ст. 317.5 УПК РФ);

– суд оценивает *полноту* предоставленных сведений при решении вопроса о передаче лица, осужденного к лишению свободы (ст. 470 УПК РФ);

– как *всесторонность* следует рассматривать обязанность функционеров судопроизводства устанавливать все элементы предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ).

Помимо названных законодательных примеров, идея всесторонности, полноты и объективности актуальна для ряда предписаний высших судебных инстанций.

Таким образом, обязанность правоприменителя всесторонне и полно расследовать и разрешать уголовные дела приводит к понятию «пределы доказывания» – той системе координат, определяющей, *насколько* всесторонне и полно осуществлена такая деятельность.

Если всесторонность и полнота уголовно-процессуальной деятельности выступают в качестве родового понятия к пределам доказывания, то видовой категорией следует признать процесс доказывания.

Аксиоматично, что все элементы теории доказательств взаимосвязаны и не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Однако верно и то, что единство различных сторон доказывания не исключает установления более тесных связей одних явлений с другими, вскрытие которых позволяет найти новые подходы к проблемам доказывания. Известна точка зрения, считающая методологически более верным исследование пределов в контексте предмета, а не процесса доказывания. Вслед за Г. М. Миньковским, отождествлявшим предмет и пределы доказывания², М. С. Строгович также видел в предмете доказывания «пределы и направления исследования по делу»³. Не сложно заметить, что при таком подходе пределы обезличены и полностью растворяются в предмете доказывания.

Значимой в развитии идей о пределах доказывания остаются рассуждения П. С. Элькинд: «Взаимодействие между предметом и пределами доказывания есть взаимодействие между целью и средствами ее достижения. Определяющая роль в этом взаимодействии принадлежит цели – предмету доказывания, составляющему в значительной мере объективную предпосыл-

ку установления тех или иных пределов доказывания. Это не умаляет, однако, значения субъективных суждений лиц, производящих расследование и судебное разбирательство, относительно действительно необходимых и наиболее разумных пределов использования доказательств»⁴. С одной стороны, пределы доказывания не приобретают процессуальной самостоятельности, они по-прежнему в тени предмета, а с другой – вводится ряд существенных новаций. Во-первых, понятие «пределы доказывания» обособляется и перестает быть идентичным «предмету доказывания». Во-вторых, определяется закономерная связь между предметом и пределами как цель и средство. В-третьих, П. С. Элькинд, указывая на значение субъективных оценок функционеров уголовного судопроизводства, тем самым задает верный вектор исследования взаимосвязи пределов и процесса доказывания.

К подобным выводам приходит и П. А. Лупинская, но несколько иным путем. Она ставит пределы доказывания в зависимость от: «1) круга фактических обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному делу; 2) иных обстоятельств, имеющих значение для дела (побочные, промежуточные обстоятельства); 3) необходимых и достаточных доказательств для установления указанных выше обстоятельств»⁵. Ценность предложенной идеи состоит как в установлении паритета предмета и процесса доказывания в формировании пределов, так и в определении доказательств в качестве средств доказывания обстоятельств дела.

Не отрицая связи между предметом и пределами доказывания, Л. Д. Кокорев возражал против их отождествления, в результате которого «понятие пределов доказывания теряет свою специфику и сводится к конкретизации обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Но если предмет доказывания как бы отвечает на вопрос, на что направлено уголовно-процессуальное доказывание, то пределы доказывания отвечают на вопрос, при помощи чего, какими средствами обеспечиваются оптимальная глубина и достаточность доказательств для достоверного познания обстоятельств, входящих в предмет доказывания»⁶. На этой основе ученый соглашается с предложенной связующей конструкцией «цель – средство», но уточняет, что цель доказывания – это проблема предмета доказывания, а пределы – проблема процесса доказывания.

С уточнением приведенной позиции выступил А. В. Победкин. В целом соглашаясь с правомерностью рассмотрения пределов доказывания в контексте доказательственной деятельности, автор возражает против определения понятия пределов доказывания через средства, поскольку «средства доказывания – предусмотренные законом приемы, способы действия, предназначенные для осуществления уголовно-процессуального доказывания»⁷.

Приведенное замечание принципиально. Вне понимания, что собой представляют средства доказывания, невозможно уяснить схему «цель – средство», а соответственно, найти верный подход к пониманию пределов доказывания. Понятие «средства доказывания» получило широкое распространение в процессуальной литературе, вместе с тем остается проблема однозначного их понимания различными авторами.

О средствах доказывания как структурном образовании системы уголовно-процессуального доказывания были высказаны различные суждения:

1) средствами доказывания являются способы доказывания, процессуальные действия (А. В. Победкин, П. С. Элькиндр)⁸;

2) средствами доказывания являются доказательства, понимаемые как сведения о фактах и их источники, и способы их собирания и проверки (М. М. Гродзинский, Ф. Н. Фаткуллин)⁹;

3) средствами доказывания выступают только сведения об обстоятельствах дела без учета источников их получения, «т.е. факты, которые используются для того, чтобы что-либо доказать» (А. Я. Вышинский)¹⁰;

4) средствами доказывания служат только источники доказательств, при этом они являются составной частью понятия «доказательства» (А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, М. С. Строгович, М. Л. Шифман)¹¹ либо в понятие «доказательства» не входят (Б. А. Галкин, С. А. Голунский, П. А. Лупинская, И. Д. Перлов)¹²;

5) средства доказывания представляют собой доказательства, понимаемые как единство сведений об обстоятельствах дела и источников их получения (В. Я. Дорохов, Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов)¹³.

Правильной представляется последняя точка зрения, понимающая средства доказывания как доказательства. Убеди-

тельность данной позиции определена тем, что «следственные действия и иные способы получения доказательств лишь приводят к возникновению средств доказывания»¹⁴, а это предполагает рассмотрение способов доказывания в качестве самостоятельного элемента системы доказывания и их исключение из понятия «средства доказывания». Неоднократно высказанные в научной литературе соображения о неразрывности содержания и формы доказательства, предполагающей единство сведений об обстоятельствах дела с их носителем – источником доказательства, также приводят к выводу о нецелесообразности понимания под средством доказывания одних лишь сведений либо их источников. Таким образом, единственным средством уголовно-процессуального доказывания являются доказательства как сведения об обстоятельствах дела, полученные из источников, перечисленных в законе.

В понимании Л. Д. Кокорева пределы доказывания сводятся к оптимальности доказательств как средств достижения цели. Напротив, П. С. Элькинд в пределы доказывания включает процессуальные действия по получению доказательств и при этом указывает на определяющую роль предмета доказывания. Однако «если исходить из соподчинения пределов доказывания предмету, то можно прийти к неправильному выводу о том, что наряду с доказательствами предмет доказывания устанавливается следственными действиями. Бывают при расследовании ситуации, которые, на первый взгляд, подтверждают позицию П. С. Элькинд. Например, когда данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, мы получаем при допросе свидетеля-очевидца, подозреваемого или потерпевшего. Но ведь и в данном случае в процессе обоснования обстоятельств предмета доказывания используется (или должна использоваться!) не ссылка на допрос соответствующего лица, а данные, полученные в ходе его допроса, – справедливо указывает А. С. Барабаш. – Ссылка на следственные действия в плане обоснования того или иного вывода может удовлетворить недобросовестного следователя, но не теорию уголовного процесса»¹⁵.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы. Закономерный союз цели и средств доказывания проявляется через взаимосвязь предмета и пределов доказывания.

Поскольку средствами доказывания следует считать доказательства, то пределы доказывания устанавливают условия их оптимальности. Определение оптимальности доказательств возможно только в процессе познавательной деятельности. Таким образом, методологически обоснованным представляется рассмотрение пределов доказывания как структурного компонента процесса доказывания.

Существуют различные взгляды на сущность пределов доказывания. Многоаспектность этого понятия предполагает критический анализ предложенных определений.

Одни авторы под пределами доказывания понимают совокупность доказательств, достаточную для установления обстоятельств, имеющих значение для дела¹⁶. Недостатком такого подхода является отождествление пределов доказывания и достаточности. Здесь категория «достаточность» не имеет самостоятельного значения и заранее предreshена суммой доказательств. Предложенное определение не учитывает различной природы понятий. Пределы доказывания – количественная характеристика, а достаточность – качественная, поскольку «пределы характеризуют существенное наличие доказательств, достаточность – характеризует их с позиции возможности получения знания»¹⁷.

Часто пределы доказывания определяют через различную совокупность таких показателей, как объем, границы, широта, глубина, полнота, мера, степень, точность, детализация, конкретизация и пр. На недопустимость такого подхода указывал Л. Д. Кокорев, поскольку здесь происходит отождествление сущности самого института с последствиями его применения, т.е. названные показатели пределами доказывания не являются, а выступают результатом применения соответствующих пределов доказывания¹⁸. В связи с этим представляется неоправданной позиция Л. Д. Кокорева по определению пределов доказывания как «объема доказательственного материала, который необходим по каждому конкретному делу для обеспечения необходимых границ оптимальной глубины и полноты исследования соответствующих фактов и обстоятельств». Проблема состоит в сложности восприятия такого определения, где мера как результат выводится через меру как условие. Другой проблемой всех критикуемых определений выступает многогран-

ность самих характеристик и сложности их восприятия. О них невозможно прямо сказать, что они показывают – качество или количество? О чем должна идти речь – о свойствах доказательства, позволяющих познать обстоятельства дела, или о самом наличии доказательства, устанавливающего эти обстоятельства?

Такие замечания являются принципиальными для уяснения сущности пределов доказывания и определения собственного места этой категории в процессе познавательной деятельности. Однако данная «исключительность» будет несколько нивелироваться в практической правоприменительной деятельности, когда качественно-количественные показатели будут «дрейфовать» из «пределов» в «достаточность», и наоборот.

Получила распространение точка зрения Л. М. Карнеевой, понимающей под пределами степень доказанности обстоятельств, подлежащих доказыванию¹⁹. Ее понимание есть попытка перехода от количественной к качественной стороне пределов доказывания, поскольку степень доказанности есть не что иное, как достаточность. Подобный «качественный подход» оставляет не раскрытым центральную проблему пределов доказывания – при помощи чего, какими средствами обеспечить доказанность обстоятельств уголовного дела. Восполнению имеющихся пробелов посвящено определение А. В. Победкина, с точки зрения которого, пределы доказывания есть «степень доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания (достаточная или недостаточная для приятия процессуального решения), определяемая на основании внутреннего убеждения правоприменителя, в свою очередь базирующегося на количестве доказательств, собранных способами, предусмотренными уголовно-процессуальным законом»²⁰. Анализ приведенного понятия показывает, что, по сути, пределы доказывания, в авторском понимании, – это достаточность, основанная на количестве доказательств. Недостатки заранее предreshенной достаточности уже отмечались. Однако примечательность этих взглядов состоит в демонстрации тщетности попыток уйти от количественной составляющей в понимании пределов доказывания, поскольку основанием внутреннего убеждения неизменно выступает совокупность доказательств.

В связи с этим заслуживает поддержки позиция А. С. Барабаша: «Для того чтобы наполнить понятие пределов доказывания собственным содержанием, необходимо рассматривать

его в связке с такими, как достаточность и обстоятельства, подлежащие доказыванию. В предыдущих исследованиях промежуточное звено «достаточность» в своем самостоятельном значении было потеряно, что привело к появлению определений, не отражающих существо явлений. Понятие пределов доказывания обозначает совокупность доказательств, привлеченных следователем или судом для обоснования вывода о существовании обстоятельств, подлежащих доказыванию»²¹.

В целом соглашаясь с приведенными суждениями, следует внести два уточнения:

а) само количество доказательств не может служить основанием для формирования процессуально значимого вывода или принятия решения. Пределы выступают лишь как необходимое условие для оценки достаточности доказательств. Здесь в полной мере работает философский закон перехода количества в качество, где достаточность (как качественный элемент), основанная на количественных пределах доказывания, позволяет приблизиться к решению того или иного процессуального вопроса;

б) не отражает реального понимания пределов доказывания указание на их совокупность. Совокупность предполагает некую сумму, множественность, количество более одного. Поэтому признание пределов как совокупности доказательств исключает возможность их достижения за счет единственного доказательства, что, конечно, не соответствует реальному положению дел. Не сложно представить случаи, когда одного доказательства вполне достаточно для возбуждения уголовного дела, избрания меры пресечения, дачи санкций в сфере судебного контроля и пр. В связи с этим оптимальным для определения пределов доказывания представляется понятие «число доказательств», которое включает в себя как единичные факты, так и их множественность.

Таким образом, **пределы доказывания есть число доказательств, необходимое для оценки их достаточности.**

¹ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 42.

² См.: Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 4.

³ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 361.

⁴ *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 85.

⁵ Уголовный процесс : учеб. для вузов / под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 1995. С. 138.

⁶ *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 236.

⁷ *Победкин А. В.* Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. С. 118.

⁸ См.: Там же. С. 118 ; *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С.* Указ. соч. С. 92–93.

⁹ См.: *Гродзинский М. М.* О способах получения доказательств в советском уголовном процессе // Советская юстиция. 1958. № 6. С.11 ; *Фаткуллин Ф. Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 93.

¹⁰ См.: *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 223.

¹¹ См.: *Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д.* Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 5 ; *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 290 ; *Шифман М. Л.* Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956. С. 5.

¹² См.: *Галкин Б. А.* Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 175 ; *Голунский С. А.* Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 145 ; *Лупинская П. А.* О проблемах теории судебных доказательств // Советское государство и право. 1960. № 10. С. 121–124 ; *Перлов И. Д.* Об Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Важный этап в развитии советского права. М., 1960. С. 57.

¹³ См.: *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Указ. соч. С. 121, 227 ; Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Жогина. М., 1973. С. 212–213.

¹⁴ См.: *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Указ. соч. С. 227.

¹⁵ *Барабаи А. С.* Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск, 1997. С. 64–89.

¹⁶ См.: *Белкин А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 50 ; *Громов Н. А., Зайцева С. А.* Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002. С. 97 ; *Ульянова Л. Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008. С. 65.

¹⁷ *Барабаи А. С.* Указ. соч. С. 64–89.

¹⁸ См.: *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Указ. соч. С. 240.

¹⁹ См.: *Карнеева Л. М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988. С. 16–18.

²⁰ *Победкин А. В.* Указ. соч. С. 120–121.

²¹ *Барабаи А. С.* Указ. соч. С. 64–89.

И. М. Комаров

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ И СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В основе прикладной методики расследования преступлений лежат обоснованные криминалистической теорией данные, использование которых следователем способствует достижению назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 УПК РФ.

Криминалистическая методика расследования структурно представляет собой систему, состоящую из двух элементов: криминалистической характеристики преступлений и криминалистической характеристики расследования преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений также многоэлементная система с основным назначением – служить информационной базой выдвижения типичных версий (преимущественно на первоначальном этапе) предварительного расследования.

Криминалистическая характеристика расследования более сложная категория, которая была введена в научный оборот В. К. Гавло и В. А. Образцовым в 1982 г.¹ В работах В. К. Гавло она получила наибольшее развитие как компонент криминалистической методики расследования преступлений, отражающий ее перспективную направленность с содержанием закономерностей механизма досудебного производства и судебного следствия.

В. К. Гавло верно считает, что основными компонентами криминалистической характеристики расследования являются «следственные ситуации, следственные версии и направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапе, система следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий и тактических операций, обеспечивающих выполнение целей расследования»².

С учетом того, что типовая криминалистическая характеристика расследования представляет собой единое целое, объединяющее систему знаний о том, как раскрывать, расследовать и предотвращать преступления в ходе досудебного и судебного производства, закономерно возникают вопросы, в частности, о том, какие связи и отношения существуют между частями ее содержания, в первую очередь с криминалистическими операциями, и что дает криминалистическая характеристика расследования процессам планирования, организации и проведения криминалистических операций в ходе досудебного производства.

Ответы на эти вопросы следует искать с установления связей и отношений в системе «криминалистические операции и криминалистические ситуации» как важнейших компонентов криминалистической характеристики расследования.

Для этого первоначально следует обратиться к вопросу о том, что представляют собой криминалистические ситуации?

Широко известно мнение Р. С. Белкина о том, что следственной ситуацией является обстановка, в «которой протекает доказывание»³.

На наш взгляд, следует проводить различие между криминалистической ситуацией (обстановкой) досудебного производства по расследованию конкретного преступления и криминалистической ситуацией как категорией криминалистической науки.

Неповторимость конкретного досудебного производства по уголовному делу связана с множеством индивидуальных факторов и условий, в том числе с определенной характеристикой личности следователя, сложившейся на основе его опыта, интеллекта, характера, специализации, прочих особенностей. В совокупности они и определяют конкретную криминалистическую ситуацию досудебного производства. Для нее невозможно разработать криминалистические рекомендации по применению тех или иных приемов, так как невозможно учесть все факторы и условия, возникающие в каждом отдельно взятом досудебном производстве. Если все же попытаться идти по этому пути, то это будет уже не криминалистика, а паракриминалистика, о которой писал А. М. Ларин⁴.

В связи с этим мы разделяем точки зрения Л. Я. Драпкина, Г. А. Зорина, О. Я. Баева и других криминалистов, утверждающих, что криминалистическая ситуация как категория науки криминалистики есть не что иное, как модель, главным образом информационного характера, типичных криминалистических ситуаций досудебного производства⁵. Информационный характер является одной из главных особенностей криминалистических ситуаций, так как, по верному замечанию Т. С. Волчецкой, «отражает криминальные ситуации, образующие преступления»⁶. Отношение к криминалистическим ситуациям как к моделям позволяет воспринимать их лишь наиболее значимые и типичные признаки и свойства тех криминалистических ситуаций конкретного досудебного производства, моделью которых они являются и могут использоваться в расследовании конкретных уголовных дел.

Типичные криминалистические ситуации по своему содержанию выступают своеобразными теоретическими моделями, которые позволяют правильно «ориентироваться в сложившемся положении вещей в общем, и выбирать наиболее характерные для данного случая приемы и способы расследования, обеспечивающие собирание недостающей фактической информации по делу»⁷. В их основе лежат такие главные показатели, как наличие (отсутствие) типичной исходной информации, сведений о фактических и иных данных по досудебному производству, сориентированные на типовую криминалистическую характеристику отдельного вида преступлений. Поэтому раскрывать содержание криминалистических ситуаций необходимо через определение их информационной структуры. Она состоит из данных, относящихся к типовой криминалистической характеристике вида преступлений и проявляющихся по ходу досудебного производства, показывая тем самым, какие из них известны (неизвестны) на первоначальном этапе, установлены (не установлены) в ходе досудебного производства, каково их сочетание и значение для определенных задач досудебного производства. Особо следует акцентировать внимание на влияние криминалистической ситуации на формирование криминалистической характеристики расследования преступлений, отражающей сведения об обстановке, в которой выявлено преступление и возбуждено досудебное производство, проводятся

процессуальные и непроцессуальные действия, применяются криминалистические средства, приемы и методы для достижения задач досудебного производства.

Приведенное понимание информационной структуры криминалистических ситуаций соответствует системно-генетическому подходу для объяснения сложных исследований различных явлений и, на наш взгляд, точнее определяет основу и поле нахождения в них фактических и иных сведений как результат и факт их образования.

Информационная структура криминалистических ситуаций включает следующие компоненты:

а) следственные и оперативно-розыскные данные о способе, механизме, личности субъекта преступления, объекте и предмете преступного посягательства, личности потерпевшего, обстановке, мотиве, цели и других обстоятельствах расследуемого события;

б) следственные и оперативно-розыскные данные в целом о расследуемом событии;

в) наличие доказательств о расследуемом событии и его отдельных обстоятельствах;

в) данные о возможной инсценировке расследуемого события;

г) сведения о противодействии следствию со стороны заинтересованных лиц;

д) сведения о возможных источниках получения фактических и иных данных;

е) данные об обстановке, в которой выявлено, возбуждено уголовное дело, начато расследование и проводятся первоначальные следственные и иные действия;

ж) данные об обстановке, в которой ведется расследование после производства первоначальных следственных и иных действий;

з) данные, затрудняющие расследование, «как следствие своеобразия обстановки и условий по обнаружению и сохранению отдельных доказательств»⁸.

На этот счет существуют и другие точки зрения⁹. Систему этих компонентов можно считать самой общей теоретической моделью криминалистических ситуаций.

Итак, криминалистическую ситуацию можно определить как *информационную теоретическую модель, познание которой обеспечивает следователю возможность выбора способов и средств для решения задач в типичных криминалистических ситуациях досудебного производства.*

Иными словами, эта теоретическая модель, исходя из характера научной абстрактности, содержащихся в ней компонентов, позволяет сформулировать следователю в самом общем выражении «программу деятельности, направленную к решению определенной задачи»¹⁰.

Программа деятельности по расследованию преступлений на основе метода аналогии позволяет применить типичные модели криминалистических ситуаций любого вида преступлений, схожих по своей информационной структуре с приведенной выше информационной системой. При этом следователь может абстрагироваться от отдельных компонентов ситуации, но лишь при определенных условиях: если они не характерны для расследования вида преступлений. Например, для досудебного производства по расследованию отдельных преступлений не типичным является такой компонент информационной структуры криминалистических ситуаций, как данные о возможной инсценировке расследуемого события. Поэтому данный компонент при построении типичных теоретических моделей криминалистических ситуаций в досудебном производстве может быть опущен. Определяющим критерием в этих обстоятельствах является относимость компонентов ко всему процессу досудебного производства. Более высокая степень конкретности этого знания предоставляет следователю возможность формулирования типичного алгоритма решения той или иной задачи досудебного производства, т.е. программы деятельности, «содержащей полный перечень всех необходимых действий и их последовательность»¹¹.

Возникают вопросы: каков механизм этой деятельности и как им следует пользоваться для достижения поставленных целей?

Ответы на них видятся следующим образом. Криминалистическая характеристика вида преступлений подсказывает следователю своим содержанием, что и где надо искать, каковы следы – последствия содеянного и т.д. Она же содержит зна-

ния о типичных материально фиксированных и идеальных следах вида преступлений. Их закрепление в качестве уголовно значимой доказательственной и ориентирующей информации возможно посредством достижения системной задачи, что при проверке следственной версии обеспечивает спланированная, организованная и примененная в процессе досудебного производства криминалистическая операция. Ее характер и содержание через указанную задачу определяется типичной теоретической моделью криминалистической ситуации, которая на основе своей информационной структуры далее «подсказывает», какие процессуальные и непроцессуальные действия необходимо провести и какова должна быть их последовательность.

Например, типовая криминалистическая характеристика преступлений, связанных с уклонениями от несения обязанностей военной службы (данный вид преступной деятельности по механизму поведения преступника более понятен в связи с продолжительной службой в системе органов военной прокуратуры), своим содержанием определяет системную задачу: розыск и задержание военнослужащего, совершившего самовольное оставление части. Одной из системы целей, позволяющих решить указанную системную задачу посредством проведения методико-криминалистической операции, является изучение личности военнослужащего, цели и мотива совершенного им преступления. В условиях благоприятной типичной криминалистической ситуации на первоначальном этапе расследования достижение указанной цели делает возможным получение уголовно значимой доказательственной и ориентирующей информации следующего рода:

1) о личности, уклонившегося от исполнения обязанностей военной службы, по методу «словесного портрета» с указанием одежды, в которой он находился, а также предметов, находящихся при нем;

2) об обстоятельствах, при которых скрылся военнослужащий; его поведении накануне побега; мыслях, высказываемых перед совершением преступления; жизненных планах на ближайшее время; о населенных пунктах, где он ранее проживал, о прошлых связях; о вещах и предметах, которые были взяты при побеге; об образе жизни военнослужащего, его привычках, навыках и пр.;

3) о психическом здоровье военнослужащего.

Указанная информация может быть получена на основе следующего алгоритма процессуальных и непроцессуальных действий субъекта доказывания: допросов командиров и сослуживцев разыскиваемого военнослужащего; допросов родителей и родственников военнослужащего по отдельным поручениям следователя; его запросов о необходимых сведениях относительно разыскиваемого в соответствующие государственные и негосударственные учреждения и предприятия.

Значимость криминалистических ситуаций для планирования, организации и проведения криминалистических операций в процессе досудебного производства определяется не только возможностью «задать» или «подсказать» следователю необходимую программу деятельности, содержащую полный перечень всех необходимых действий и их последовательность, но и тем, что они могут изменять системы целей и задач расследования как полностью, так и частично. Если, например, взять приведенную выше систему целей методико-криминалистической операции по розыску и задержанию военнослужащего, совершившего уклонение от исполнения обязанностей военной службы, то его задержание после достижения таких целей указанной операции, как изучение события преступления по результатам осмотра места происшествия и изучение личности военнослужащего, цели и мотива преступления, изменяет криминалистическую ситуацию, снимает цели операции, связанные с изучением его связей, получением желаемой информации о его личности и связях, познанием поведения после совершения уклонения от исполнения обязанностей военной службы и его предполагаемых путях следования.

Таким образом, связи и отношения между криминалистическими ситуациями и криминалистическими операциями в системе криминалистической характеристики расследования можно определить как систему «типовая криминалистическая характеристика вида преступлений – криминалистическая ситуация – криминалистическая операция – следователь». Криминалистические ситуации в этой системе на основе прямых вероятностных связей выступают фактором, определяющим содержание криминалистических операций. Криминалистичес-

кая характеристика преступлений здесь играет опосредованную информационную роль.

Системные задачи и содержание криминалистических операций в приведенной системе в значительной степени зависят от характера криминалистических ситуаций, в первую очередь от характера, основанного на сущности разделов, составляющих систему криминалистики.

В связи с этим можно говорить о криминалистических ситуациях технического, тактического и методического характера.

В криминалистике отчасти уже высказывались аналогичные мнения. Так, А. Н. Васильев и Н. П. Яблоков указывали на возможность изучения криминалистических ситуаций как в разделе криминалистической тактики, так и в разделе методики расследования отдельных видов преступлений¹². Однако какого-либо обоснования этому сделано не было.

Наши взгляды на технико-криминалистические ситуации близки точке зрения В. А. Снеткова, который рассматривал их в качестве частных по отношению к криминалистическим ситуациям, оказывающих влияние на деятельность следователя по применению технико-криминалистических средств при работе с вещественными доказательствами¹³. Уточняя приведенную точку зрения, можно сказать, что технико-криминалистические ситуации определяют характер деятельности следователя по решению частных системных задач технико-криминалистических операций.

В основе определения тактического характера криминалистических ситуаций лежат степень и противодействие, оказываемые процессу досудебного производства, а также, как верно пишет О. Я. Баев, «обусловленные этим отношения, складывающиеся между следователем и субъектом – носителем информации, интересующей следователя»¹⁴.

О тактико-криминалистических ситуациях как разновидности криминалистических ситуаций писал И. Ф. Герасимов. Он считает их «основной разновидностью следственных ситуаций применительно к тактике отдельных следственных действий»¹⁵.

Методический характер криминалистических ситуаций на каждом этапе досудебного производства определяется уголовно значимой доказательственной и ориентирующей информа-

цией, обуславливающей направленность и возможность досудебного производства¹⁶.

По нашему мнению, в одной отдельно взятой криминалистической операции криминалистическая ситуация может быть технической, тактической и методической. Это связано с системной задачей, которую данная криминалистическая операция решает, и сложностью фактических обстоятельств, возникающих в процессе досудебного производства.

Например, методический характер криминалистической ситуации для методико-криминалистической операции по розыску и задержанию военнослужащего, совершившего уклонение от исполнения обязанностей военной службы, во всяком случае на ее первоначальном этапе, определяется следующими обстоятельствами: известен военнослужащий, который, судя по типичной исходной информации, совершил самовольное оставление части. Разрешая эту ситуацию, необходимо установить, действительно ли этим военнослужащим совершено указанное преступление, содержит ли это деяние необходимые элементы преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, а также все обстоятельства, требуемые по смыслу ст. 73 УПК РФ.

В процессе проведения указанной методико-криминалистической операции при проведении определенных процессуальных действий следователь может столкнуться с криминалистической ситуацией тактико-криминалистического характера. Она может быть благоприятной и неблагоприятной. Например, объективные показания непосредственного командира разыскиваемого военнослужащего отражают благоприятную криминалистическую ситуацию тактического характера, которую, например, О. Я. Баев в самом широком смысле определяет в следующем качестве: «...субъект обладает искомой информацией, адекватно ее воспринял, желает и может также адекватно воспроизвести ее следователю»¹⁷.

Технического решения требует криминалистическая ситуация в методико-криминалистической операции по розыску и задержанию военнослужащего в том случае, если в ходе проведения розыскных мероприятий будет обнаружен обезображенный труп человека, предположительно относящийся к разыскиваемому военнослужащему, что требует проведения необходимых идентификационных действий и последующего

следственного действия – предъявления для опознания. В таком случае, видимо, речь должна идти о технической криминалистической ситуации.

Криминалисты отмечают также (А. Н. Васильев, Н. П. Яблоков и др.), что сложные тактико-криминалистические ситуации, их оценка и разрешение возникают и при производстве отдельных следственных действий и криминалистических операций. Неправильный анализ и оценка фактических обстоятельств в ситуациях не позволяют рассчитывать на успех применения и следственных действий, и указанных операций. Как при производстве следственных действий, так и при проведении операций складываются определенные криминалистические ситуации, но по содержанию и направленности они различны. Криминалистические ситуации, возникающие в рамках проведения определенных следственных действий и операций, характеризуют сложившиеся локальные обстановки главным образом с тактических позиций. Информационная основа таких положений согласуется с локальным характером их роли. Должным образом оцененное своеобразие содержания обуславливает выбор наилучшей тактики одного или нескольких действий с целью успешного решения стоящих перед ними задач. Такие ситуации практически не связаны с характером и особенностями преступлений. Поэтому их предложено именовать ситуациями следственных действий и ситуациями криминалистических операций. С этим следует согласиться.

Однако важно учесть, что тщательный анализ содержания криминалистических ситуаций предоставляет следователю возможность планировать, организовывать и проводить необходимые криминалистические операции, обусловленные именно этими ситуациями, их информационным содержанием.

Следственные версии и направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапе, как было отмечено, наряду с криминалистическими ситуациями являются важным компонентом криминалистической характеристики расследования. В ней криминалистическая операция будет выступать как комплексный способ решения задач досудебного производства.

Проверка версий, пишет А. М. Ларин, как известно, состоит в целенаправленном и целесообразном, т.е. эффективном,

собирации доказательств¹⁸. Представляется правильным при проверке следственных версий посредством криминалистических операций выделять два этапа: предварительную логическую обработку следователем выдвинутой следственной версии и его практическую деятельность по организации и проведению запланированной криминалистической операции.

На первом этапе достаточно эффективным будет следующий алгоритм мыслительной деятельности следователя.

Во-первых, это выведение следствий из следственной версии и предположение о следах, которые могут быть обнаружены в случае соответствия следственной версии фактическим обстоятельствам происшедшего события преступления (системная задача криминалистической операции). Важную роль в качестве информационной базы в этом мыслительном процессе субъекта доказывания играет типовая криминалистическая характеристика вида преступлений.

Во-вторых, определение на основе данных типовой криминалистической характеристики вида преступлений и характере сложившейся криминалистической ситуации алгоритма процессуальных и непроцессуальных действий, оптимально обеспечивающих проведение криминалистической операции.

В-третьих, определение процедуры организации и проведения запланированной криминалистической операции.

Приведенный порядок предварительной логической обработки выдвинутой следователем следственной версии своим содержанием фактически указывает на определенную структуру метода криминалистических операций (системная задача и система целей, средства, связи), что обеспечивает возможность их планирования, организации и проведения в практической деятельности следователя с учетом характера и особенностей криминалистических ситуаций.

Криминалистические операции связаны со следственными версиями способами достижения системной задачи досудебного производства. Их взаимосвязь можно представить системой «типовая криминалистическая характеристика вида преступлений – криминалистическая ситуация – следственная версия – криминалистическая операция – следователь».

Следующим компонентом криминалистической характеристики расследования является система следственных, опера-

тивно-розыскных и иных организационно-технических действий. Фактически это система способов собирания, исследования и оценки доказательств, о которой писал С. А. Шейфер¹⁹.

Связи и отношения в криминалистических операциях и системе способов собирания, исследования и оценки доказательств определяются криминалистическими ситуациями. Они, как отметил Л. Я. Драпкин, в соответствии с принципами кибернетики и теории ситуационного управления из относительно ненадежных элементов (отдельные процессуальные и непроцессуальные действия) сформируют надежную подсистему криминалистической операции²⁰.

Таким образом, связи и отношения между следственными и организационно-техническими мероприятиями и криминалистическими операциями в системе криминалистической характеристики расследования можно определить как систему «типовая криминалистическая характеристика вида (группы) преступлений – криминалистическая ситуация – следственная версия – следственные и организационно-технические мероприятия – криминалистическая операция – следователь».

Все изложенное выше приводит к следующим выводам:

«– характер криминалистических ситуаций и следственных версий досудебного производства как компонентов криминалистической характеристики расследования непосредственно указывает следователю на содержание криминалистических операций, в меньшей степени они корректируют их системные задачи;

– системы следственных и организационно-технических мероприятий как компонент криминалистической характеристики расследования с учетом характера криминалистических ситуаций и следственных версий непосредственно формируют содержание криминалистической операции»²¹.

Наши выводы близки к выводам Л. Д. Самыгина, исследовавшего процесс расследования преступлений как систему деятельности. «Постановка задачи, – писал он, – лишь слегка намекает на пути ее решения. Прямые рекомендации насчет целесообразных методов и средств предлагает криминалистическая характеристика расследования вида преступлений, особенно теперь, когда есть возможность предложить даже ал-

горитм решения определенной задачи (посредством криминалистической операции. – *И. К.*)»²².

Полагаем, что установленные связи и отношения играют важную роль в процессах моделирования криминалистических операций для практического применения их следователем в процессе досудебного производства.

¹ См.: *Гавло В. К.* Криминалистический механизм преступления и его значение в расследовании // *Борьба с преступностью на современном этапе.* Барнаул, 1982. С. 59–61 ; *Его же.* О понятии, значении и задачах методики расследования отдельных видов преступлений // Там же. С. 109–118.

² *Гавло В. К.* Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 29.

³ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. 3-е изд. М., 2001. С. 630.

⁴ См.: *Ларин А. М.* Криминалистика и паракриминалистика : науч.-практ. и учеб. пособие. М., 1996. 192 с.

⁵ См.: *Драпкин Л. Я.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987 ; *Зорин Г. А.* Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000 ; *Баев О. Я.* О структуре следственных ситуаций // Криминалистические и процессуальные проблемы расследования. Барнаул, 1983 ; *Его же.* Следственные ситуации : их тактическая и методическая сущность // Роль и значение деятельности профессора Р. С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики : материалы международной конференции. М., 2002.

⁶ *Волчечкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. Н. П. Яблокова. М. ; Калининград, 1997. С. 92.

⁷ *Васильев А. Н., Яблоков Н. П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. С. 14.

⁸ *Гавло В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 225–226.

⁹ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 129–139.

¹⁰ *Эйсман А. А.* Логика доказывания. М., 1971. С. 109.

¹¹ Там же.

¹² См.: *Васильев А. Н., Яблоков Н. П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. С. 134.

¹³ См.: *Снетков В. А.* Элементы технико-криминалистической ситуации осмотра места происшествия // Следственная ситуация. М., 1985. С. 16.

¹⁴ *Баев О. Я.* Следственные ситуации : их тактическая и методическая сущность. С. 108.

¹⁵ Герасимов И. Ф. Криминалистическая тактика и следственные ситуации // Теоретические проблемы криминалистической тактики. Свердловск, 1981. С. 18.

¹⁶ См.: Баев О. Я. Основы криминалистики. М., 2001. С. 224–232.

¹⁷ Баев О. Я. Следственные ситуации : их тактическая и методическая сущность. С. 108.

¹⁸ См.: Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976. С. 155.

¹⁹ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. М., 1981. С. 45–60.

²⁰ См.: Дранкин Л. Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987. С. 31.

²¹ Комаров И. М. Криминалистические операции и криминалистическая характеристика раскрытия, расследования и предотвращения преступлений // Известия Алтайского гос. ун-та. 2003. № 2 (28). С. 56.

²² Самыгин Л. Д. Расследование преступления как система деятельности. М., 1989. С. 57.

Л. Б. Краснова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ И ПРОВЕРКИ АЛИБИ

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) 2001 г. впервые дал законодательную трактовку понятия алиби, закрепленную в ч. 1 ст. 5, в которой говорится, что «алиби – нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте». До 19 июня 2006 г. алиби упоминалось также в ч. 6 ст. 234 УПК РФ: «Ходатайство стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого подлежит удовлетворению лишь в случае, если оно заявлялось в ходе предварительного расследования и было отклонено дознавателем, следователем или прокурором». Однако ни в нормах УПК РФ, ни в других правовых актах данное понятие более не употребляется, поэтому включение указанного термина в ст. 5 УПК РФ противоречит ее на-

© Краснова Л. Б., 2014

именованию: «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе». Кроме того, многие авторы¹ сходятся во мнении, что в таком представлении понятие алиби процессуального значения не имеет и должно рассматриваться как криминалистическая, а не уголовно-процессуальная категория.

Традиционно считается, что алиби устанавливается: показаниями свидетелей, которые заявляют, что видели подозреваемого (обвиняемого) в критическое время в другом месте; предъявлением подозреваемого (обвиняемого) для опознания свидетелям-очевидцам и потерпевшему, не опознающим его, и т.д. Однако в современных условиях широкого распространения информационных технологий появилась возможность установления алиби в том случае, если подозреваемый (обвиняемый) заявляет, что в момент совершения преступления он работал на компьютере, разговаривал по мобильному телефону, был заснят цифровой камерой, видеорегистратором в другом месте.

«Доказанный факт того, что подозреваемый или обвиняемый в момент совершения преступления работал на компьютере не в месте совершения преступления, за рубежом получило условное название «цифрового алиби» (digital alibi). Данный термин обусловлен тем, что в качестве основного источника доказательств алиби выступает информация, записанная в цифровой форме на машинных носителях (накопителях на жестких магнитных дисках (в обиходе – винчестерах), гибких магнитных дисках и т.п.), получившая название «цифровые доказательства» (digital evidence)»².

В других странах уже есть примеры, когда цифровое алиби способствовало реабилитации обвиняемого, например случай Родни Брэдфорда, обвиняемого в вооруженном ограблении и выпущенного благодаря цифровому алиби, заключавшегося в том, что в момент ограбления он работал в Facebook. Другой пример: в Италии слушания в суде закончились оправданием Альберто Стаси, главного подозреваемого в убийстве. Информация из его ноутбука свидетельствовала о том, что во время совершения преступления его не было в городе, где оно было совершено.

В отечественной научной литературе этому вопросу уделено недостаточное, на наш взгляд, внимание. Согласимся с мнени-

ем И. П. Пономарева, что «серьезные исследования, выполненные В. И. Шикановым, Н. В. Кручининой, А. Т. Тимербаевым и рядом других ученых, посвященные теоретическим проблемам алиби и их прикладному значению в уголовном судопроизводстве, методикам проверки, а также вопросам разоблачения ложного алиби, проводились до появления в следственной и судебной практике заявления о «цифровом алиби»³. В связи с этим цифровое алиби следует рассматривать как новую разновидность, имеющую следующие особенности:

1. Цифровое алиби как разновидность алиби представляется в виде логической системы, состоящей из трех элементов:

- место совершения преступления;
- время совершения преступления;
- место фактического нахождения заявителя алиби во время совершения преступления.

Существенной особенностью цифрового алиби является то, что эти элементы устанавливаются на основе следов деятельности лица, заявляющего алиби, на персональном компьютере или иной цифровой технике. То есть основными действиями при проверке данного вида алиби является анализ перечня действий, производимых с электронным носителем информации.

Персональные компьютеры создают и непрерывно ведут журналы действий пользователей, сохраняя адреса веб-сайтов, которые просматривал пользователь, какие документы или изображения были загружены или отредактированы, какие использовались приложения.

В наиболее распространенной в настоящее время операционной системе семейства Windows существует специальная возможность для фиксации действий, производимых на данном компьютере – аудит. Аудит – процесс, позволяющий фиксировать события, происходящие в системе, информация о которых заносится в журнал событий (безопасности) операционной системы.

Каждая запись журнала хранит данные о типе выполненного действия, пользователе, выполнившем его, а также о дате и моменте времени выполнения данного действия⁴. Журнал безопасности⁵ содержит несколько разделов, в которых фиксируются различные действия пользователя. Действие одного пользователя может вызвать множество событий, регистриру-

емых в журнале безопасности. Каждое событие раздела дает конкретную информацию, но ни один раздел не показывает всей картины действий пользователя в целом. Однако, анализируя эти события во взаимосвязи друг с другом, можно получить представление об общей картине действий пользователя. Данные действия можно разделить на несколько групп: 1) вход и выход из системы; 2) действия, ради которых осуществляется вход в систему: запуск, копирование, модификация или удаление различных программных объектов, а также копирование, удаление или модификация информационных объектов; 3) уничтожение следов своих действий. Они фиксируются в различных разделах журнала безопасности и при их анализе позволяют восстановить картину действий пользователя.

Аналогичные способы фиксации процессов обработки информации имеются и в других операционных системах.

На наш взгляд, именно эта особенность функционирования информационных технологий и позволяет говорить о существовании такого понятия, как цифровое алиби.

Однако идентификация истинного создателя цифрового алиби является достаточно трудной задачей. Действительно, можно определить владельца цифрового устройства и производимые на нем действия, но сама электронная информация не содержит данных о том, кто или что непосредственно ее произвел. То есть проверка цифрового алиби является задачей специалистов не только в области высоких технологий в рамках компьютерно-технической экспертизы, но и в области авто-рождения, дактилоскопии и др. Факт цифрового алиби будет доказан лишь в том случае, когда показания подозреваемого о том, что в момент совершения преступления он работал со средствами компьютерной техники, совпадут с данными, которые будут получены в результате проведения компьютерно-технической и других видов экспертиз.

2. Физически интересующая следствие электронная информация может быть расположена в любой точке мира. Фактически цифровое алиби может быть получено из мобильных устройств (телефона, компьютера, ноутбука, GPS и др.), но чаще – с серверов, предоставляющих услуги через Интернет, которые регистрируют IP-адреса и другую информацию о своих

клиентах и их действиях. Эти серверы могут быть расположены в разных странах, с разными национальными законами.

3. Электронная информация является крайне неустойчивой. Данные могут быть легко изменены теми, кто обладает достаточными знаниями в области информационных технологий. Например, можно запрограммировать компьютер для выполнения такого действия, как отправка сообщения электронной почты, в определенное время. Этот процесс называется планированием событий и не требует никаких навыков программирования – это простая функция операционной системы.

Кроме того, широко распространено мнение о том, что на персональном компьютере можно легко изменить время для создания ложного цифрового алиби. Это действительно достаточно легко сделать, но также легко и обнаружить, так как, во-первых, операционные системы ведут журнал времени изменения; во-вторых, при работе с компьютерами в сети, когда участвуют несколько компьютеров, изменение времени на одном приведет к заметным несоответствиям в сети.

Таким образом, легкость модификации компьютерной информации дает возможность как подтвердить, так и опровергнуть цифровое алиби. «Это обусловлено тем, что практически никто не знает в полном объеме сведения об изменении временных характеристик всех файлов или информации в них, изменение которых происходит при работе пользователя на компьютере. Пользователь, уничтожая или модифицируя одни цифровые доказательства, при этом создает другие»⁶.

И. П. Пономарев предлагает понятие цифрового алиби в «широком» и «узком» смысле.

«Цифровое алиби в «широком» смысле – факт нахождения обвиняемого или подозреваемого вне места совершения преступления в момент, зафиксированный как время совершения преступления, подтверждение либо опровержение которого возможно путем исследования доказательственной информации, находящейся в цифровой форме на машинных носителях»⁷.

Данное определение, на наш взгляд, нуждается в уточнении.

Во-первых, в определении должна найти свое отражение принятая в УПК РФ терминология, в соответствии с которой носители информации, о которых идет речь в определении, названы электронными.

Во-вторых, фраза «цифровое алиби» – это факт, подтверждение или опровержение которого осуществляется путем исследования доказательственной информации, указывает на необходимость процесса установления алиби, что является очевидным.

Определение цифрового алиби в «узком» смысле как «факта работы подозреваемого или обвиняемого с персональным компьютером, находящимся вне места совершения преступления, в момент, зафиксированный как время преступления», на наш взгляд, это не определение термина «цифровое алиби», а элемент видового деления цифрового алиби в зависимости от электронного носителя доказательственной информации: персонального компьютера, ноутбука, планшета, телефона и др. Перечисленные устройства, во-первых, функционируют на основе различных технологий хранения, обработки и передачи информации, что требует различных методик извлечения и фиксации электронной информации; во-вторых, из них можно получить разную по своему дальнейшему использованию информацию: так, портативные устройства, например телефон, планшет, ноутбук, как правило, оснащены системой GPS, которая показывает недавние перемещения данного устройства; при исследовании персонального компьютера в первую очередь ставятся задачи:

«– установления факта работы с указанным персональным компьютером в заданный интервал времени;

– установления перечня работ и действий, осуществляющихся с персональным компьютером в указанный временной интервал;

– идентификации лица (пользователя), работавшего с указанным персональным компьютером в интересующий интервал времени;

– установления, не были ли данные о работе, производившейся заявителем алиби с компьютером во время совершения преступления, сфальсифицированы»⁸.

При исследовании систем видеонаблюдения изучается обстановка, зафиксированная видеокамерами, которая, в свою очередь, используется для получения значимой информации о местах нахождения лиц (автомобилей) в определенное время в конкретном месте.

«Например, по уголовному делу об убийстве К., произошедшем в квартире, следователями только через неделю было установлено, что возле дома погибшего имелись видеокамеры наружного наблюдения учреждения сбербанка, отделения полиции, прокуратуры, в секторы обзора которых попадали подъезд дома, непосредственно прилегающая к нему территория и участок улицы протяженностью около 80 метров. Только в одной из организаций-пользователей сохранилась к тому времени запись камеры видеонаблюдения, зафиксировавшая в день убийства часть улицы. Под подозрение попал один из знакомых погибшего, посещавший его накануне убийства. Сопоставлением его показаний о времени посещения с видеозаписью камеры удалось установить его алиби, сузить круг подозреваемых. При своевременном изъятии записей указанных камер удалось бы гораздо быстрее установить всех лиц, заходивших и выходявших из подъезда в интересующее следствие время»⁹.

Таким образом, повсеместное использование цифровой техники, а также изложенные выше особенности ее функционирования позволяют говорить о возможности использования особенностей информационных технологий для установления и проверки так называемого цифрового алиби как факта нахождения обвиняемого или подозреваемого в момент совершения преступления вне места совершения преступления, устанавливаемого путем исследования информации, находящейся на электронных носителях, что, в свою очередь, требует разработки методики подтверждения или опровержения заявления об алиби, основанной на процессуальных и технических особенностях функционирования современных информационных технологий.

¹ См., например: *Козубенко Ю. В.* Источники антисистемы и каналы их проникновения в механизм уголовно-правового регулирования // Рос. юрид. журнал. 2013. № 2. С. 31–43.

² *Иванов Н. А.* Применение специальных познаний при проверке «цифрового алиби» // Информационное право. 2006. № 4.

³ *Пономарев И. П.* Цифровое алиби // Воронежские криминалистические чтения / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2010. Вып. 12. С. 270.

⁴ См. подробнее: *Новые технологии Windows 2000* / [под ред. А. Н. Чекарева]. СПб., 1999.

⁵ При написании данного раздела были использованы следующие материалы: *Смит Р. Ф.* Всё о журнале безопасности Windows 2000. 2004. URL: <http://www.osp.ru/win2000/2001/06/034.htm> ; *Его же.* Контроль событий регистрации в Windows 2000. 2004. URL: <http://www.osp.ru/win2000/worknt/2001/03/302.htm>

⁶ *Иванов Н. А.* Указ. соч.

⁷ *Пономарев И. П.* Указ. соч.

⁸ Там же. С. 273–274.

⁹ *Дмитриев Е. Г., Котенков А. В.* О некоторых особенностях использования информации систем видеонаблюдения в ходе расследования преступлений // *Рос. следователь.* 2013. № 1. С. 5–9.

Т. Э. Кукарникова, А. Н. Яковлев

О ВОЗМОЖНОСТИ НЕПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Одним из факторов повышения эффективности противодействия современной преступности является постоянное совершенствование теоретических положений, составляющих научную базу такого противодействия и учитывающих новеллы, характер и текущие особенности преступности. Только такой подход позволяет практическим работникам правоохранительных органов успешно решать всё усложняющиеся задачи выявления, раскрытия, пресечения преступлений. В структуре подобных задач наблюдается постоянный рост составляющей, связанной с новыми информационными технологиями, используемыми для подготовки, совершения преступлений и сокрытия следов. Такая составляющая имеется даже в случае совершения «обычных» преступлений, поскольку компьютерная техника, сервисы глобальной сети Интернет, сети мобильной связи, системы видеонаблюдения стали неотъемлемыми компонентами повседневной жизни.

Перспективным направлением научной специализации сегодня, по нашему мнению, является направление, которое рас-

сма­три­ва­ет ас­пек­ты со­пос­тав­ле­ния но­вых «ци­ф­ро­вых сле­дов» не толь­ко с те­ми или ины­ми про­цес­сам сле­до­об­ра­зо­ва­ния, но и с субъ­ек­та­ми, ко­то­рые ис­поль­зу­ют но­вые ин­фор­ма­ци­он­ные тех­но­ло­гии не­пос­ред­ствен­но в пре­ступ­ных це­лях или опос­редо­ван­но в по­вс­е­днев­ной жи­зни. Это на­прав­ле­ние ис­сле­ду­ет на­уч­ную и прак­ти­че­скую за­да­чу не­про­цес­су­аль­но­го ото­ж­д­ес­т­в­ле­ния лич­но­сти сред­ства­ми но­вых ин­фор­ма­ци­он­ных тех­но­ло­гий¹.

В пуб­ли­ку­е­мых на­уч­ных ра­бо­тах встре­ча­ют­ся раз­лич­ные тер­ми­ны для обо­зна­че­ния тех или иных эле­мен­тов но­вых ин­фор­ма­ци­он­ных тех­но­ло­гий, ко­то­рые под­вер­га­ют­ся на­уч­но­му ана­ли­зу в ас­пек­те их ис­поль­зо­ва­ния при под­го­тов­ке и со­вер­ше­нии пре­ступ­ле­ний. Вме­сте с тем нам пред­став­ля­ет­ся важ­ным при­ме­не­ние стан­дар­ти­зи­ро­ван­ных тер­ми­нов, ко­то­рые дол­жны быть за­им­ст­во­ва­ны из тех­ни­че­ских стан­дар­тов и ре­гла­мен­тов об­ла­да­те­ля­ми юри­ди­че­ских зна­ний в це­лях уни­фи­ка­ции тер­ми­но­ло­гии и еди­но­об­раз­но­го по­ни­ма­ния тер­ми­нов все­ми учас­тни­ка­ми уго­лов­но­го про­цес­са. Ос­нов­ным здесь яв­ля­ет­ся тер­мин «ин­фор­ма­ци­он­ные тех­но­ло­гии».

В со­от­вет­ствии с ГОСТ Р 52653-2006 на­уч­ная и прак­ти­че­ская ка­те­го­рия «ин­фор­ма­ци­он­ная тех­но­ло­гия» вклю­ча­ет про­цес­сы, ме­то­ды по­ис­ка, сбо­ра, хра­не­ния, об­ра­бот­ки, пред­ос­та­в­ле­ния, рас­про­ст­ра­не­ния ин­фор­ма­ции и спо­со­бы их осу­ществ­ле­ния. От­ме­тим, что су­ще­ст­ву­ют не­ско­ль­ко ГОСТов, в ко­то­рых рас­кры­то то или иное про­фес­си­о­наль­но ори­ен­ти­ро­ван­ное зна­че­ние тер­ми­на «ин­фор­ма­ци­он­ная тех­но­ло­гия», од­на­ко бо­лее под­хо­дя­щим нам пред­став­ля­ет­ся ГОСТ Р 52653-2006, по­сколь­ку об­ла­стью его при­ме­не­ния яв­ля­ет­ся у­ро­вень ор­га­ни­за­ций, в том чис­ле ком­мер­че­ских, об­щес­т­вен­ных и на­уч­ных, а так­же объ­еди­не­ний юри­ди­че­ских лиц. Та­кой под­ход свя­зан с тем, что се­го­дня бо­ль­шин­ство по­вс­е­днев­ных ин­фор­ма­ци­он­ных тех­но­ло­гий раз­ви­ва­ют­ся имен­но бла­го­даря ус­и­ли­ям об­щес­т­вен­ных и на­уч­ных ор­га­ни­за­ций (на­при­мер, спе­ци­фи­ку функ­ци­о­ни­ро­ва­ния се­ти Ин­тер­нет оп­ре­де­ля­ют об­щес­т­вен­ная ор­га­ни­за­ция ISOC – «Об­щес­тво In­ter­net», груп­па IAB – «Со­вет по ар­хи­тек­ту­ре In­ter­net», ин­же­нер­ная ком­ис­сия IETF) или ком­мер­че­ских струк­тур (ком­па­нии – опе­ра­то­ры мо­биль­ной свя­зи и их об­щес­т­вен­ные ас­со­ци­а­ции ти­па ас­со­ци­а­ции ре­ги­о­наль­ных опе­ра­то­ров свя­зи АРОС, рос­сий­ской ас­со­ци­а­ции элек­трон­ных ком­му­ни­ка­ций РАЭК и ины­е).

При рассмотрении процессов слеодообразования в цифровой информационной среде актуальна следующая классификация информационных технологий:

– высокие интеллектуальные информационные технологии, которые представляют собой генерацию технических решений, реализующих ситуационное моделирование, позволяющих выявить связь элементов, их динамику и обозначить объективные закономерности среды;

– вспомогательные информационные технологии, которые ориентированы на обеспечение выполнения определенных функций (бухгалтерский учет и статистика, ведение системы кадров, документооборота, финансовых операций, системы для стратегического управления и т.д.);

– коммуникационные информационные технологии, которые призваны обеспечивать развитие телекоммуникации и ее систем².

Элементы вспомогательных и коммуникационных информационных технологий наиболее часто используются человеком в повседневной деятельности и поэтому, вступая во взаимодействие с ним, в той или иной степени воспринимают информацию о нем, в том числе индивидуализирующего и идентификационного характера. Такой вывод подтверждают другие исследователи проблемы, которые обращали внимание на то, что в современных информационных технологиях их любые ориентированные на конкретного пользователя компоненты, такие, как персональные компьютеры, мобильные телефоны, смартфоны, электронные книги, навигаторы и многие другие устройства, содержат большое количество уголовно-релевантной и криминалистически значимой информации о человеке, его контактах, территориальном местоположении и иной уголовно-релевантной информации, существующей в электронной форме. Эта информация востребована при расследовании преступлений, имеет различные формы (программные файлы, электронные документы, акустическая, видеoinформация) и позволяет получать доказательства совершения действий, интересующих органы предварительного следствия³.

Анализируя работы в области непроцессуального отождествления личности, необходимо отметить, что применительно к информационным технологиям в целом и новым цифровым

следам в частности эта проблема требует декомпозиции на следующие группы проблем.

1. Использование биометрической информации для аутентификации пользователей в технических компьютерных системах и обратная задача ее декодирования и применения в расследовании преступлений.

В компьютерных системах, требующих для их функционирования надежного отождествления конкретного пользователя, применяются биометрические системы аутентификации, основанные на использовании биометрических данных пользователей. В ходе биометрической аутентификации проверяется подлинность реквизитов пользователя и соответствующего им набора прав доступа к системе на основе полученных от пользователя определенных биометрических параметров.

Если совсем недавно биометрические системы аутентификации были громоздки, дороги и использовались в исключительных случаях, то сегодня методы биометрической аутентификации применяются в бытовых ноутбуках (некоторые модели ноутбуков Dell, HP и Lenovo), смартфонах (HTC One Max, Motorola XT1032 Falcon, iPhone 5S), устройствах позиционирования типа «мышь» (BioLink U-Match Mouse, APC, Wireless IntelliMouse Explorer, поставляемая вместе с USB-сканером Fingerprint Reader), клавиатурах (Optical Desktop with Fingerprint Feature USB) и иных устройствах.

В качестве биометрических указателей используют типичные и нетипичные данные. Типичными биометрическими данными являются сетчатка глаза, следы пальцев рук. Нетипичные биометрические данные – голос, особенности внешности (лица), почерка, «рисунка» сосудов, характеристик работы пользователя на клавиатуре.

Нетипичные биометрические данные берутся в тех ситуациях, когда требования к надежности отождествления конкретного пользователя в системе невысоки, поскольку отсутствуют точные и проверенные статистические сведения о надежности такой категории данных в целях аутентификации пользователей.

Несмотря на разную степень надежности использования тех или иных биометрических данных для аутентификации пользователей, все они реализуют более корректный принцип отождествления пользователя, но не устройства, как это было

до их применения (аутентификация с использованием паролей, смарт-карт, PIN-кодов, жетонов или технологии инфраструктуры открытых ключей).

Применительно к оговоренным выше технологиям потенциально решается обратная задача – обнаружение в компьютерном устройстве кодированного «образца» биометрических данных пользователя, его декодирование и использование для непроцессуального отождествления личности и соотнесения процедур применения устройства с действиями конкретного человека.

Представляется, что необходимо внимательно изучать сведения о новых разработках в указанной области – использовании термограммы лица в инфракрасном диапазоне, ДНК человека, следов ладоней, особенностей ушной раковины, особенностей походки человека и иных. Темпы развития новых информационных технологий таковы, что перечисленные подходы быстро станут массовыми, а значит, приведенные биометрические данные – востребованными при расследовании и раскрытии преступлений⁴.

2. Использование технико-криминалистических особенностей систем автоматизации подготовки документов в целях непроцессуального отождествления личности.

Современные системы автоматизации подготовки документов можно разделить на две группы: системы с использованием электронной цифровой подписи или ее аналогов и системы с развитыми возможностями форматирования и иной предпечатной подготовки документов.

В системах с использованием электронной цифровой подписи или ее аналогов с любым документом сопоставлен его исполнитель. Для этого используются как уникальные идентификационные атрибуты, которые заранее присваиваются исполнителям (личные номера или коды), так и внедренный в документ носитель информации (микрочип), содержимое которого защищено криптографическими средствами и включает любую информацию, относящуюся к документу и «связанному» с ним человеку (примером являются новые биометрические паспорта).

В системах с развитыми возможностями форматирования и иной предпечатной подготовки документов выделяют несколь-

ко групп признаков, характеризующих автора и исполнителя документа, а также программно-аппаратные средства, использовавшиеся при подготовке документов. Среди таких групп признаков следующие:

- характеризующие настройки конкретного экземпляра программного продукта, использовавшегося при составлении документа;

- характеризующие содержание и построение текста документа (например, его семантика, число строк, заголовки и т.п.);

- характеризующие навык владения компьютером у исполнителя текста (например, выбранные гарнитура и размер шрифта, определенные приемы выделения абзацев в тексте и т.п.);

- авторские признаки письменной речи (определенные лексические средства выражения мысли, число слов в предложениях и т.д.);

- исполнительские признаки письменной речи (способы акцентуации (выделения), наличие и характер орфографических и пунктуационных ошибок и т.п.⁵).

В системах с использованием электронной цифровой подписи или ее аналогов отождествление личности автора и/или исполнителя документа может быть выполнено с помощью сведений, получаемых в удостоверяющих центрах, а также при помощи учетной документации. В системах с развитыми возможностями форматирования и иной предпечатной подготовки документов отождествление личности автора и/или исполнителя документа может быть выполнено средствами комплексной технико-криминалистической и компьютерно-технической экспертизы документов.

3. Использование данных территориально ориентированных систем видеонаблюдения и мобильной связи для непроцессуального отождествления личности.

В современном цифровом информационном обществе действия и перемещения человека фиксируются техническими средствами, системами видеонаблюдения, расположенными на вокзалах, аэропортах, в общественных местах, местах проживания граждан и иных. Особенности организации сетей мобильной связи предполагают также фиксацию мобильных телефонов пользователей базовыми станциями мобильной (сотовой)

связи при осуществлении голосовых звонков, отправке и получении смс-сообщений, работе в сети Интернет. Потенциально при этом существует возможность сопоставления перечисленных категорий данных, что в некоторых ситуациях позволит решить задачу непроцессуального отождествления личности.

4. Использование данных сетевых электронных ресурсов (социальных сетей, электронной почты, форумов и т.д.) для непроцессуального отождествления личности.

Количество и качество разнородной информации, сообщаемой о себе пользователями сети Интернет в текстовом и графическом виде, а также опосредованная информация о пользователях, сообщаемая в сети их друзьями, родственниками, знакомыми, по мере ее накопления становится постоянно пополняемым источником разнообразных и взаимно уточняющих сведений о конкретных пользователях, интересующих правоохранительные органы. Со временем такие сведения становятся всё более территориально привязанными, хронологически выстроенными; существующие информационные «пробелы» заполняются как самим пользователем, так и иными, знающими его, лицами. Количество перекрестно подтверждаемых разными пользователями сведений о пользователе во времени постоянно растет, после чего такие сведения качественно меняют природу и становятся фактом. В совокупности эти обстоятельства позволяют достаточно эффективно решать задачу непроцессуального отождествления личности.

Нам представляется, что перечисленными группами проблем поставленная актуальная для современного цифрового информационного общества задача непроцессуального отождествления личности не ограничивается, и перечень их требует дальнейшего обсуждения и уточнения.

Так, проблема непроцессуального отождествления личности средствами новых информационных технологий всякий раз затрагивает вопросы корректного использования цифровой информации, которая заведомо не относится к охраняемой законом, например, не является персональными данными, коммерческой тайной или не составляет тайну связи. Вместе с тем относительно отдельной категории цифровых данных даже Верховный и Конституционный Суды Российской Федерации не приходят к единообразному правоприменению⁶. Так, Судеб-

ная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в Определении от 2 июня 2006 г. № 9-ДП06-10 указала на то, что в документах о входящих и исходящих сигналах соединений мобильного телефона тайна содержания переговоров сохраняется. Конституционный Суд РФ в Определении от 2 декабря 2003 г. № 345-О, напротив, отнес данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи к тайне телефонных переговоров. Применительно к рассматриваемой нами проблеме всё же требуется определиться, подпадают ли такие цифровые данные под особый порядок работы с ними в форме непроцессуального, но регламентированного Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» действия, или это будет произвольное непроцессуальное отождествление, порядок проведения и оформления результатов которого требуется рассмотреть.

В аспекте поднятой авторами проблемы требуют также рассмотрения изменения, внесенные Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ч. 4 ст. 195 УПК РФ «Порядок назначения судебной экспертизы». Теперь судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела, при этом задача отождествления личности средствами новых информационных технологий может быть решена именно процессуально, с использованием методов и средств нового вида (рода) экспертных исследований, которая становится предметом обсуждения теоретиков и практиков, – информационно-аналитической экспертизы.

¹ Отождествление личности в форме оперативно-розыскного мероприятия, позволяющего в непроцессуальной форме идентифицировать проверяемых лиц, нами не рассматривается, поскольку в общем случае при таком отождествлении используется простое сравнение лица и его материальных и/или идеальных отображений. В статье взяты более сложные случаи, когда для отождествления привлекается комплекс цифровой информации, порождаемый человеком в его повседневной деятельности.

² См.: *Ковалева Н. Н.* Информационное право России : учеб. пособие. М., 2007. С. 119.

³ См.: *Мещеряков В. А., Трухачев В. В.* Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. 2012. № 2. С. 108–110.

⁴ URL: http://planetatain.ru/blog/sposoby_identifikacii_lichnosti_cheloveka/2013-01-23-2109.

⁵ См.: *Шухнин М. Н., Яковлев А. Н.* О классификации признаков в компьютерно-технической экспертизе документов // Информатика в судебной экспертизе : сборник трудов. Саратов, 2003. С. 137.

⁶ См.: *Быков В. М., Сазонова Т. П., Яковлев А. Н.* Доказательственное значение сведений о телефонных исходящих и входящих звонках мобильной связи // Следователь : федер. издание. М., 2008. № 9 (125). С. 14–18.

Д. А. Куликов

О ВНУТРЕННЕМ УБЕЖДЕНИИ И ОСНОВАНИЯХ ОТКАЗА ПРОКУРОРА ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

Отказ от обвинения – адресованное суду обращение государственного обвинителя, в котором он констатирует, что представленные доказательства не подтверждают (полностью или частично) предъявленное подсудимому обвинение, и мотивирует невозможность его дальнейшего поддержания¹.

В основе принятия решения лежит принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению: ... прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

В то же время в литературе отсутствует единая точка зрения относительно природы и понятия внутреннего убеждения, а также факторов, влияющих на него. Например, И. Я. Фойницкий писал: «Оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением; впечатление есть продукт одних и тех же чувственных восприятий, не проверенных умственным процессом. Не следует смешивать решение дела по системе свободной оценки доказательств с решением его по непосредственному впечатлению»².

В. К. Случевский рассматривал внутреннее убеждение не как озарение, посетившее субъекта оценки доказательств, а как мыслительный акт, который связывали с сознанием и обстоятельствами дела как основными критериями формирования внутреннего убеждения³.

Ю. В. Корневский считает, что «критерием истины в правосудии может быть только внутреннее убеждение следователя, прокурора и главное судьи». Он утверждает, что основное внимание необходимо уделить поискам способов более полного всестороннего доказывания, более надежного формирования внутреннего убеждения правоприменителей⁴. Мы также убеждены в том, что чем выше качество деятельности правоприменителей, тем меньше вероятность обвинения невиновного лица.

В целом мы поддерживаем мнение П. Н. Шабанова о том, что внутреннее убеждение как результат, итог оценки – это такое состояние сознания человека, которое говорит о единственно возможном из имеющейся совокупности доказательств выводе⁵.

В литературе выделяется и этический аспект внутреннего убеждения. «Внутреннее убеждение как этическая категория представляет собой рациональную основу нравственной деятельности личности, позволяющую ей совершать тот или иной поступок сознательно, с разумным пониманием необходимости и целесообразности определенного поведения»⁶.

Внутреннее убеждение как нравственная, этическая категория связано с другой этической категорией – совестью. Совесть проявляется в форме разумного осознания нравственного значения совершаемых действий. Человек судит о его поступках как бы от своего имени, исходя из собственных представлений о справедливости, долге, правом или неправом⁷.

Еще один аспект внутреннего убеждения в уголовном судопроизводстве – это обязательность его внешнего выражения в аргументированности, обоснованности принятого решения по оценке доказательств⁸.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что внутреннее убеждение прокурора – это точка зрения обвинителя о доказанности обвинения, сложившаяся в результате оценки всех представленных доказательств по его внутреннему убеждению,

обоснованность которой аргументирована законом и совестью, выраженной в соответствующей процессуальной форме.

В процессуальной литературе нет единой позиции о возможности решения обвинителя об отказе от обвинения на том или ином этапе судебного производства по уголовному делу, но все авторы сходятся во мнении, что «отсутствие оснований для осуществления государственного обвинения свидетельствует о наличии у прокурора оснований для отказа от него»⁹.

Так, А. М. Мухин пишет, что ...для отказа от обвинения прокурору не нужно быть полностью уверенным в невиновности подсудимого. Прокурор может отказаться от обвинения не только тогда, когда доказательства, даже дополнительные, не подтверждают обвинение, но и когда их явно недостаточно, чтобы сделать вывод о совершении подсудимым преступления и его виновности»¹⁰.

Мы считаем в принципе недопустимым давать прокурору возможность *права выбора* на отказ от обвинения, хотя ч. 4 ст. 37 УПК РФ определяет, что прокурор *вправе* в порядке и по основаниям, установленным Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования. Прокурор, имея основания для отказа от обвинения, сам определяет необходимость и возможность его дальнейшего поддержания. Иными словами, прокурор, обладая правом распоряжаться уголовным преследованием, при наличии оснований усомниться в виновности обвиняемого, имеет возможность данное обвинение не прекращать. Нередко, на что обращал внимание В. М. Савицкий, прокурор, видя, что обвинение необоснованно, пытается «спасти ситуацию» и просит суд изменить квалификацию на более мягкую, ограничиться назначением подсудимому наказания в пределах уже отбытого им срока (если лицо содержится под стражей) или избрать минимальную меру наказания¹¹.

По нашему убеждению, такая позиция государственного обвинителя в суде недопустима, поэтому считаем необходимым внести изменения в ч. 4 ст. 37 УПК РФ и предложить это положение в следующей редакции:

«Прокурор *обязан* в порядке и по основаниям, которые установлены настоящим Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования».

Судебная практика показывает, что государственный обвинитель сталкивается с необходимостью отказаться от обвинения в случаях:

- 1) необоснованного возбуждения государственного обвинения;
- 2) признания основных обвинительных доказательств в суде недопустимыми;
- 3) изменения обвинительных доказательств в суде;
- 4) когда представленные защитой доказательства ставят под сомнение доказанность государственного обвинения.

Рассмотрим перечисленные ситуации подробно.

Основанием отказа прокурора от обвинения может стать необоснованное возбуждение государственного обвинения. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. существовала ст. 213, которая впоследствии была исключена из УПК РФ 2001 г. Она регламентировала вопросы, подлежащие разрешению прокурором по делу, поступившему с обвинительным заключением:

«При поступлении дела от органа дознания или следователя прокурор обязан проверить:

- 1) имело ли место деяние, вменяемое обвиняемому, и имеется ли в этом деянии состав преступления;
- 2) нет ли в деле обстоятельств, влекущих прекращение дела;
- 3) произведено ли дознание или предварительное следствие всесторонне, полно и объективно;
- 4) обосновано ли предъявленное обвинение имеющимися в деле доказательствами;
- 5) предъявлено ли обвинение по всем установленным дознанием или предварительным следствием преступным деяниям обвиняемого;
- 6) привлечены ли в качестве обвиняемых все лица, которые избличены в совершении преступления;
- 7) правильно ли квалифицировано преступление;
- 8) правильно ли избрана мера пресечения;
- 9) приняты ли меры обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества;
- 10) выявлены ли причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и приняты ли меры к их устранению;

11) составлено ли обвинительное заключение в соответствии с требованиями настоящего Кодекса;

12) соблюдены ли органами дознания или предварительного следствия все иные требования настоящего Кодекса».

К сожалению, подобного алгоритма действующий УПК РФ не содержит. В то же время, лишь проверив все указанные выше положения, прокурор может быть полностью убежден в качестве, законности и обоснованности предъявленного обвинения. Мы считаем необходимым дополнить ст. 220 УПК РФ соответствующими положениями.

Полагаем возможным предложить следующий порядок действий прокурора, который поможет обвинителю более качественно поддерживать обвинение в суде. Прокурор с момента возбуждения уголовного дела должен обязать одного из своих помощников надзирать за ходом предварительного расследования. Этот помощник впоследствии должен поддерживать государственное обвинение в суде. Следовательно, обвинитель, работая с материалами уголовного дела, будет наиболее полно изучать все обстоятельства и давать им оценку, указывать на восполнение пробелов, допущенных следователем. И как следствие – более качественно поддерживать обвинение в суде, уменьшая тем самым возможность привлечения к уголовной ответственности невиновного лица.

Следующее основание – признание недопустимыми доказательств в суде. Государственный обвинитель должен обращать внимание на допустимость доказательств, подтверждающих обвинение, которое он предполагает поддерживать в суде. Признание недопустимыми обвинительных доказательств судом весьма усложняет для прокурора дальнейшее поддержание обвинения. Часть 2 ст. 75 к таким доказательствам относит:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;

2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

3) иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса.

Особое внимание заслуживает п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Отметим, что многие статьи УПК РФ, касающиеся доказательственного права и охватываемые п. 3 указанной статьи, редакционно изложены неоднозначно, что порождает двусмысленность в обсуждении вопросов о допустимости добытых при производстве отдельных следственных действий доказательств. К примеру, ст. 181 УПК РФ, регламентирующая порядок производства следственного эксперимента, не содержит указаний на возможность производства опытных действий; ст. 194 УПК РФ позволяет производство проверки показаний на месте только для установления новых обстоятельств, и т.д.¹²

Говоря об изменении качества обвинительных доказательств в суде, отметим, что одним из основных является отказ подсудимого от данных ранее на предварительном следствии показаний. Именно поэтому обвинителю необходимо сопоставить возможность отказа подсудимого от своих показаний со всеми другими доказательствами, имеющимися в деле, и сделать вывод о доказанности вины последнего. Данный вывод должен доказать суду корыстный мотив такого отказа. Но для этого обвинитель должен быть уверен в том, что совокупность доказательств по уголовному делу действительно подтверждает вину подсудимого. Как видим, без внимательного изучения материалов уголовного дела обвинитель существенно ограничен в исследуемых фактах по уголовному делу. Следовательно, участие прокурора в уголовном процессе без подготовки к суду недопустимо.

Другим основанием отказа прокурора от обвинения могут стать представленные стороной защиты доказательства, убедительно ставящие под сомнение доказанность предъявленного обвинения. В этом случае обвинитель должен принять все возможные меры к устранению пробелов обвинительного тезиса, но если такое в суде не представляется возможным, то – отказаться от обвинения.

Из проведенного анализа следует, что надлежащая реализация полномочий государственного обвинителя в суде позволяет создать условия, при которых будет признано виновным

и подвергнуто справедливому наказанию лицо, действительно совершившее преступление. А для этого необходимо построить закон так, чтобы он максимально регламентировал необходимый порядок действий прокурора. «...Хорошо составленные законы главным образом должны, насколько возможно, всё определять сами и оставлять как можно меньше места произволу...»¹³.

¹ См.: Поддержание государственного обвинения по делам о преступлениях террористического характера : науч.-метод. пособие. М., 2007. С. 2.

² *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 188.

³ Цит. по: *Шабанов П. Н.* Внутреннее убеждение судьи // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2010. № 1. С. 131.

⁴ См.: *Корневский Ю. В.* Доказывание в уголовном процессе : закон, теория, практика // Доказывание в уголовном процессе : традиции и современность. М., 2000. С. 155.

⁵ См.: *Шабанов П. Н.* Внутреннее убеждение судьи. С. 135.

⁶ См.: *Москалькова Т. Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. С. 91.

⁷ См.: Словарь по этике. М., 1995. С. 325–326.

⁸ См.: *Рашинов А. Р.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 476 ; *Зинатуллин З. З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993. С. 119 ; *Халдеев Л. С.* Судья в уголовном процессе. М., 2000. С. 290.

⁹ *Зеленецкий В. С.* Отказ прокурора от государственного обвинения : учеб. пособие. Харьков, 1979. С. 70.

¹⁰ *Мухин А. М.* Последствия отказа прокурора от обвинения // Вестник Челябин. гос. ун-та : Право : науч. журнал. 2008. Вып. 17, № 31. С. 137–138.

¹¹ См.: *Савицкий В. М.* Государственное обвинение в суде. М., 1971. С. 211–213.

¹² Цит. по: *Баев О. Я.* Прокурор как субъект уголовного преследования : науч.-практ. пособие. М., 2006. С. 68.

¹³ *Аристотель.* Риторика / пер. Н. Платоновой // Античные риторика. М., 1978.

**ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА
ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ
С ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ,
СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ**

Большинство ученых признают криминалистическую характеристику как важный элемент методики расследования отдельных видов преступлений. Г. А. Матусовский отмечал, что криминалистическая характеристика преступлений как научная категория приобретает всё большее значение¹. Криминалистическая характеристика может быть использована для разработки рекомендаций по методике расследования преступлений определенных видов и групп, унификации и упрощения алгоритма раскрытия и расследования современных преступлений с использованием практики досудебного расследования. Как отмечал М. В. Салтевский, она «является основой конструирования эффективных методик расследования»².

О. Н. Колесниченко и В. Е. Коновалова полагают, что криминалистическая характеристика – это система сведений (информаций) о криминалистически значимых признаках преступлений данного вида, отражающая закономерные связи между ними и служащая построению и проверке следственных версий в расследовании конкретных преступлений³.

В. Ю. Шепитько правильно полагает, что «назначение криминалистической характеристики в том, что она способствует: 1) разработке частных методик расследования; 2) построению типовых программ и моделей расследования преступлений; 3) определению направлений расследования конкретного преступления. Характеристика служит следователю определенной информационной базой, набором сведений о данном виде преступлений»⁴.

В юридической литературе понятию криминалистической характеристики уделяется значительное внимание. Отмечается, что криминалистическая характеристика – это научная

абстракция, синтез криминалистически значимых данных, типичная информационная модель, основанные на анализе следственной, оперативно-розыскной, экспертной и судебной практик. Заслуживает внимания определение, данное О. Я. Бавым: «Криминалистическая характеристика преступлений – это совокупность уголовно-релевантных элементов отдельного вида преступлений, дедуктивных (аналитико-статичных) и индуктивных (статических) взаимосвязей между ними, создаваемых с целью обнаружения, исследования и использования неизвестных и искомых элементов на основе наиболее вероятных их связей с отдельными установленными элементами при расследовании конкретных преступлений этого вида»⁵.

Вместе с тем, как отмечает В. А. Журавель, на сегодняшний день криминалистическая характеристика еще не получила должного развития, не отвечает задачам, стоящим перед наукой и практикой в сфере борьбы с преступностью⁶.

В настоящее время особую ценность для Украины представляет криминалистическая характеристика краж с проникновением в жилище, совершенных организованной группой (ч. 5 ст. 185 Уголовного кодекса Украины), отражающая закономерные и другие связи между ними и имеющая значение для пресечения, раскрытия и расследования преступлений данной категории. В первую очередь это типичные признаки, т.е. среднестатистические черты отдельных элементов данного вида преступлений, которые могут быть использованы при построении и проверке версий, а также новые признаки (новые способы совершения краж, новые технические средства, применяемые преступниками и т.п.), которые только начали использовать преступники, но о которых необходимо знать следователю при уголовном производстве по конкретным преступлениям.

Ученые выделяют различные элементы криминалистической характеристики преступлений. Справедливо отмечается, что одним из наиболее дискуссионных является вопрос о количественном и качественном составе ее элементов, о криминалистически значимых признаках, составляющих ядро криминалистической характеристики⁷.

Как структурные элементы в понятие криминалистической характеристики преступлений ученые предлагали включать данные о способе совершения преступления (практически все

авторы, касающиеся указанной проблемы в той или иной интерпретации), характерные следы, остающиеся на месте преступления (С. П. Митричев, А. Н. Колесниченко), механизм преступного деяния (М. П. Яблоков), обстановку совершения преступления (М. П. Яблоков, В. Г. Танасевич), типичные криминальные ситуации (И. Ф. Пантелеев, В. В. Радаев), лиц, которые совершают преступления данной категории (В. А. Образцов, Н. А. Селиванов), предметы посягательства (А. Н. Колесниченко, Г. А. Матусовский), личность потерпевшего (О. М. Колесниченко, М. П. Яблоков), следственную ситуацию (В. К. Гавло, С. И. Винокуров), распространенность рассматриваемых преступлений (И. Ф. Герасимов), обстоятельства, способствующие совершению преступлений (В. Г. Танасевич), последствия преступлений (Г. А. Матусовский, И. Ф. Пантелеев), характерные мотивы (В. А. Ледащев), характеристику исходной информации (Р. С. Белкин), обстоятельства, подлежащие доказыванию (В. Г. Танасевич), преимущества и недостатки раскрытия данного вида преступлений (В. К. Гавло) и др.⁸

На наш взгляд, к элементам криминалистической характеристики краж с проникновением в жилище, совершенных организованной группой, относятся: предмет преступного посягательства, место, обстановка и время совершения преступления; способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; следы преступления; личность потерпевшего, характеристика организованных групп.

Существенную роль в структуре криминалистической характеристики преступлений играют сведения о предмете преступного посягательства. Особенно важное место, по нашему мнению, этот элемент занимает в комплексе криминалистически значимой информации о краже. Прямую связь предмета этого преступления с личностью преступника, способом его действий, обстановкой, местом и временем совершения определяли почти все ученые, занимавшиеся проблематикой расследования краж. Так, анализ информации о предмете кражи позволяет выдвинуть достоверные версии относительно возраста, физической силы, пола и квалификации вора, наличия у него сообщников, «наводчиков», способа ухода с места происшествия (автотранспортом, пешком), способов сбыта похищенного имущества и другие обстоятельства. Указанные

ориентиры, в свою очередь, выступают основой для организации раскрытия и расследования преступления. Особенности предмета кражи влияют также на тактику проведения отдельных следственных действий. Например, характеристика похищенного имущества обуславливает тактику обыска у подозреваемого (применение технических средств, приемов выявления тайников и т.д.), тактику подготовки и назначения экспертиз по делу, воспроизведения обстановки и обстоятельств события и т.п.

Следует также отметить, что предмет кражи часто выступает основанием выделения отдельных разновидностей этого преступления на законодательном уровне. Так, в Уголовном кодексе Украины кроме основного состава преступления – ст. 185 Кража предусмотрены также: похищение электрических сетей, кабельных линий связи и их оборудования (ст. 188); хищение огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ или радиоактивных материалов (ст. 262); угон транспортного средства (ст. 289); хищения наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров (ст. 308); похищения документов, штампов, печатей (ст. 357) и др. Поэтому установление предмета похищения имеет решающее значение для квалификации преступления.

Как преступление против собственности (объект преступления) кража имеет своим предметом чужое имущество. Чужим имущество признается в отношении лица, завладевшего им, т.е. владельцем имущества является другое лицо. В теории уголовного права выработана система признаков имущества, обязательного элемента каждого похищения:

физический признак – материальность предмета хищения (не могут быть предметом кражи идеи, взгляды);

экономический признак – предметом хищения может быть только вещь, имеющая определенную экономическую ценность (выражение ценности вещи – ее стоимость, денежная оценка);

юридический признак – предметом хищения может быть только чужое имущество⁹.

Анализ практики позволяет установить некоторые закономерные связи между характеристикой похищенного имущества и личностью преступника:

1. Факт хищения значительной денежной суммы, которая некоторое время накапливалась пострадавшим и была снята им с банковского счета с целью приобретения имущества, может свидетельствовать о причастности к краже лица из его близкого окружения, которому эти планы были известны.

2. Факт хищения только денег (иногда даже их части) и особенно ценных негромоздких вещей (в совокупности с минимальным количеством следов преступления, коротким сроком пребывания преступника в квартире) указывает на совершение кражи воров, который является «профессионалом» в данной сфере.

3. Наличие среди похищенных вещей таких предметов, как видеокассеты или диски с записями, порнографические журналы, игрушки, продукты питания, спиртные напитки, недорогой, но модной одежды и аксессуаров (ремни, значки, перстни, галстуки и т.д.), медикаменты с наркотическим воздействием, указывает на вероятность совершения этого преступления несовершеннолетними.

4. Похищение бижутерии, парфюмерии, дорогой косметики, чулочных изделий, женского белья и одежды указывает на вероятность принятия участия в совершении преступления женщины.

5. Факт хищения коллекционных предметов или предметов антиквариата, икон, картин известных мастеров и других эксклюзивных вещей (особенно, если был похищен только один конкретный объект) свидетельствует о возможной причастности к краже лица, которое является коллекционером, знатоком соответствующей сферы.

6. Похищение большого количества разнородного имущества, выбор которого преступником, очевидно, велся беспорядочно (бутылки с шампунем, кремами, мыло, вся одежда в шкафу, вся имеющаяся кухонная посуда и т.д.), может указывать на совершение кражи лицом (лицами) с наркотической или алкогольной зависимостью.

Выдвинутые версии о личности преступника могут подтверждаться кроме данных о предмете преступления данными о способе совершения кражи (ее подготовке, проникновении в жилище, уходе с места происшествия, сокрытии), соответствующим комплексом следов, а также характеристикой места, времени совершения преступления.

С учетом изложенного выше можно прийти к выводу о том, что в структуре криминалистической характеристики краж, соединенных с проникновением в жилище, важное место занимают сведения о предмете преступного посягательства. Это позволяет выдвинуть достоверные версии относительно возраста, физической силы, пола и квалификации вора, наличии у него сообщников, «наводчиков», способа ухода с места происшествия (автотранспортом, пешком), способа сбыта похищенного имущества и других обстоятельств. Указанные ориентиры, в свою очередь, выступают основой для организации раскрытия и расследования преступления. Особенности предмета кражи влияют также на тактику проведения отдельных следственных действий.

Таким образом, криминалистическая характеристика уже сегодня выполняет практическую функцию, служит следовательно информационной базой типовых данных, позволяет ему в ситуации неполноты информации о преступлении, в частности при выдвижении версий, использовать по аналогии данные криминалистической характеристики группы преступлений.

¹ См.: *Матусовский Г. А.* Экономические преступления : криминалистический анализ. Харьков, 1999. С. 51.

² *Салтеевский М. В.* Криминалистика (в современном изложении) : учебник. Киев, 2005. 588 с.

³ См.: *Колесниченко А. Н., Коновалова В. Е.* Криминалистическая характеристика : учеб. пособие. Харьков, 1985.

⁴ *Шепитько В. Ю.* Криминалистика : курс лекций. 4-е изд. Харьков, 2011. 368 с.

⁵ *Баев О. Я.* И всё же : реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1(3). С. 23.

⁶ См.: *Журавель В. А.* Современные концепции формирования отдельных криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Акад. правовых наук. 2007. № 2 (49). С. 177–186.

⁷ См.: Криминалистика : курс лекций (ч. 1) / В. П. Бахин, И. В. Гора, П. В. Этимбалл. М., 2002. С. 244, 245.

⁸ См.: *Тищенко В. В.* Теоретические и практические основы методики расследования преступлений. Одесса, 2007.

⁹ См.: *Ларичев В. Д., Спириг Г. М.* Коммерческое мошенничество в России. Способы совершения. Методы защиты. М., 2001. 256 с.

В. А. Мещеряков

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Глубокое и системное исследование любого предмета или явления, как правило, невозможно без четкого уяснения его структуры, сущности составляющих его элементов и многообразия их взаимосвязей между собой. Преступная деятельность в этом отношении не является каким-либо исключением, и анализу ее содержания уделяется достаточно много внимания учеными-криминалистами.

Одним из первых методологических подходов, применяемых для решения данной задачи, является классификация предметной области. В соответствии с классическим определением классификация (от лат. *classis* – разряд и лат. *facere* – делать) представляет собой «особый случай применения логической операции деления объема понятия, представляющий собой некоторую совокупность делений (деление некоторого класса на виды, деление этих видов и т.д.)»¹. Из приведенного определения очевидно, что базовой операцией любой классификации является деление исходного понятия на отдельные части по определенным основаниям или принципам, в ходе которого происходит раскрытие сущности рассматриваемого объекта или явления.

Поскольку деление исходного понятия может происходить как по существенным для понимания сути изучаемого объекта признакам (естественная классификация), так и по признакам, не столь принципиальным для самого объекта, но очень удобным для работы исследователя (искусственная классификация), то крайне важным является правильное формирование цели классификации².

В полной мере всё сказанное касается изучения такого сложного явления, как преступление, и используемых для этого методов криминалистической классификации. Именно от

правильного выбора цели классификации в первую очередь будет зависеть ее практическая полезность и востребованность сотрудниками правоохранительных органов.

Проблемы криминалистической классификации преступлений постоянно находились в поле зрения ученых и достаточно подробно исследовались начиная со второй половины XX столетия. Весьма значительный вклад в развитие данного направления криминалистики внесли Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, А. И. Винберг, И. А. Возгрин, С. А. Голунский, В. Я. Колдин, А. Н. Колесниченко, Ю. Г. Корухов, В. П. Лавров, И. М. Лузгин, Н. П. Макаренко, С. М. Потапов, Н. А. Селиванов, Б. М. Шавер, Б. И. Шевченко, А. Р. Шляхов, А. В. Шмонин, Н. П. Яблоков, И. Н. Якимов. При этом наиболее заметными результатами в классификационных исследованиях (именно преступлений) отличаются работы В. А. Образцова³, А. Ю. Головина, М. В. Стояновского. Во многом благодаря этим исследованиям сформировалось современное представление о номенклатуре частных криминалистических методик расследования преступлений и систематизированы имеющиеся криминалистические знания.

Вместе с тем классификационный подход к изучению преступной деятельности достаточно быстро исчерпал себя, поскольку не давал практически значимых представлений о наличии закономерностей предметной области и свойствах взаимосвязей между ее важнейшими элементами.

Реакцией на указанную ситуацию стало появление категории криминалистической характеристики преступлений, которая включала в себя обстоятельства, характеризующие преступление и взаимосвязи между их группами⁴. В свою очередь, среди обстоятельств, характеризующих преступления, выделялись «система данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника, вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка)»⁵.

В последние десятилетия значительный вклад в развитие учения о криминалистической характеристике внесли О. Я. Бавев, Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, К. В. Гавло,

Г. А. Густов, С. П. Митричев, И. Ф. Пантелеев, В. А. Образцов, В. Г. Танасевич, А. В. Шмонин, Н. П. Яблоков.

К сожалению, в дальнейшем в большинстве работ, связанных с изучением отдельных видов преступлений, внимание акцентировалось именно на исследовании названной системы данных и совершенно не уделялось выявлению взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики и анализу их свойств. Справедливости ради необходимо отметить, что раздавались голоса отдельных ученых-криминалистов, обращавших внимание на исключительную важность данного направления исследований. Так, О. Я. Баев в работе, посвященной методическим основам расследования преступлений против личности, писал: «значимость криминалистической характеристики отдельного вида преступлений состоит не столько, может быть, в выделении самих этих элементов как таковых, сколько в установлении взаимосвязей между ними»⁶. Кроме того, известны единичные практические результаты, связанные с получением зависимостей основных элементов криминалистической характеристики на основе изучения массива уголовных дел по одному из видов преступлений⁷.

Вместе с тем отсутствие заметных практических результатов в деле получения взаимозависимостей элементов криминалистической характеристики обусловлено целым рядом объективных факторов, к числу которых следует в первую очередь отнести.

Трудности получения детерминированных взаимосвязей между элементами. При анализе преступной деятельности мы, как правило, не сталкиваемся с зависимостями, основанными на всеобщих законах природы (например, закон всемирного тяготения, второй закон Ньютона и т.п.) и действующими всегда и везде. Чаще всего мы имеем дело с вероятностными связями, полученными на основе статистической обработки массива однотипных уголовных дел.

Выявление зависимостей между элементами криминалистической характеристики происходит, как правило, на основе материалов завершенных уголовных дел, которые расследовались по определенным типовым методикам. При этом следователь всегда стремится минимизировать объем работы, включая в круг детального изучения только те обстоятельства, которые

важны для конкретного уголовного дела. Таким образом, из его поля зрения (а следовательно, и из материалов уголовного дела) выпадают обстоятельства, напрямую не связанные с отработываемой версией преступного события. В результате эти «выпавшие» обстоятельства не исследуются и не попадают в основу построения зависимостей элементов криминалистической характеристики.

Принципиально иное положение дел складывается при рассмотрении преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, поскольку среду их совершения образуют технические устройства и системы, функционирующие по жестким детерминированным правилам, заложенным в их конструкцию при создании. Это свойство дает основание полагать, что способы совершения данной категории преступлений, а также механизм слеодообразования очень жестко определяются объективными закономерностями эксплуатации и прикладного использования технических систем. Всё это дает возможность построения качественной информационной модели преступной деятельности с выделением важнейших элементов и в большинстве своем детерминированных взаимосвязей между ними.

Однако данной специфической стороне вопроса при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации практически не уделялось внимания, поскольку требовало глубокого проникновения в техническую суть устройства компьютерных систем и знания режимов их работы в различных ситуациях.

Таким образом, построение криминалистической характеристики в общем случае сводилось к созданию набора разрозненных сведений об исследуемом виде преступления без всякого упоминания о возможных взаимосвязях между ними.

Результатом такого одностороннего подхода к изучению предметной области стало высказывание о криминалистической характеристике как о «фантоме криминалистики»⁸, – категории, не оправдавшей возлагавшихся на нее надежд и не приносящей какой-либо практической пользы.

Блестящий анализ истории становления и современного состояния дел с представлением о сущности и использовании криминалистической характеристики предпринял А. В. Шмо-

нин. Он показал, что при единстве мнений о цели ее создания, – определения рациональных направлений расследования преступлений, остается весьма много вопросов относительно ее содержания и применения на практике⁹.

Важнейшим вопросом, определяющим возможность практического использования рассматриваемой криминалистической категории, является ее пригодность для определения наиболее рациональных направлений расследования преступлений, т.е. способность не только быть информационной моделью преступлений определенного вида, но и служить инструментом в борьбе с преступностью, формировать пути информационного поиска от известных обстоятельств к неизвестным.

К сожалению, для решения названных задач категория криминалистической характеристики абсолютно не пригодна, поскольку не содержит в своем составе каких-либо методов (алгоритмов) поиска и оптимизации даже на взаимосвязанном наборе сведений.

В связи с указанным, а также по ряду других причин стали возникать предложения о введении новых криминалистических категорий, отражающих особенности как самих преступлений, так и деятельности по их выявлению и расследованию. В частности, появились категории «криминалистический анализ механизма преступлений»¹⁰, «криминалистическая модель преступления»¹¹, «механизм преступной деятельности»¹², «структурно-функциональная модель преступной деятельности»¹³, «технология преступления»¹⁴.

Анализ каждой из предложенных альтернатив понятия криминалистической характеристики показал, что все они содержат позитивные предложения, компенсирующие отдельные недостатки исходной категории, однако не решают всех проблем и, в первую очередь, не позволяют применить перспективный арсенал инструментов новых информационных технологий.

Как нам представляется, наиболее продуктивным направлением исследований в рассматриваемой сфере будет использование онтологического подхода, получившего широкое теоретическое развитие в информатике и теории искусственного интеллекта и практике применения в связи с внедрением Web-технологий.

Онтология (в информатике) — это попытка всеобъемлющей и детальной формализации некоторой области знаний с помощью концептуальной схемы. Обычно такая схема состоит из структуры данных, содержащей все релевантные классы объектов, их связи и правила (теоремы, ограничения), принятые в этой области¹⁵.

Использование онтологического подхода в криминалистике (криминалистической онтологии), т.е. формализованное представление понятийной структуры предметной области в онтологии делает возможной автоматизированную обработку онтологической информации, что, в свою очередь, позволит:

1. Строить автоматизированные поисковые системы, использующие технологию семантически ориентированного поиска.

2. Аккумулировать и интегрировать данные и знания о преступлениях определенного вида, а при объединении информационных баз (сведений различных источников и различных правоохранительных структур) устанавливать семантическую эквивалентность фактов и понятий, сформулированных в разных терминах.

3. Выступать инструментом обеспечения согласованности между получаемыми сведениями о фактах и событиях преступной деятельности с унифицированной уголовно-правовой и уголовно-процессуальной терминологией, необходимой в доказывании.

4. Проводить системный анализ предметной области преступлений данного вида.

Следует отметить, что данное предложение не возникло на пустом месте. В специальной криминалистической литературе уже высказывались идеи о применении онтологических подходов для анализа экономической и организованной преступности¹⁶. К сожалению, до настоящего времени применение онтологий в криминалистике ограничилось лишь методологическим компонентом и весь арсенал инструментальных средств, языков описания онтологий и программных решений остался невостребованным.

Таким образом, ближайшей задачей создания криминалистической онтологии станет практическое применение всего спектра возможностей, разработанных в информатике и сфере

интернет-технологий, на примере одного из видов преступлений. Из-за схожести применяемых методов нам представляется, что наибольшую эффективность этот подход покажет при его использовании в расследовании преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий.

¹ *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М., 1981. 445 с.

² См.: Классификация // Википедия. [2013–2013]. Дата обновления: 26.03.2013. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=54246133> (дата обращения: 26.03.2013).

³ См.: *Образцов В. А.* Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988; *Головин А. Ю.* Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики. Тула, 2002; *Его же.* Классификация в криминалистической тактике. М., 1999; *Стояновский М. В.* Классификационный подход в криминалистической науке и практике. Воронеж, 2001.

⁴ См.: *Сергеев Л. А.* Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966; *Артамонов И. И.* Методологические аспекты криминалистической характеристики. М., 1984. 152 с.; *Густов Г. А.* Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.

⁵ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 315–316.

⁶ *Баев О. Я.* Методические основы расследования преступлений против личности // Расследование преступлений против личности. Воронеж, 1998. С. 12.

⁷ См.: *Бидонов Л. Г., Бидонов В. Л.* К вопросу о криминалистической характеристике преступлений и закономерных связях между ее элементами // Криминалистическая характеристика / под ред. В. В. Клочкова. М., 1984. С. 95.

⁸ *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 223.

⁹ См.: *Шмонин А. В.* Методика расследования преступлений : учеб. пособие. М., 2006; *Его же.* Современное представление о криминалистической характеристике преступлений // Следователь. 2005. № 2(82). С. 43–49.

¹⁰ *Баймуратов И. Ю.* Криминалистический анализ механизма расследуемого события : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

¹¹ *Егоров В. А.* Криминалистические модели экономических преступлений в кредитно-финансовой сфере. Саратов, 1999. С. 97.

¹² *Кустов А. М.* Криминалистическое учение о механизме преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

¹³ *Отряхин В. И.* Методика расследования хищений в сфере банковской деятельности. М., 2001. С. 28–30.

¹⁴ См.: *Шмонин А. В.* Методика расследования преступлений : учеб. пособие. М., 2006 ; *Головин А. Ю.* Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики. Тула, 2002. С. 157, 168.

¹⁵ См.: *Онтология (информатика)* // Википедия. [2013–2013]. Дата обновления: 14.10.2013. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=58912376> (дата обращения: 14.10.2013).

¹⁶ См.: *Каминский А. М.* Онтологические и методологические предпосылки криминалистического анализа организованной преступной деятельности // Вестник Рос. прав. академии. 2006. № 5. С. 31–33.

А. Н. Першин

О ДОКУМЕНТИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Благодаря научным трудам Л. Е. Ароцкера, Е. Ф. Буринского, А. И. Винберга, И. Ф. Крылова, В. К. Лисиченко, В. Ф. Орловой, Н. В. Терзиева, А. А. Эйсмана, Н. П. Яблокова и многих других ученых в начале и середине XX столетия была заложена теория криминалистического исследования документов, являющаяся в настоящее время отраслью криминалистической техники. Теория криминалистического исследования документов содержит понятие документа и его классификацию, правила работы с документами – вещественными доказательствами, учение о письме и видах его исследования, технико-криминалистическое исследование документов. На становление и развитие криминалистической теории о документе в значительной степени оказала влияние правовая концепция документа, где он рассматривается как предмет подлога и средство совершения преступления, а также является доказательством (письменным или вещественным). В силу этого криминалистика ста-

ла разрабатывать технико-криминалистические средства, приемы и методы исследования материальной основы документа, а также решения идентификационных и диагностических задач исследования письма. Подтверждением тому является изложенное в одном из популярных учебников по криминалистике определение криминалистического исследования документов, в котором под ним понимается «отрасль криминалистической техники, изучающая закономерности возникновения, развития и становления специфических особенностей письменной речи и почерка, определяющих индивидуальность последнего, а также следов как результатов изготовления и изменения документов, разрабатывающая на этой основе средства, приемы и методики обнаружения, изъятия и исследования указанных следов и признаков»¹. Кроме того, в учебнике подчеркивается, что «криминалистическому исследованию в рамках уголовного процесса подвергаются в основном документы – вещественные доказательства»². Это служит свидетельством того, что в настоящее время документ в криминалистике рассматривается как объект специальных автороведческих, почерковедческих и технических познаний.

Такое положение дел в криминалистике в эпоху развития компьютерных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей связи свидетельствует об отставании теории криминалистического исследования документов от реалий правоохранительной практики. Внедрение в финансовую и управленческую сферы деятельности страны новых систем связи привело к тому, что электронно-волновые процессы стали распространенным средством передачи информации, а бумага, картон, металл, полимер и прочая основа используются как дублирующие средства для ее хранения. Технический прогресс привел к появлению в нашем лексиконе терминов «электронный документ» и «электронное сообщение». Сведения, передаваемые по телекоммуникационным сетям связи, доступ к которым осуществляется с использованием средств вычислительной техники, теряют свою жесткую привязку к какой-либо материальной основе. У электронных документов и сообщений материальная основа становится вторичной. Главенствующее место занимает содержательная (семантическая) составляющая документированной информации. Перенос цифровой информа-

ции с одного носителя на другой при отсутствии программных конфликтов ее кодировки и декодирования позволяет знакомиться с ее содержанием на различных видах цифрового обобщения без семантических потерь.

Документированная информация финансового, организационно-управленческого, личного содержания, распространяемая по информационно-телекоммуникационным сетям, нередко становится объектом преступного посягательства. В ряде случаев сами преступники используют технические каналы связи в качестве средства обмена информацией. Такого рода сведения представляют интерес для выявления и доказывания вины конкретных лиц в совершенном противоправном деянии. Для сбора доказательственной и криминалистически значимой информации, передаваемой по техническим каналам связи, действующее законодательство наделило правоприменителя следующими средствами: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» мероприятиями – контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации следственными действиями – наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; производство судебных экспертиз, в рамках которых могут быть проведены компьютерная, фоноскопическая и другие виды исследований.

Появление в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности нового типа информационных следов требует от криминалистики теоретических разработок и практических рекомендаций их собирания, исследования, оценки и использования. При этом заметим, что термин «документ» и существующая теория его криминалистического исследования не может принципиально охватить новый вид информационных следов, даже если рассматривать документ в широком его понимании.

На наш взгляд, приемлемым подходом для изучения информационных следов в криминалистике стала бы теория исследования документированной информации. На законода-

тельном уровне понятие «документированная информация» изложено в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», в котором под документированной информацией понимается зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель³. Из определения следует, что документированная информация, во-первых, закреплена на материальном носителе; во-вторых, ее возможно определить, т.е. информация изложена понятными для человека знаками коммуникационной деятельности и может быть интерпретирована, а также содержит индивидуализирующие ее признаки в виде реквизитов; в-третьих, можно определить сам материальный носитель, т.е. его внешние признаки: форму, размеры, материал и т.д.

По смыслу указанного закона информацией являются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления. Человек может воспринимать информацию различными органами чувств и поэтому она делится на следующие виды: визуальная (зрение), аудиальная (слух), тактильная (тактильные рецепторы), обонятельная (обонятельные рецепторы), вкусовая (вкусовые рецепторы). Информация как объект уголовно-правовой охраны, уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности должна быть порождена интеллектом человека и иметь материальное выражение. Материальный носитель придает информации свойство вещи. В случае, если информация овеществлена, т.е. наделена определенными внешними признаками, она имеет право на определенную роль в правовых отношениях, т.е. быть предметом преступного посягательства, средством совершения преступления, письменным или вещественным доказательством, а следовательно, объектом криминалистического познания. Таким образом, несмотря на признание ценности самой информации, запечатленной в документированных источниках, правовую оценку в ряде случаев она получает только при наличии ее материального носителя.

Государственным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», утвержденным постановлением Госстандар-

та РФ от 27 февраля 1998 г. № 28, документированная информация отождествляется с понятием «документ» и понимается как зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать.носителем документированной информации может быть любой материальный объект, используемый для закрепления и хранения на нем речевой, звуковой или изобразительной информации, в том числе в преобразованном виде, т.е. не исключается возможность кодировки аналоговой информации в цифровой или иной сигнал. Документирование информации осуществляется в соответствии с правилами, устанавливающими порядок ее записи. Неотъемлемым атрибутом документированной информации является реквизит документа, т.е. обязательный элемент оформления официального документа. Таким образом, можно сделать вывод о том, что документ, или документированная информация, – это зафиксированная на материальном носителе в соответствии с установленными государством правилами речевая, звуковая, изобразительная и (или) иная информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать. Аналоговый документ или документированная информация, зафиксированная аналоговым способом, как правило, носит исключительно официальный характер. В аналоговых официальных документах типичным носителем является бумага.

Альтернативу аналоговому документу сегодня составляет электронный документ. Электронным документом считается документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах⁴. Другой формой цифровой информации является электронное сообщение, под которым понимается информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети⁵. Для создания, обработки, хранения и передачи электронных документов и сообщений используются электронные вычислительные машины. В приведенных выше определениях отсутствует упоминание о материальной основе электронной информации, а следовательно, о ее документированности. Так ли это?

Объектами-носителями цифровой (электронной) информации на современном этапе развития техники являются изделия из полимерных, алюминиевых или стеклянных пластин, покрытые магнитным или светоотражающим слоем, представляющие собой жесткие или гибкие диски, CD-, DVD-диски и др. Более прогрессивным и технологически сложным носителем цифровой информации является флеш-память. Флеш-память относится к полупроводникам электрически перепрограммируемой памяти. Ее основу составляют транзисторы, удерживающие заряд электричества, являющиеся ячейками памяти. Принцип работы флеш-памяти основан на изменении и регистрации электрического заряда транзистором. На основе флеш-памяти работают сменные карты памяти и USB флеш-накопители, получившие в настоящее время широкую популярность в качестве универсального средства физического хранения и перемещения информации в цифровом виде. Таким образом, информация, закрепленная на перечисленных и иных носителях цифровой памяти, выполняющих функции бумаги, картона и прочего материала для фиксации, хранения и передачи информации в пространстве и во времени, является документированной.

В качестве носителя цифровой документированной информации могут выступать и сами электронно-вычислительные машины, которые снабжены оперативным запоминающим устройством (оперативной памятью) и внутренней постоянной памятью. Полагаем, что вести речь о компьютере как носителе документированной информации уместно тогда, когда извлечь из него информацию на какой-либо иной носитель не представляется возможным. В качестве примера приведем несколько таких ситуаций.

Первая ситуация возможна, когда созданная на цифровом устройстве информация не подверглась процессу сохранения, а лишь находится в его оперативной памяти, и в случае отключения устройства от питания возникает угроза уничтожения этой информации. В оперативной памяти электронно-вычислительной машины хранятся данные и команды операционной системы, необходимые процессору для выполнения различных действий над информацией. Помимо системных данных в оперативной памяти устройства может содержаться информация, созданная человеком при помощи дополнительных программ.

Все сведения, содержащиеся в оперативной памяти, являются временными и доступны только тогда, когда на модули цифрового устройства подается электрическое напряжение, под действием которого образуется электронно-волновая среда. Оперативная память является энергозависимой, поэтому даже при краткосрочной потере энергии помещенная в нее информация искажается или полностью уничтожается. При работе с оперативной памятью мы имеем дело с временной динамической информацией, основным носителем которой является энергия (поле). Энергия, как утверждает К. К. Колин, обеспечивает распространение информации в пространстве⁶. Исчезновение этой энергии приводит к потере информации. В связи с этим для предупреждения потери временной цифровой информации, содержащей криминалистически значимые сведения, следует выполнять действия по дальнейшему ее закреплению.

Вторая ситуация признания компьютера носителем цифровой документированной информации возникает, когда система управления данными программно «привязана» к исследуемому компьютеру и активируется только в нем, а других вариантов просмотра информации нет⁷. Актуальность данной ситуации обусловлена борьбой с пиратством в информационной среде посредством распространения и установки на компьютеры лицензионных версий программ, а также целью разработчика программного продукта создать такую специальную программу, которая бы позволяла обрабатывать информацию только на конкретном цифровом устройстве.

Итак, функциональное единство всех узлов электронно-вычислительной машины и энергии в виде электрического напряжения, подаваемого к ней, дает право утверждать, что содержащаяся в оперативной памяти или на внутренней постоянной памяти устройства информация является овеществленной. В качестве носителя (вещи) информации выступает цифровое устройство, а значит, информация считается документированной и может подлежать соответствующей социальной, политической, экономической или правовой оценке. Таким образом, носителем цифровой документированной информации являются не только магнитные диски, флеш-память и прочее, но и сами электронные вычислительные машины во включенном состоянии.

Сегодня Правительство Российской Федерации обращает внимание на то, что «развитие электронных технологий предоставляет возможность большинству населения обмениваться информацией в электронном виде. Однако нормы, касающиеся допустимости и процедуры наложения ареста на электронные отправления, в УПК РФ отсутствуют, что вызывает затруднения при осуществлении предварительного расследования. ... Проблема возможности применения ареста в отношении «электронных отправлений» требует дополнительного изучения и при наличии такой возможности – подготовки соответствующих изменений в УПК РФ»⁸. С разрешением на государственном уровне указанных проблем, типичным криминалистическим объектом исследования станет цифровая документированная информация в форме электронных документов и сообщений. Это потребует скорейшей разработки методологических основ поиска, собирания, исследования, оценки и использования документированной информации в электронной форме при решении задач уголовного судопроизводства. В основе разработки такой теории должна быть использована терминология, отражающая сущность объектов исследования. Под термином «документированная информация» может пониматься информационно-семантическая среда, имеющая материальную форму выражения, содержащая сведения о преступной деятельности и лицах, причастных к ней, имеющая значение для установления истины по уголовному делу и профилактической деятельности.

Термин «документированная информация» охватывает различные материальные носители информации: как официальные (документ), так и не официальные (сообщения); как аналоговые, так и цифровые (электронные). Разработка методологических основ документированной информации позволит выстроить систему криминалистических средств, приемов и методов собирания, обобщения, анализа и оценки такой информации в деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

¹ Криминалистика : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Т. В. Аверьянова [и др.]. М., 2007. С. 270.

² См.: Там же. С. 268.

³ См.: Об информации, информационных технологиях и защите информации : федер. закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: *Коллин К. К.* Природа информации и философские основы информатики // Открытое образование. 2005. № 2. С. 45.

⁷ См.: *Хожевская А., Гражялис К., Горбатков А.* Актуальные проблемы проведения экспертизы информационных технологий // Эксперт-криминалист. 2013. № 3. С. 38.

⁸ Доклад Правительства Российской Федерации о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год // Рос. газ. 2013. 27 марта.

Д. П. Письменный

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ УКРАИНЫ

С принятием 13 апреля 2012 г. нового Уголовного процессуального кодекса Украины в обществе происходит очень острая дискуссия по его оценке, поскольку он способен существенно повлиять как на развитие Украины в целом, так и на состояние ее правовой системы.

Диапазон оценок нового УПК Украины весьма широкий – от полного одобрения до полного неприятия. По мнению одних, новый УПК Украины обеспечит непредвзятость и объективность досудебного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, надлежащее соблюдение прав человека в уголовном процессе, даст больше возможностей для вынесения справедливых судебных решений.

По их оценкам, новый УПК Украины – это панацея от всех тех проблем, которые присущи отечественному уголовному судопроизводству.

© Письменный Д. П., 2014

По убеждению других, новый УПК Украины, наоборот, разрушает правовые основы уголовного процесса, ограничивает право личности на защиту, создает предпосылки для злоупотреблений и бесосновательного уголовного преследования. Они усматривают в нем угрозу правам и свободам человека, справедливому непредвзятому правосудию, всей правовой системе Украины.

На взгляд многих экспертов, политиков, практикующих юристов, однозначно ответить на вопрос, что получила Украина в результате таких кардинальных изменений в сфере уголовного судопроизводства, можно будет только через один-два года действия нового УПК Украины. Только тогда можно будет понять направленность кардинальных изменений в сфере уголовного судопроизводства, основные тенденции реформирования системы уголовной юстиции.

Современная уголовно-процессуальная доктрина Украины исходит из того, что в XXI столетии мировое сообщество пришло к выводу о том, что главным направлением развития человеческого общества является прежде всего защита личности, ее жизни и здоровья, чести и достоинства, прав и свобод.

В связи с указанным профессор В. Т. Маляренко полагает, что при определении научной дефиниции «уголовно-процессуальное право» обязательно следует акцентировать внимание на такой ее составляющей, как защита прав и свобод человека и гражданина¹.

Статья 1 УПК Украины устанавливает, что порядок уголовного производства на территории Украины определяется только уголовным процессуальным законодательством. В ч. 2 этой статьи предусмотрено, что уголовное процессуальное законодательство Украины состоит из соответствующих положений Конституции Украины, международных договоров, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, этим УПК и иными законами Украины.

Объектом уголовного процессуального права Украины выступают уголовно-процессуальные правоотношения, которые при производстве уголовных дел складываются между органами досудебного расследования, прокуратуры и суда, а также гражданами и юридическими лицами как участниками уголовно-процессуальной деятельности, с одной стороны, и этими органами и судом – с другой.

Уголовное процессуальное право Украины определяет порядок уголовного производства, его основы, права и гарантии их реализации для всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности, а именно: суда, сторон и иных участников уголовного судопроизводства, устанавливает систему стадий уголовного процесса, порядок производства в каждой из них и каждого процессуального действия, основания и порядок принятия промежуточных и итоговых решений по уголовному производству.

В ст. 2 УПК Украины говорится, что задачами уголовного производства являются защита лица, общества и государства от уголовных правонарушений, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства, а также обеспечение быстрого, полного и беспристрастного расследования и судебного разбирательства с тем, чтобы каждый, совершивший уголовное правонарушение, был привлечен к ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинен или осужден, ни одно лицо не было подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению и чтобы к каждому участнику уголовного производства была применена надлежащая правовая процедура.

Следует согласиться с профессором В. Т. Нормом, что поскольку уголовным правонарушением могут быть нарушены права и свободы физического лица, права юридического лица (в разных его организационных формах), в результате чего им будет причинен ущерб в разных видах его проявления, то государство в лице уполномоченных им органов обязано их защитить. Собственно говоря, защита от уголовных правонарушений, связанных с посягательством на жизнь и здоровье, личную свободу, честь и достоинство, имущество, иные права и законные интересы человека и гражданина, на имущественные либо личные неимущественные (деловая репутация) права и интересы юридических лиц, а также на интересы общества и государства – всё это и составляет содержание производства по уголовным делам. Вместе с тем следует указать, что задачами уголовного производства, которые определены в этой статье, является защита интересов не только физических и юридических лиц, но и публичных – общества и государства, когда уголовное правонарушение покушалось на них².

В отличие от УПК Украины (2012 г.) законодатель Российской Федерации предпочел отказаться от понятия «задачи уголовного судопроизводства» и заменил его другим понятием – «назначение уголовного судопроизводства». В ст. 6 УПК России говорится: «1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. 2. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию»³. Как указывают авторы учебника «Уголовный процесс», такая замена, по сути, повлекла за собой и отказ от четкого определения общесоциальной направленности усилий правоохранительных органов в сфере производства по уголовным делам.

В приведенном выше и других положениях УПК РФ нет прямых указаний на то, что уголовное судопроизводство должно способствовать, в частности, укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступности, защите интересов общества и государства, его конституционного строя и безопасности, воспитанию у людей уважительного отношения к закону и правилам человеческого общежития.

Однако отсутствие в УПК РФ прямых указаний на общесоциальные задачи уголовного судопроизводства не следовало бы воспринимать в качестве подтверждения воли законодателя, направленной на превращение уголовного судопроизводства в нечто, изолированное от интересов общества и государства, полностью безразличное к охране этих интересов⁴.

Исполнение задач уголовного производства может осуществляться только с применением и соблюдением надлежащей правовой процедуры (ст. 2 УПК Украины).

Под надлежащей правовой процедурой уголовного производства понимают определенный УПК Украины порядок действий органов, ведущих производство, и его участников, реализацию ими своих прав и обязанностей в определенных законом границах. Надлежащая правовая процедура должна включать

в себя соблюдение основ уголовного производства, процессуальных средств и способов их реализации, процессуальных гарантий прав и свобод участников уголовного производства и принятие законных, обоснованных и справедливых решений.

Новый УПК Украины значительное внимание уделяет обеспечению соблюдения прав личности в ходе осуществления уголовного судопроизводства, обеспечению процессуального равенства и состязательности сторон в уголовном производстве, введению упрощенной формы досудебного расследования, в которой будет осуществляться расследование уголовных проступков, уголовного производства на основании соглашений, а также в отношении отдельной категории лиц и др.

Вместе с тем анализ применения нового УПК Украины на протяжении первых восьми месяцев 2013 г. указывает на такие практические проблемы его реализации:

1. Имеются препятствия для регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, в том числе: а) в районных отделах внутренних дел не созданы надлежащие условия для посетителей, которые обращаются с заявлениями, что приводит к созданию очередей и трате личного времени граждан; б) заявления о преступлениях рассматриваются как обращения граждан и, соответственно, разрешаются Законом Украины «Об обращениях граждан»; в) заявления о преступлениях не регистрируются в Едином реестре досудебных расследований без объяснения причин, при этом заявителей уведомляют об отсутствии оснований к началу производства после истечения десятидневного срока, установленного УПК Украины для обжалования бездействия следователя (прокурора).

Указанную отрицательную тенденцию отражает и статистика. Если в предыдущие годы ежемесячное количество заявлений и сообщений о преступлениях составляло 300 000, то в 2013 г. среднемесячное количество заявлений составляет только 140 000. Таким образом, каждое второе заявление от граждан не принимается, что нарушает требования ст. 214 УПК Украины о необходимости регистрации всех заявлений о преступлениях.

2. Неединичны случаи, когда прекращенные в прошлые годы уголовные дела по постановлениям следователей либо прокуроров определением суда снова регистрируются в Еди-

ном реестре досудебных расследований. Этим нарушается запрет дважды привлекать к уголовной ответственности лицо за одно и то же правонарушение (ч. 1 ст. 19 УПК Украины).

3. Очень часто в качестве меры обеспечения уголовного производства применяется временный доступ к вещам и документам с возможностью их изъятия (глава 15 УПК Украины), чем значительно ограничиваются права и законные интересы предпринимателей. При этом документы изымаются у юридического лица, а вероятным подозреваемым может быть только физическое лицо – руководитель предприятия. Последний не уведомляется о подозрении (ст. 276 УПК Украины) с той целью, чтобы не начинались сроки расследования (ст. 219 УПК Украины).

4. Злоупотребление механизмом изъятия вещей и документов во время проведения их осмотра (ч. 5 ст. 237 УПК Украины). Указанная статья предусматривает, что во время осмотра публичных мест и помещений не нужно разрешение следственного судьи на изъятие обнаруженных документов либо вещей. Этим и пользуются следователи, когда осматривают отдельные документы в офисах предприятий. Однако осмотр жилища или иного владения лица (в том числе и офиса) и изъятие отдельных предметов могут проводиться на основании определения следственного судьи (ч. 2 ст. 237 УПК Украины).

5. Направление органами досудебного расследования юридическим лицам запросов о предоставлении интересующих их сведений по конкретному уголовному производству. При этом следователи исходят из того, что поскольку такие запросы касаются не вещей либо документов, а необходимой информации из этих документов, то определения следственного судьи для таких действий не надо.

Следует учитывать, что уголовное производство осуществляется в соответствии с нормами УПК Украины, которые не содержат обязанности таких лиц предоставлять какую-либо информацию представителям обвинения иным способом, кроме как во время их допроса либо на основании определения суда.

В то же время обнаружились и иные проблемы, которые можно разделить на два вида: 1) неправомерные ограничения стороны защиты и 2) трудности в организации деятельности органов уголовной юстиции.

Сторона обвинения ограничивает права стороны защиты следующим образом:

1. Нарушение права на защиту (ст. 20 УПК Украины): центры по предоставлению бесплатной вторичной правовой помощи не уведомляются обо всех случаях задержания лиц; не соблюдаются сроки уведомления центров правовой помощи о задержании лиц; вызванные защитники не допускаются к задержанным лицам; задержанных лиц принуждают к отказу от вызванных защитников; с задержанным лицом производятся процессуальные действия еще до момента прибытия защитника; не обеспечиваются условия конфиденциального свидания защитника с подозреваемым; практикуется допрос всех лиц в качестве свидетелей, причастных к определенному событию (например, к дорожно-транспортному происшествию). В дальнейшем следователи решают: кого из них признавать потерпевшим, а кого – подозреваемым. Этим нарушается право граждан не свидетельствовать против самих себя, членов его семьи или близких родственников (ст. 63 Конституции Украины).

2. Лицу не сообщается о подозрении при наличии достаточных оснований (ст. 276 УПК Украины). Следователи начинают производство, собирают необходимые сведения, а уведомляют о подозрении при окончании производства – перед направлением обвинительного акта в суд. В таких случаях ограничивается право лица на подготовку от обвинения, поскольку оно имеет намного меньше времени для формирования своей позиции по материалам конкретного уголовного производства.

3. Нарушение права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 29 Конституции Украины, ст. 12 УПК Украины) вследствие неоднозначного разрешения вопроса о содержании под стражей во время подготовительного судебного заседания (ч. 3 ст. 315 УПК Украины). Многие судьи продолжают практику «автоматического» продления этой наиболее строгой меры пресечения, несмотря на сложившуюся практику Европейского суда по правам человека в сфере уголовного судопроизводства и положений УПК Украины об ограничении свободы лица не иначе, как по мотивированному решению суда.

4. Нарушение права на невмешательство в частную жизнь (ст. 15 УПК Украины). Для получения информации о соединении абонентов с помощью телефона (время, продолжитель-

ность, содержание, номера телефонов и т.п.) сторона обвинения часто обращается к следственным судьям с ходатайством о доступе к документам. В действительности она должна обращаться в порядке, предусмотренном для проведения негласных следственных действий.

Различие состоит в том, что для вмешательства в тайну общения (ст. 14 УПК Украины) установлены более строгие гарантии: разрешение в случае, предусмотренном ст. 247 УПК Украины, выдается председателем или по его определению другим судьей апелляционного суда исключительно по уголовному производству в отношении тяжких или особо тяжких преступлений⁵. Таким образом, сторона обвинения незаконно избирает более легкий для нее способ получения информации.

5. Нарушение принципа непредвзятости судебного разбирательства (ст. 21 УПК Украины).

С целью реализации данного принципа УПК Украины предусмотрел, что в суд направляются только обвинительный акт и реестр материалов досудебного расследования (ст. 291 УПК Украины). Все иные собранные материалы должны предоставляться суду до начала судебного разбирательства. Однако уже на подготовительном судебном заседании прокуроры передают все тома уголовного производства, что позволяет формировать у них обвинительный уклон. К тому же во время подготовительного производства не решается вопрос об относимости и допустимости собранных сторонами доказательств.

Трудности в организации деятельности органов уголовной юстиции заключаются в следующем:

1. Недостатки в организации деятельности судов. Во многих судах первой инстанции и, к сожалению, особенно в апелляционных судах не обеспечивается постоянное дежурство следственных судей. Неединичны случаи, когда ходатайство стороны обвинения, которое необходимо рассмотреть на протяжении 24 часов, не находит своего разрешения несколько дней. В результате – теряются следы преступлений, а будущие подозреваемые скрываются от следствия. Наряду с этим очень часто не выполняется четкое указание закона о шестичасовом сроке рассмотрения ходатайства о проведении негласных следственных действий (наблюдение, аудио-, видеоконтроль лица и т.п.).

2. Недостаточное число судей, что порождает проблемы с формированием и периодичностью заседаний коллегиальных составов суда (ч. 9 ст. 31 УПК Украины). Это, в свою очередь, приводит к нарушению принципа разумности сроков (ст. 28 УПК Украины).

3. Чрезмерная нагрузка на следователей. Она возросла с нескольких уголовных дел в месяц до сотни уголовных производств. Основная причина этого – изменение взаимоотношений между следователями и оперативными сотрудниками. Если раньше весь массив заявлений о преступлениях разделялся между следователями и личным составом оперативных подразделений МВД, то сейчас сотрудники оперативных подразделений не имеют право осуществлять процессуальные действия в уголовном производстве по собственной инициативе и работают только на основании письменного поручения следователя либо прокурора.

Представляется, что выходом из указанной ситуации мог бы быть перевод достаточного числа оперативных сотрудников на должности следователей.

4. Безынициативность прокуроров. Следователи в настоящее время продолжают самостоятельно решать вопросы о проведении того или иного процессуального действия, либо определенного следственного действия, обращения либо необращения с ходатайством в суд. Однако это должно стать основной задачей прокуроров как процессуальных руководителей досудебного расследования⁶.

За время действия нового УПК Украины в Верховный Совет Украины уже было внесено 22 законопроекта, в которых предлагается изменить отдельные положения УПК Украины. Следует отметить, что значительная часть законопроектов включает положительные новации, однако многие из этих проектов не содержат конструктивных идей, а направлены на полную отмену нового Кодекса либо его отдельных положений (например, руководство расследованием со стороны прокурора, проведение негласных действий следователем, автоматическое начало расследования и т.д.).

Представляется, что вместо дискредитации нового УПК Украины настоящая дискуссия должна разворачиваться вокруг иных проблемных моментов реформирования уголовного судопроизводства.

производства в Украине. Имеются в виду необходимость выведения милиции, прокуратуры, судебных органов из-под политического давления, введение классического суда присяжных, отмена отдельного законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности и др.

В решении перечисленных непростых проблем подобающее место должно отводиться науке уголовного процесса. К большому сожалению, нормотворческая практика в Украине свидетельствует о том, что подготовка многочисленных проектов УПК Украины, в том числе и принятие нового УПК Украины (2012 г.), во многом лишены научной основы.

Общеизвестно, что достижение максимальной эффективности уголовных процессуальных предписаний невозможно без обеспечения стабильности уголовного процессуального законодательства, ибо иное может привести к нарушению его системных связей, усложнению реализации таких основ, как верховенство права, законность и справедливость, и обусловить низкую эффективность правового регулирования.

Следует согласиться с мнением профессоров В. Тацья, В. Борисова и В. Тютюгина о том, что когда законодательство не имеет надлежащего уровня динамичности, оно теряет свои качество и эффективность, поскольку не обеспечивает надлежащей адекватности правового регулирования⁷.

Хочется надеяться, что в ходе усовершенствования Уголовного процессуального кодекса Украины будут учитываться в полном объеме предложения ученых-процессуалистов и этот Кодекс будет направлен, прежде всего, на охрану прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Обобщая изложенное, можно прийти к выводу, что новый Уголовный процессуальный кодекс не мог учесть всех возможных изменений в экономической, политической, социальной и иных сферах жизни общества. Поэтому усовершенствование отдельных его норм и процессуальных институтов вполне закономерно. Оно должно отвечать требованиям научной обоснованности и системности.

⁷ См.: *Малярченко В. Т.* Перебудова кримінального процесу України в контексті європейських стандартів : теорія, історія і практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харків, 2005. С. 9.

² См.: Кримінальний процесуальний кодекс України : науково-практичний коментар / За загальною редакцією професорів В. Г. Гончаренка, В. Т. Нора, М. Є. Шумила. Київ, 2012. С. 17–18.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2012. С. 9.

⁴ См.: Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценка. М., 2005. С. 14–15.

⁵ См.: Уголовный процессуальный кодекс Украины : науч.-практ. комментарий / отв. ред. С. В. Кивалов, С. Н. Мищенко, В. Ю. Захарченко. Харьков, 2013. С. 553.

⁶ См.: Реалізація нового КПК України у 2013 році (моніторинговий звіт) / О. А. Банчук, І. О. Дмитрієва, З. М. Саїдова, М. І. Хавронюк. Київ, 2013. С. 7–11.

⁷ См.: *Тацій В., Борисов В., Тютюгін В.* Стабільність як умова ефективності законодавства України про кримінальну відповідальність // *Голос України*. 2013. 5 квітня. № 66. С. 4.

Е. И. Попова

**О СИСТЕМНОСТИ РАЗЪЯСНЕНИЯ ЛИЦУ,
ПОДВЕРГАЮЩЕМУСЯ УГОЛОВНОМУ
ПРЕСЛЕДОВАНИЮ, ОСОБЕННОСТЕЙ
РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ
В ПОРЯДКЕ ГЛАВЫ 40 УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Несмотря на то, что в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением рассматривается более 50 % уголовных дел¹, большинство представителей юридической науки всё еще негативно относятся к этому правовому институту, считая, что в таком случае имеют место многочисленные нарушения прав и законных интересов участников процесса, теряется или существен-

ным образом трансформируется назначение уголовного судопроизводства². Например, по мнению С. А. Роговой, которое мы в целом разделяем³, «...очевидна заинтересованность следователя, собравшего недостаточное количество доказательств либо построившего обвинение исключительно на косвенных доказательствах, либо допустившего нарушение закона, влекущее признание доказательств недопустимыми, в проведении судебного заседания без изучения тех самых доказательств и с вынесением обвинительного приговора, пусть даже с ограничениями в сроках наказания, которые на показатели его работы и раскрываемость преступлений не влияют»⁴.

Следует привести и точку зрения о том, что криминалистика с введением и широким распространением норм, регламентирующих возможность осуществлять расследование и судебное разбирательство в упрощенном, сокращенном порядке, фактически погибает. Подтверждением тому может служить интернет-публикация с кричащим названием «Панихида по правосудию», где прогнозируется результат принятия законопроекта, в котором предлагается внести изменения в УПК РФ и предусмотреть возможность распространить особый порядок (глава 40 УПК РФ) и на преступления, максимальное наказание за совершение которых не превышает 15 лет лишения свободы. В этой публикации прямо говорится: «Такой закон – просто подарок органам следствия: не надо забивать голову тактиками, методиками, проблемами. Договоритесь с обвиняемым – и всё. Криминалистика закончилась, дела можно не расследовать».

Мы не намерены оценивать необходимость и целесообразность норм об особом порядке. Заметим лишь, что более чем десятилетний опыт применения этого уголовно-процессуального института указывает на то, что законодатель, несмотря на критику сокращенных, ускоренных производств со стороны отдельных представителей юридического сообщества, целенаправленно внедряет их в современный отечественный уголовный процесс⁵. Нам здесь хотелось бы обратить внимание на необходимость обеспечения соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства

и прежде всего обвиняемого, подсудимого при рассмотрении дела судом в порядке главы 40 УПК РФ. В законе и соответствующих разъяснениях высших судебных органов нет указаний на то, кто должен разъяснять обвиняемому суть и содержание рассмотрения дела в особом порядке. Есть лишь закрепление того, что обвиняемый должен заявить ходатайство добровольно и после проведения консультаций с защитником (ч. 2 ст. 314, ч. 4 ст. 316 УПК РФ), во время которых, как предполагается, последний и должен дать разъяснение сути особого порядка. При этом нет гарантии, что защитник разъясняет содержание норм об особом порядке системно, а не акцентируя внимание подзащитного на тех или иных из них исключительно по своему усмотрению. На вопросы судьи «Заявлено ли это ходатайство добровольно и после консультации с защитником?», «Осознает ли он последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства?» подсудимый вполне может ответить утвердительно, заблуждаясь относительно специфики особого порядка. Для минимизации указанных факторов на практике, как правило, специфике рассмотрения дела судом в порядке главы 40 УПК РФ обвиняемому разъясняет не только адвокат, но и следователь (дознатель). Правда, и он не всегда излагает нормы главы 40 УПК РФ системно, поскольку и изучение материалов уголовных дел⁶, и опрос следователей, дознавателей⁷, и анализ научных публикаций, посвященных особому порядку, показали, что единого документа, способного обеспечить такое разъяснение обвиняемому норм главы 40 УПК РФ, до настоящего времени не разработано и на практике не применяется. С этой целью мы подготовили проект документа «Протокол разъяснения обвиняемому рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке», который позволит изложить нормы главы 40 УПК РФ системно, а соответственно, обеспечить соблюдение прав и законных интересов лица, подвергающегося уголовному преследованию.

ПРОТОКОЛ
разъяснения подозреваемому (обвиняемому)
особенностей рассмотрения уголовного дела судом
в особом порядке

(место составления)

« » _____ 20__ г.
(дата составления)

Разъяснение начато _____ ч _____ мин

Разъяснение окончено _____ ч _____ мин

(должность следователя, классный чин или звание)

(фамилия, инициалы)

разъяснил подозреваемому (обвиняемому) _____

(фамилия, имя, отчество, дата рождения)

в совершении преступления (ий), предусмотренного(ых) _____

(пункт, часть, статья УК РФ)

в присутствии защитника _____,
(фамилия, имя, отчество адвоката)

предъявившего удостоверение _____

(номер удостоверения, кем и когда выдано)

а также ордер _____

(номер, дата выдачи, кем выдан (полное наименование адвокатского образования))

особенности рассмотрения уголовного дела в особом порядке
(глава 40 УПК РФ):

1. Обвиняемый вправе ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не превышает 10 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

2. В соответствии с ч. 2 ст. 315 УПК РФ обвиняемый вправе заявить ходатайство:

1) в момент ознакомления с материалами уголовного дела, о чем делается соответствующая запись в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 218 УПК РФ;

2) на предварительном слушании, когда оно является обязательным в соответствии со ст. 229 УПК РФ;

3) до назначения судебного заседания (п. 4 постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60).

3. Суд может удовлетворить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, при условии, если:

1) против этого не возражают государственный (частный) обвинитель и потерпевший (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);

2) ходатайство было заявлено добровольно после проведения консультаций с защитником и в присутствии защитника (п. 2 ч. 2 ст. 314, ч. 1 ст. 315 УПК РФ);

3) обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства (п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ);

4. Если защитник не приглашен самим подсудимым, его законным представителем или по их поручению другими лицами, то участие защитника в данном случае должен обеспечить суд (ч. 1 ст. 315 УПК РФ).

5. Судебное заседание проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника (ч. 2 ст. 316 УПК РФ).

6. Судебное заседание проводится в сокращенном порядке. Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть изучены обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 1, 5 ст. 316 УПК РФ). Поскольку порядок этого исследования главой 40 УПК РФ не ограничен, оно может проводиться всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами, в том числе путем анализа дополнительно представленных материалов, а также допросов свидетелей по этим обстоятельствам (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60).

7. При возражении подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного разбирательства либо по собственной инициативе судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ).

8. Если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 5 ст. 62 УК РФ, ч. 7 ст. 316 УПК РФ).

9. Процессуальные издержки, предусмотренные ст. 131 УПК РФ, взысканию с подсудимого не подлежат (ч. 10 ст. 316 УПК РФ).

10. Приговор, постановленный в соответствии со ст. 316 УПК РФ, не может быть обжалован в апелляционном, кассационном порядке в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (ст. 317, 389.15, 389.17, 401.15 УПК РФ). Приговор, постановленный в особом порядке, также не может быть обжалован в порядке надзора в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2010 г. № 4).

Особенности рассмотрения уголовного дела в особом порядке (глава 40 УПК РФ) мне разъяснены и понятны

(фамилия, имя, отчество подозреваемого, обвиняемого) _____ (подпись)

Защитник _____ (фамилия, инициалы) _____ (подпись)

Следователь _____ (фамилия, инициалы) _____ (подпись)

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции (без военных судов) и мировых судей за 2009, 2010, 2011, 2012 гг. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://cdcp.ru>. Загл. с экрана (дата обращения: 18.06.2013).

² Например, о том, что для обвиняемого нет явных выгод при рассмотрении дела в особом порядке в части назначения наказания (см.: *Поздняков М. Л.* Десятилетие особого порядка (глава 40 УПК РФ) : результаты и выводы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iaaj.net/node/981>. Загл. с экрана (дата обращения: 10.02.2013).

³ Однако считаем, что речь может идти только об отдельных следователях и дознавателях, поскольку основная масса таких должностных лиц относится к выполнению своих должностных обязанностей с большой ответственностью.

⁴ *Роговая С. А.* Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 39.

⁵ Речь идет о главе 40.1 УПК РФ, которая была введена в 2009 г. Федеральным законом № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», и главе 32.1 УПК РФ, введенной 23 марта 2013 г. Федеральным законом № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

⁶ Нами были изучены 214 уголовных дел, по которым судебное разбирательство проводилось в особом порядке (глава 40 УПК РФ).

⁷ Были опрошены 22 следователя, дознавателя.

А. И. Резникова

ПРЕДМЕТ РАЗГЛАШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТАЙН В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Предмет преступления является одной из важнейших научных категорий уголовного и уголовно-процессуального права. Особое значение указанная научная категория имеет для всех наук уголовного цикла, которые всесторонне познают сферу уголовного судопроизводства, и, безусловно, представляет интерес для криминалистики. Бесспорно, предмет преступного посягательства имеет существенное значение для группы преступлений, которые покушаются на информацию – явле-

ние объективного мира, имеющее особую природу проявления в действительности. В частности, речь идет об информации, которая является предметом преступного посягательства при разглашении профессиональных тайн. Уголовным кодексом Украины предусмотрен ряд составов, которые защищают доверенную информацию или такую, которая стала известна лицу в силу его профессии¹. Сегодня проблемы раскрытия и расследования фактов разглашения профессиональных тайн, а именно вопросы, непосредственно связанные с особенностями предмета преступного посягательства данной группы преступлений, комплексно не были исследованы учеными-криминалистами.

Предмет преступного посягательства и его значение, возможно, охарактеризовать с позиции как теоретических положений криминалистики, так и отдельных практических проблем, которые возникают в процессе осуществления уголовного судопроизводства. Точное установление предмета преступного посягательства позволяет отмежевать одно преступление от другого. Те или иные признаки предмета посягательства могут выступать как смягчающими, так и отягчающими обстоятельствами одного и того же преступления, либо же они могут способствовать переквалификации преступления в особо тяжкий вид². А. П. Шеремет утверждает, что предмет преступного посягательства является важным ввиду установления личности преступника в конкретных случаях: 1) когда хищение предмета свидетельствует об осведомленности лица с его предназначением и возможностями его использования; 2) когда предмет посягательства свидетельствует об осведомленности преступника относительно его стоимости или особых свойств; 3) в случаях, когда предмет, которым завладели, имеет особые свойства; 4) когда предмет посягательства указывает на особые цели преступника; 5) когда к предмету посягательства имеет доступ ограниченный круг лиц³. Иными словами, признаки предмета преступного посягательства в криминалистических характеристиках преступлений могут иметь различные связи, например: «предмет преступного посягательства» – «способы совершения преступления» – «данные о личности преступника»⁴. Таким образом, предмет преступления, на который направлена активность преступника, выступает системообразующим фактором, позволяющим объединить определенные

преступления в единую, общую с криминалистической точки зрения группу преступлений⁵ по разглашению профессиональных тайн. Установление природы предмета посягательства в указанных категориях преступлений является необходимым условием построения криминалистической характеристики таких преступлений как важного структурного компонента частной криминалистической методики.

Современные исследования ученых-криминалистов свидетельствуют о наличии двух подходов к пониманию сущности предмета преступного посягательства – узкого и широкого. Традиционный (узкий) подход подразумевает то, что предметом преступного посягательства является материально фиксированный объект, подвергающийся противоправному физическому и (или) психологическому воздействию со стороны виновного лица, и влечет за собой общественно опасные последствия или создает угрозу их наступления⁶. М. В. Салтевский убежден, что предметом преступных посягательств являются разнообразные физические объекты, которые возможно охарактеризовать с помощью признаков их агрегатного состояния, потребительского предназначения, физико-химических свойств⁷. Таким образом, ученые-криминалисты, исследуя особенности предмета преступного посягательства, отдают предпочтение вещам (объектам) материального мира и признакам (свойствам), которые характеризуют их. К таким свойствам (признакам) В. Ф. Ермолович относит, в частности, вид, назначение, категорию, особенности предмета (размер, вес, плотность и т.д.), а также особенности сопутствующих объектов (упаковки, тары) и способность при взаимодействии с другими предметами к изменениям и фиксации этих изменений⁸. Соответственно представители традиционного подхода к общим признакам предмета преступного посягательства относят следующие признаки. Во-первых, в качестве предмета преступления всегда выступает любой материально фиксированный объект как элемент реальной действительности (предмет, документ и т.п.). Во-вторых, этот объект представляет собой относительно самостоятельную, сложную систему, которая закономерно связана с другими элементами криминалистической характеристики преступлений, механизмом совершения и отражения преступления. В-третьих, в результате преступно-

го воздействия на предмет преступления причиняется вред общественным отношениям, которые защищаются законом. В-четвертых, в связи с тем, что он вовлечен в механизм преступления, предмет посягательства играет роль следообразующего и следовоспринимающего объекта, становясь в определенных условиях носителем уголовно-релевантной информации, что и определяет его познавательную значимость в уголовном судопроизводстве⁹.

Анализ современных криминалистических исследований, посвященных тактике и методике расследования отдельных видов преступлений, позволил выявить формирование среди как ученых-криминалистов, так и практических работников правоохранительных органов нового более «широкого» подхода к сущности «предмета преступного посягательства». Речь в основном идет о криминалистических характеристиках преступлений и частных криминалистических методиках расследования преступлений, предметом посягательства которых выступает определенная информация¹⁰. Не все ученые-криминалисты считают целесообразным существование «широкого» подхода к пониманию сущности предмета преступного посягательства. Например, А. Ж. Иманалиева утверждает, что предметом преступления может быть только субстрат, несущий информацию об обстоятельствах события преступления и его участниках, т.е. материальный объект. Ученый убежден, что попытки расширения представлений о предмете преступления путем включения в него нематериальных явлений следует признать безосновательными¹¹. Однако с таким утверждением сложно согласиться в силу следующих причин. Сегодня в правоприменительной практике фигурируют разные виды тайн, которые охраняются от незаконного использования и разглашения уголовным законом и которые не всегда находят воплощение в материальной субстанции (носителе), а лишь отражаются идеально в памяти человека. Закономерно возникает вопрос, что в таком случае является предметом преступного посягательства. А. Ж. Иманалиева отмечает, что компьютерная информация может быть предметом преступления не сама по себе, а лишь когда она тесно связана с материальным носителем и именно в связи со своим носителем она приобретает материальные свойства, становится материальной субстанцией¹².

Безусловно, материальное отражение информации имеет большое значение для процесса расследования преступлений. При этом не следует забывать, что информация не всегда материально фиксируется лицом, получающим ее. Примером этого служит деятельность врача, который является носителем профессиональной тайны и соответственно обязан сохранить в секрете полученную от пациента информацию независимо от того, отображена она или нет в материальном носителе. Процесс документальной фиксации полученной информации (в письменной или электронной медицинской карте) не всегда распространяется на все сообщенные пациентом данные. Проведенным нами анкетированием 100 врачей и иных работников медицинских учреждений Украины было установлено, что врачебная тайна фиксируется на определенном материальном носителе, но не всегда – об этом сообщили 44 % опрошенных. При этом 43 % респондентов утверждают, что врачебная тайна фиксируется всегда, а 13 % опрошенных настаивают на полном отсутствии какой-либо фиксации указанной профессиональной тайны. И это при условии, что современный письменный документооборот в медицинских учреждениях Украины составляет более 500 различных медицинских форм. Переход же Украины к электронным медицинским картам и другим электронным информационным системам является незначительным, почти отсутствующим. Соответственно врачебная тайна может как отражаться в письменных или электронных документах, так и не отражаться в них вовсе. Названная информация при непосредственном устном общении отражается только идеально – в памяти человека. Примером сказанного может послужить первый в Украине случай привлечения к уголовной ответственности лица за разглашение врачебной тайны. В частности, в 2013 г. медицинский сотрудник был осужден за разглашение ВИЧ-статуса лица. Фельдшером-лаборантом при непосредственном общении с лицами на родительском собрании в школе был разглашен ВИЧ-статус бывшего воспитанника детского дома, кстати говоря, спустя определенное время после его усыновления. Данное преступное деяние было подтверждено множественными свидетельскими показаниями, а суд, признав виновным медработника, лишил его права заниматься меди-

цинской практикой сроком на один год и оштрафовал его на 17 000 грн.

В современных условиях предметом преступного посягательства законодатель называет информацию, которая может отражаться как идеально, так и материально. Указанные обстоятельства способствуют переосмыслению представлений о содержании понятия «предмет преступного посягательства». Справедливо, на наш взгляд, отмечает А. Е. Радутный, что информация выступает предметом общественных отношений, охраняемых уголовным правом от преступного посягательства. Информация является элементом общественных отношений, который подвергается непосредственному преступному воздействию и является предметом последнего. Информация подвергается преступному воздействию (определенным изменениям), когда в отношении нее осуществляются такие противоправные действия, как, например, собирание, разглашение, хищение¹³. В преступлениях, предметом которых является информация, речь прежде всего идет о ее качественных характеристиках и только потом о ее внешней форме, которая может воплощаться в материальном носителе (документе). Соответственно следует согласиться с утверждением А. Е. Радутного о том, что информация как содержание, наполняющее форму, не может быть сведена к материальным носителям, к вещественной оболочке. Более того, вещественная оболочка информации (носитель информации) сама по себе без наполнения ее информацией интереса может и не представлять¹⁴. Для описания указанной в законе тайны как предмета конкретного преступления наряду с иными признаками¹⁵ вместо физического признака может быть использован *объективный* (явление объективного мира)¹⁶. Любую тайну как явление правовой действительности возможно рассматривать в трех аспектах: 1) как информацию ограниченного доступа; 2) как правовой институт; 3) как вид правового режима информации. Таким образом, сегодня есть все основания признать информацию, прямо указанную в законе (коммерческая, банковская или другие тайны), предметом преступления. При этом, отмечает А. Е. Радутный, информация как разновидность бытия не противопоставляется вещам, а раскрывает материальную сущность предмета преступления глубже, поскольку материя – это не только вещи,

но и объективная реальность, существующая вне и независимо от человеческого сознания, и отражается им¹⁷.

Информация – это результат отражения и обработки в человеческом сознании многообразия окружающего мира, это сведения об окружающих человека предметах, явлениях природы, деятельности других людей и т.д.¹⁸ Р. С. Белкин утверждает, что сам процесс возникновения информации является процессом отражения, а ее возникновение – результат этого процесса¹⁹. Появление и существование информации предопределяет наличие не менее трех, а чаще четырех элементов: 1) источник информации (объект, который познается); 2) пользователь; 3) среда, передающая информацию между первым и вторым (информационный сигнал)²⁰. Всякую информацию можно охарактеризовать с точки зрения ее объективности, достоверности, ценности, полноты, актуальности, ясности и полезности²¹. Таким образом, предметом преступного посягательства может выступать информация как особое явление объективного мира, которое отражается в определенных носителях (материальных и идеальных), воздействуя на которые лицо посягает на общественные отношения.

Предметом преступного посягательства при разглашении профессиональных тайн является информация как содержательное наполнение профессиональных тайн. Особенностью преступлений данной категории является то, что такая информация может отражаться материально или, наоборот, только идеально. Материальными носителями в разглашениях профессиональных тайн выступают документы. Документ – это материальный объект, в котором зафиксированы сведения о каких-либо фактах, предполагаемых или происходивших. В криминалистике различают следующие виды документов: 1) письменные (тексты, цифры и другие записи); 2) графические (чертежи, рисунки, схемы); 3) фотодокументы; 4) кино- и видеодокументы; 5) фотодокументы; 6) электронные документы²². Идеальными отражениями профессиональной тайны являются следы памяти человека, которые являются особой формой сохранности информации, ранее воспринимаемой человеком при непосредственном общении, в частности устном. Каждый факт разглашения профессиональных тайн имеет особенности проявления предмета преступного посягательства, в частности

отдельные профессиональные тайны могут приобретать либо не приобретать форму документа.

Интересными являются факты разглашения профессиональных тайн путем обнародования фотодокументов, кино- и видеодокументов. Примером может послужить резонансное преступление по обвинению группы лиц в изнасиловании²³, совершенное в г. Николаеве, расследуя которое сотрудники правоохранительных органов МВД в Николаевской области разгласили следственную тайну местным СМИ. После этого видеозапись допроса одного из подозреваемых была обнародована на интернет-портале «Yotube»²⁴, которую просмотрели более 200 тыс. человек. Разглашение тайны следствия вызвало резонанс среди как местного населения, так и руководства МВД Украины и способствовало оказанию давления на следственных сотрудников. По словам министра МВД Украины В. Захарченко, «субъективного мотива со стороны работников прокуратуры или милиции не было установлено, были просчеты со стороны наших подчиненных относительно профессионализма и качества тех действий, которые ими проводились»²⁵. Однако, несмотря на резонанс, вызванный в обществе указанным уголовным делом, виновные в разглашении следственной тайны понесли лишь дисциплинарную ответственность. Причинами этого, по нашему мнению, являются, во-первых, коррумпированность, а также круговая порука среди сотрудников правоохранительных органов. Сегодня информация, которая составляет следственную тайну, часто становится предметом купли-продажи, особенно в резонансных уголовных делах²⁶. Во-вторых, проблема усугубляется еще тем, что сами журналисты имеют право, согласно действующему законодательству, не раскрывать источник информирования, ссылаясь на профессиональную тайну, что значительно осложняет процесс расследования фактов разглашения профессиональных тайн. В орбиту уголовного судопроизводства попадает широкий перечень профессиональных тайн, в частности адвокатская тайна, тайна нотариальных действий, тайна усыновления, тайна судебного эксперта, банковская, коммерческая тайна, аудиторская, налоговая тайна, журналистская, тайна исповеди, тайна связи (переписки, телефонных и иных переговоров). Таким образом, представители определенных профессий, прикрываясь этическими нормами

и обязанностью сохранения профессиональной тайны, могут скрывать свою осведомленность или причастность к совершенному преступлению. Преступники, указывает А. Е. Маслов, с целью противодействия эффективному расследованию их деятельности, часто используют правовые ограничения, обеспечивающие тайну информации. В частности, руководители коммерческих структур, журналисты, работники правоохранительных органов и адвокаты создают препятствия при выдаче компрометирующей их информации, ссылаясь на необходимость сохранения тайн²⁷. Проанкетированные нами 100 следователей органов МВД, СБУ и прокуратуры указали, что следственным сотрудникам в процессе раскрытия и расследования преступлений часто приходится знакомиться с различными профессиональными тайнами, а именно: с врачебной тайной – 11 %; банковской и коммерческой – 12 %; с тайной связи (тайна переписки, телефонных переговоров) – 11 %, а 8 % опрошенных сталкивались в их практической деятельности с тайной страхования, аудиторской тайной, нотариальной тайной и иными профессиональными тайнами. При этом, отвечая на поставленный вопрос, следственные сотрудники прибегали к различным комбинациям указанных видов профессиональных тайн, а именно: 1) банковская, коммерческая, врачебная – 14 %; 2) банковская, коммерческая, тайна связи – 16 %; 3) банковская, коммерческая, тайна связи, врачебная тайна – 14 %; 4) тайна связи, врачебная тайна – 6 %. Проведенное нами интервьюирование следователей органов МВД, СБУ и прокуратуры также свидетельствует, что подобного рода «ознакомления» с профессиональными тайнами не всегда носят законный характер. Таким образом, предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений при разглашении профессиональных тайн имеет свои особенности. Так, профессиональные тайны отражаются материально (в письменном, электронном носителе) или идеально, что зависит от особенностей определенного вида профессиональной деятельности, осуществляемой в конкретной сфере общественных отношений. Исследовав отдельные подвиды преступлений по разглашению профессиональных тайн, возможно проследить указанные особенности.

¹ В частности, можно назвать такие составы преступлений: 1) разглашение сведений о мерах безопасности в отношении лица, взятого под защиту (ст. 381 УК Украины); 2) разглашение данных оперативно-розыскной деятельности, предварительного расследования (ст. 387 УК Украины); 3) нарушение установленных гарантий деятельности и профессиональной тайны защитника или представителя лица (ст. 397 УК Украины); 4) разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 168 УК Украины); 5) разглашение сведений о проведении медицинского обследования на выявление заражения ВИЧ или иной неизлечимой инфекционной болезни (ст. 132 УК Украины); 6) незаконное разглашение врачебной тайны (ст. 145 УК Украины); 7) разглашение в любом виде информации, которая, в соответствии с законом, предоставляется уполномоченному центральному органу исполнительной власти со специальным статусом по вопросам финансового мониторинга, лицом, которому эта информация стала известна в связи с профессиональной или служебной деятельностью (ч. 2 ст. 209¹ УК Украины); 8) незаконный сбор с целью использования или разглашения сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 231 УК Украины); 9) разглашение коммерческой или банковской тайны (ст. 232 УК Украины); 10) умышленное незаконное разглашение инсайдерской информации (ст. 232-1 УК Украины).

² См.: Криміналістика : підручник / кол. авт.: В. Ю. Шепітько, В. О. Коновалова, В. А. Журавель та ін. ; за ред. проф. В. Ю. Шепітька. 4-е вид., перероб. і доп. Харків, 2008. С. 278.

³ См.: *Шермет А. П.* Криміналістика : навчальний посібник. Київ, 2005. С. 343.

⁴ См.: Криміналістика : підручник / кол. авт.: В. Ю. Шепітько, В. О. Коновалова, В. А. Журавель та ін. ; за ред. проф. В. Ю. Шепітька. С. 278.

⁵ См.: *Иманалиева А. Ж.* Проблемы криминалистического учения о предмете преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 19.

⁶ См.: Там же. С. 12.

⁷ См.: *Салтевський М. В.* Криміналістика : підручник у 2 ч. Харків, 2001. Ч. 2. С. 268.

⁸ См.: *Ермолович В. Ф.* Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001. С. 153.

⁹ См.: *Иманалиева А. Ж.* Проблемы криминалистического учения о предмете преступления : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

¹⁰ См.: *Кузьмічова Є. В.* Охорона лікарської таємниці у кримінальному процесі України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ірпінь, 2012 ; *Лісогор В. Г.* Криміналістичне забезпечення збереження таємниці досу-

дового слідства : наук.-практ. посібник. Донецьк, 2005 ; *Маслов А. Е.* Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Воронеж, 2001 ; *Новикова М. А.* Расследование разглашения данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009 ; *Іващенко В. М.* Окремі положення методики розслідування незаконного збирання та розголошення комерційної таємниці // Право і суспільство. 2006. № 2. С. 50–58 ; *Шапалова А. О.* Забезпечення охорони банківської таємниці у кримінальному процесі України : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Київ, 2009.

¹¹ См.: *Иманалиева А. Ж.* Проблемы криминалистического учения о предмете преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 10.

¹² См.: Там же. С. 9.

¹³ См.: *Радутний О. Е.* Кримінальна відповідальність за незаконне збирання, використання та розголошення відомостей, що становлять комерційну або банківську таємницю : монографія. Харків, 2008. С. 91.

¹⁴ См.: Там же. С. 93–94.

¹⁵ *Социальный признак* характеризует значимость информации для субъектов общественных отношений. При этом полезные свойства такой информации (позволяющие удовлетворить информационную потребность) не могут быть сведены к ценности ее носителя. *Юридический признак* указывает на ее обязательность как элемента преступления в случае прямого указания в законе или однозначности толкования его содержания. *Объективный признак* указывает на реальность существования этого явления независимо от человеческого сознания и возможности быть им отраженным (см.: *Радутний О. Е.* Кримінальна відповідальність за незаконне збирання, використання та розголошення відомостей, що становлять комерційну або банківську таємницю : монографія. Харків, 2008. С. 96).

¹⁶ См.: Там же. С. 96–97.

¹⁷ См.: Там же. С. 94–95.

¹⁸ См.: *Шикаренко І. Р., Голубев В. О., Карчевський М. В., Харабєрюш І. Ф.* Злочини в сфері використання комп'ютерної техніки : кваліфікація, розслідування та протидія : монографія. Донецьк, 2007. С.10.

¹⁹ См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1 : Общая теория криминалистики. С. 121.

²⁰ См.: Там же. С. 120.

²¹ См.: *Бірюков В. В.* Теоретичні основи інформаційно-довідкового забезпечення розслідування злочинів : монографія. Луганськ, 2009. С. 120.

²² См.: Настільна книга слідчого : наукове видання / М. І. Панов [та ін.] ; ред. кол. В. Я. Тацій [та ін.] ; Національний університет «Юридич-

на академія України ім. Я. Мудрого». 3-те вид., перероб. і доп. Київ, 2011. С. 35.

²³ Преступление, совершенное против потерпевшей М. было квалифицировано по ч. 2 ст. 115 УК Украины (умышленное убийство), ч. 2 ст. 152 УК Украины (изнасилование, совершенное группой лиц), п. 9 ч. 2 ст. 152 УК Украины (убийство, совершенное с целью сокрытия другого преступления, сопряженное с изнасилованием).

²⁴ См.: «Допрос подозреваемого в изнасиловании в Николаеве». URL: https://www.youtube.com/watch?v=8ldL-muNK_k (дата обращения: 08.10.2013).

²⁵ См.: «Дії правоохоронців Миколаївщини отримали жорстку та принципову оцінку». URL: <http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/732868> (дата обращения: 08.10.2013).

²⁶ Из материалов интервьюирования следственных сотрудников МВД в Николаевской области стало известно, что участились случаи предоставления информации, которая является предметом следственной тайны СМИ за определенное денежное вознаграждение. Так, выявлены факты продажи судебным экспертом и специалистом документов (фото документов) с целью их дальнейшего опубликования на интернет-портале СМИ Николаевской области.

²⁷ См.: *Маслов А. Е.* Противодействие расследованию как детерминант создания и функционирования института тайны предварительного расследования // Принцип презумпции невиновности и его значение на современном этапе : сб. науч. тр. / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград, 2001. С. 84.

Е. И. Резникова

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИКИ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Залогом успешного раскрытия и расследования преступлений является углубленное исследование жертвы преступления (потерпевшего от преступления). Для криминалистов жертва преступления (потерпевший) в информационном плане всегда занимала «особое место» в процессе познания преступного

события. Сложность изучения жертвы преступления (потерпевшего) в криминалистическом аспекте заключается в том, что она может рассматриваться как в качестве субъекта – участника уголовного судопроизводства, так и в качестве объекта, изучение которого позволяет установить новую информацию в уголовном производстве. Являясь объектом преступного воздействия, жертва преступления (потерпевший) может также осуществлять определенное влияние на ход и результаты как преступного события, так и уголовного производства.

По мнению В. Ю. Шепитько, личность потерпевшего – достаточно сложная в криминалистическом отношении фигура. Она отличается по своим криминалистически значимым характеристикам (признакам) в зависимости от проявления ролевой функции, вида и категории преступного посягательства. В механизме совершения преступления существует взаимосвязь личности преступника и жертвы – важная проблема, которой ученые-криминалисты уделяли и продолжают уделять значительное внимание¹.

Развитие и усовершенствование криминалистических положений о жертве преступления (потерпевшем) происходят как за счет собственно криминалистических исследований, так и посредством применения результатов исследований других областей знаний. Так, В. Е. Коновалова утверждает, что интеграция научных знаний на позднем этапе развития науки приобретает внешний характер, т.е. развитие науки происходит за счет выявления ее взаимосвязи с другими науками, данные которых могут быть адаптированы к исследованиям криминалистики².

Сегодня знания и достижения виктимологии активно интегрируются в систему криминалистики. В свое время Л. В. Франк писал: «Виктимология обращает основное внимание на необходимость всестороннего учета фактора жертвы, на ее межличностные связи и отношения до, во время и после совершения преступления. Особый интерес для виктимологии представляет так называемая «виновная» жертва, так как многие преступления в определенной степени обусловлены поведением самих жертв»³. С помощью интеграции виктимологических знаний в систему криминалистики положения последней о жертве преступления (потерпевшем) значительно обогатились. Виктимо-

логические исследования позволили перейти от статистического, одностороннего изучения свойств и признаков преступника к динамическому, ситуативному подходу, который рассматривает преступное поведение как результат динамических процессов взаимодействия⁴.

Методологическими принципами криминалистического исследования личности потерпевшего (жертвы преступления), по нашему мнению, стали следующие положения виктимологии:

1) преступления против личности необходимо рассматривать в виде триады (преступник – преступление – жертва), из которой без ущерба для познания нельзя вычеркнуть характеристики последнего элемента;

2) специфичность жертвы преступления, восприятие ее как самостоятельного сложного объекта исследования;

3) всесторонний комплексный подход к изучению личности и поведения жертвы не только во время преступного посягательства и до него, но и в последующий период;

4) важность изучения межличностных связей и отношений потерпевшего, его образа жизни, особенно связей и взаимоотношений с лицом или лицами, совершившими преступление;

5) обязательный учет роли и влияния потерпевшего на развитие преступного события⁵.

По мнению В. Е. Коноваловой, интеграция научных знаний предполагает не только их адаптацию, но и, что более важно, – развитие собственных концепций, возникающих на базе использования данных других отраслей знаний. Такая интеграция является базой для возникновения и развития новых направлений в науке⁶. Так, с возникновением виктимологии и применением ее достижений в криминалистических целях в теории последней все чаще стали возникать новые категории: «криминалистическая виктимология», «виктимологический подход в криминалистике», «виктимологические аспекты криминалистики», «виктимологический анализ», «виктимологические данные», «виктимологический метод» и др. Эти категории (их сущность) являются свидетельством активной интеграции виктимологических знаний в систему криминалистики.

Яркими примерами творческого использования виктимологических знаний в криминалистических целях, по нашему мнению, выступают относительно новая криминалистическая

концепция виктимологического анализа и частная криминалистическая теория – криминалистическая виктимология. Именно эти теоретические разработки объединили в себе огромный массив криминалистических знаний о потерпевшем (жертве преступления), которые, к сожалению, долгое время оставались фрагментарными и несистематизированными, укрепив их новыми методологическими принципами – знаниями виктимологии. Именно последняя указала на преступление как на некую систему, которая образуется в результате действия пары – преступника и жертвы, а также на жертву преступления как сложную систему, требующую самостоятельного полноценного исследования.

Сегодня криминалистическая виктимология – это система обобщенных научных положений о жертвах различных преступлений (потерпевших), которая включает систему знаний об их криминалистически значимых признаках, типичном поведении, взаимосвязи и взаимодействии как с лицами, совершившими преступления, так и с другими участниками уголовного производства; направленная на усовершенствование технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций по раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению уголовных производств. Виктимологический анализ, по нашему мнению, является специальным криминалистическим методом исследования преступления и деятельности по его раскрытию и расследованию, который реализуется через призму всестороннего изучения личности потерпевшего и имеет своим результатом установление сведений виктимологического характера. Он призван исследовать отдельную предметную область. Значение виктимологического анализа заключается в том, что он позволяет следователю и суду установить виктимологические данные, которые (в общем виде) служат основой для объективного, эффективного раскрытия и расследования преступлений и их судебного рассмотрения.

Категория «виктимологические данные» в криминалистике имеет специфическое содержание, определяемое предметом науки. Как криминалистические, так и криминологические исследования требуют для решения собственных задач и достижения целей этих наук установления определенного круга сведений о потерпевшем (жертве преступления). Каждое из

указанных направлений изучения личности жертвы преступления (потерпевшего) имеет собственные объемы и пределы исследования, которые определяются задачами, стоящими перед ними.

Фактически жертва преступления изучается всеми науками уголовного цикла, но при этом сведения о потерпевшем используются в совершенно разных направлениях. Безусловно, был прав Л. В. Франк, который писал: «В криминологии данные о потерпевшем используются, в основном, в целях профилактики, а в криминалистике данные о потерпевшем используются в целях раскрытия и расследования преступлений»⁷. Вопрос состоит лишь в том, существует ли разница между теми фактическими данными о жертве преступления (потерпевшем), которые устанавливаются для криминалистических и криминологических исследований. На наш взгляд, ответ очевиден – существует. Но перед тем как проанализировать ее, хотелось бы обратить внимание на тот момент, что, в принципе, как криминалисты, так и криминологи для проведения исследований в большинстве случаев стремятся установить одни и те же сведения о жертве преступления (потерпевшем): общие демографические, социально-психологические данные, данные об особенностях поведения, социальных связях, материальном положении, данные о деятельности жертвы преступления, преступном опыте, связях жертвы преступления и преступника. Все эти данные о жертве преступления можно отыскать и в криминалистических, и в криминологических исследованиях с той лишь разницей, что объемы и пределы изучения жертв преступлений в каждом случае определяются конкретными задачами и целями.

К примеру, криминалисты, изучая место происшествия и следовую картину совершенного преступления, должны установить анатомические, биологические и физиологические особенности потерпевшего, чтобы, во-первых, разграничить следы, оставленные самой жертвой, и следы, оставленные преступником на месте преступления, во-вторых, разобраться в механизме совершенного преступления и таким образом воссоздать полную «картину» совершенного преступления, роль в нем каждого его участника. Однако криминологов в их исследованиях не интересуют ни группа крови, ни отпечатки пальцев,

ни образцы почерка жертвы преступления, поскольку перед ними стоят совершенно другие задачи – разработка криминологических стратегий предотвращения преступлений, которые обязательно должны включать виктимологический аспект. Профилактика преступлений – вот главная задача криминологического исследования жертв преступлений, причем такая профилактика осуществляется не только на индивидуальном уровне, но и на групповом и массовом соответственно.

Так, по нашему мнению, безусловно, прав В. В. Голина, который пишет: «При определенном расхождении научных суждений относительно определения виктимологии, считаем, что ее предметом остается выявление качественно-количественных показателей жертв преступлений, процессы виктимизации и виктимности, а также обеспечение безопасности граждан от реальных либо потенциальных преступных проявлений. Речь идет не о руководящих принципах обращения с жертвами/потерпевшими, а именно о предотвращающем виктимологическом аспекте стратегии криминологической политики»⁸.

В научной литературе ранее уже предпринимались попытки дать определение категории «виктимологические данные». Так, по определению, предложенному С. Л. Шличите, виктимологические данные – это совокупность обстоятельств, характеризующих жертву преступления в качестве физического объекта, организма, личности, ее поведения до, во время и после совершения преступления, взаимоотношения жертвы с преступником, а также характер и размер причиненного преступлением вреда, который может быть моральным, физическим или материальным⁹. В. Е. Горбачева определяет виктимологические данные как совокупность обстоятельств, характеризующих потерпевшего в качестве физического объекта, организма, личности, его поведения до, во время и после совершения преступления, его взаимоотношения с преступником и их характер, а также характер и размер ущерба, нанесенного преступлением¹⁰. Предложенные определения практически идентичны (хотя и лишены некой системности), что говорит об однозначном понимании этой категории учеными. По нашему мнению, виктимологические данные – это система криминалистически значимой информации о личности жертвы преступления (потерпевшего), включающая сведения о ее анатомических, биологических, психологических и социальных

свойствах и качествах, ее поведении до, во время и после преступного посягательства, связях и отношениях с окружающими, размере и характере вреда, причиненного преступлением, и другие сведения, которые важны для установления личности (самой жертвы или преступника), фактической картины события преступления, решения тактических задач и проведения следственных (розыскных) действий в процессе его раскрытия и расследования, а также использования в целях осуществления криминалистической профилактики.

Анкетированием следователей было установлено, что, по мнению практических работников, для успешного раскрытия и расследования преступления необходимо устанавливать такие сведения о потерпевшем: общие демографические данные – 12 %; социально-психологические данные – 38 %; данные о деятельности и материальном положении – 55 %; данные о социальных связях – 50 %; данные об особенностях поведения жертвы преступления (потерпевшего), сведения о ее виктимности – 44 %; преступный опыт – 15 %; сведения иного рода – 1 % опрошенных респондентов. Удивительным для нас оказался тот факт, что всего лишь 4 % опрошенных указали на необходимость устанавливать все вышеперечисленные сведения о потерпевшем¹¹. Такой «шаблонный» подход к раскрытию и расследованию преступлений против личности, когда следователи собирают определенный «минимум» виктимологических данных в процессе уголовного производства, связан, во-первых, с формализацией уголовного производства, во-вторых, с возможной профессиональной деформацией работников правоохранительных органов либо же с недостаточной их профессиональной подготовкой. Причины «пренебрежения» виктимологическими данными, по нашему мнению, в следующем: во-первых, задача по изучению личности жертвы преступления – одна из самых непростых в уголовном производстве; во-вторых, недостаточно осознаются те возможности, которые открываются перед сотрудниками правоохранительных органов при криминалистическом использовании виктимологических данных.

Установление виктимологических данных в уголовном производстве тесно связано с психологией следственной деятельности. Интересными представляются проблемы, связанные с криминалистическим изучением жертв преступлений (потер-

певших), рассмотренные американским ученым Б. Турвэем (Brent E. Turvey) в работе «Criminal Profiling: An Introduction to Behavioral Evidence Analysis». По мнению ученого, при изучении жертв преступления как следователь, так и профайлер (profiler) сталкиваются с рядом проблем, в частности, эмоциональных и психологических. Жертву преступления «раскладывают по полочкам» и рассматривают как объект. Тело жертвы, пережитые ею ужасные события рассматривают в качестве доказательств. При таком подходе отсутствует «эмоциональная составляющая» криминалистического изучения потерпевшего. Следователь отстраняется от того факта, что перед ним человек, и таким образом ограждает себя от воздействия эмоций и чувств жертвы преступления, ее боли и страданий. В подобном случае возникает риск утратить «человечность» процесса раскрытия и расследования преступления, поскольку детальное изучение и эмоциональная отчужденность требуют постоянного укрепления восприятия жертвы преступления лишь как объекта познания.

Однако, с другой стороны, если чересчур «гуманизировать» восприятие жертв преступления, то возникает риск увидеть в них собственных детей, родителей, супругов и друзей, что, в свою очередь, может поставить под вопрос объективность процесса раскрытия и расследования преступления либо негативно повлиять на эмоциональное состояние и психическое здоровье работников правоохранительных органов. Когда следователи «пересекают черту» и отождествляют себя с жертвами преступления, они чувствуют себя их защитниками, таким образом, грань между деятельностью по раскрытию и расследованию преступления и адвокатской деятельностью попросту стирается. В подобных случаях опытные профессионалы перестают обращать внимание на существование негативных обстоятельств, явную ложь. В то время как следователь, работая по конкретному уголовному производству, обязан осознавать свою ответственность за качественно выполненную работу, которая, ко всему прочему, имеет сложный эмоциональный и психологический аспекты¹².

Процесс раскрытия и расследования преступлений – профессиональная деятельность следователей, оперативно-розыскных сотрудников, судей, которая зачастую носит характер каж-

додневной рутинной работы. При этом преступление является не только объектом их профессиональной деятельности, но и конкретным фактом жизни отдельно взятого человека – жертвы преступления (потерпевшего). Следовательно, профессиональная деятельность правоохранительных органов во многом влияет на полноценность психологической реабилитации потерпевшего, поскольку торжество справедливости и заслуженное наказание преступника – факторы, которые способствуют такой реабилитации.

Важность и значимость установления виктимологических данных при раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений заключается в том, что их правильное использование открывает широкие возможности в установлении истины по каждому отдельному уголовному делу. Обобщая все возможные криминалистические направления использования виктимологических данных в целях раскрытия и расследования преступлений, предложенные в криминалистической литературе, и полученные нами данные в результате проведенного анкетирования¹³, можем сделать следующие выводы.

Конкретными направлениями использования виктимологических данных в процессе раскрытия, расследования, а также судебном рассмотрении преступлений являются: 1) выдвижение следственных, розыскных версий и планирование расследования; 2) прогнозирование поведения потерпевшего в ходе досудебного расследования и судебного производства по делу; 3) разработка классификаций следственных ситуаций с учетом криминалистической типологии жертв преступлений (потерпевших); 4) обеспечение планирования и избрание эффективной тактики проведения следственных (розыскных), негласных действий, оперативно-розыскных мероприятий и судебных действий (как с участием потерпевшего, так и без него); 5) установление причин и условий совершения преступления, обусловленных личностью и поведением потерпевшего; 6) прогнозирование, устранение и предупреждение негативного воздействия на потерпевшего со стороны лиц, не заинтересованных в законном разрешении дела; 7) выявление либо предположение существования латентных жертв преступлений, пострадавших от действий одного и того же лица, а также установление причастности подозреваемого (обвиняемого) к

преступлениям, которые ранее остались нераскрытыми; 8) установление значения следов потерпевшего в следовой картине преступления.

Таким образом, использование виктимологических данных в криминалистических целях возможно на двух уровнях – теоретическом и практическом. На теоретическом уровне виктимологические данные используются в целях решения задач, стоящих перед криминалистикой как наукой, разными разделами, теориями и концепциями криминалистики в обобщенном, типизированном виде (например, в криминалистической характеристике преступлений). Практический же уровень использования виктимологических данных – это их использование в деятельности по раскрытию и расследованию конкретных преступлений, в частности, во время выдвижения следственных версий, при установлении психологического контакта и избрании оптимальной тактики проведения следственных действий.

¹ См.: *Шепітько В. Ю.* Вивчення особи потерпілого в криміналістичних цілях : напрямки та межі // Державна політика у сфері захисту прав потерпілих від кримінальних правопорушень в Україні : матеріали «круглого столу», 25 квіт. 2013 р. / редкол. : В. І. Борисов (голов. ред.), Б. М. Головкін (заст. голов. ред.) та ін. Харків, 2013. С. 19.

² См.: *Коновалова В. О.* Вибрані твори // Криміналістика : процеси диференціації та інтеграції наукових знань. Харків, 2010. С. 50.

³ *Франк Л. В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 7.

⁴ См.: Виктимология : учеб. пособие / В. Г. Ившин, С. Ф. Идрисова, Л. Г. Татьяна. М., 2011. С. 4.

⁵ См.: *Центров Е. Е.* Основы криминалистического учения о потерпевшем : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 16.

⁶ См.: *Коновалова В. О.* Вибрані твори // Криміналістика : процеси диференціації та інтеграції наукових знань. Харків, 2010. С. 50.

⁷ *Франк Л. В.* Указ. соч. С. 78.

⁸ *Голіна В. В.* Віктимологія як ресурс проблеми впровадження і модернізації // Державна політика у сфері захисту прав потерпілих від кримінальних правопорушень в Україні : матеріали «круглого столу», 25 квіт. 2013 р. С. 24.

⁹ См.: *Шлихте З. Л.* Использование виктимологических данных адвокатом в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1979. С. 6.

¹⁰ См.: Горбачева Е. В. Виктимологические аспекты в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1981. С. 14.

¹¹ См.: Результаты проведенного анкетирования 100 следователей органов МВД Украины, СБУ, прокуратуры Николаева и Николаевской области.

¹² См.: *Turvey Brent E. Criminal Profiling : An Introduction to Behavioral Evidence Analysis, Fourth Edition, Forensic Solutions, LLC Sitka, Alaska, USA, 2012. P. 168.*

¹³ Анкетированием следователей МВД Украины, СБУ, прокуратуры Николаева и Николаевской области было установлено, что, по мнению практических работников, «подробное изучение личности жертвы преступления (потерпевшего) помогает»: 1) выдвигать версии о личности преступника и мотивах совершения преступления – 69 %; 2) эксперту – создать психологический портрет (профиль) преступника – 15 %; 3) эффективно планировать и избрать тактику проведения следственных (розыскных) действий, негласных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, судебных действий – 30 %; 4) выяснить причины и условия совершения преступления – 38 %; 5) прогнозировать поведение потерпевшего в ходе досудебного следствия и судебного рассмотрения дела – 11 %; 6) избрать и осуществить оптимальные меры, направленные на обеспечение безопасности потерпевшего – 3 %; на все вышеперечисленные варианты указали всего 1 % опрошенных респондентов. Негативным стал тот факт, что среди опрошенных респондентов всего 55 % отмечали несколько предложенных направлений использования виктимологических данных, а 45 % – выбирали только одно из предложенных направлений.

Е. В. Ринчиндоржиев

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Противодействие расследованию преступлений всегда сопутствовало совершению преступлений. Из простых форм (осуществить деяние без свидетелей, замаскировать свою внеш-

© Ринчиндоржиев Е. В., 2014

ность и т.п.) оно переросло в систему профессионального и открытого противодействия деятельности государства по борьбе с преступностью.

Современное противодействие раскрытию преступлений изменилось как качественно (новые формы, средства и методы его осуществления), так и количественно. Если ранее считалось, что средств и методов работы следователей и оперативных работников достаточно для выявления и преодоления хитростей и уловок преступников, то теперь им противостоит не просто более профессиональный и оснащенный современными техническими возможностями преступник, а зачастую организованная преступность, ориентированная на борьбу с государством. Особенно ярко это проявлено в сфере оборота наркотических средств как одного из самых прибыльных видов криминальной деятельности.

Норма прибыли в наркобизнесе в среднем колеблется от 300 до 2000 %, а для некоторых видов наркотиков достигает даже 10 тыс. %. Это означает, что за каждый доллар, вложенный в этот бизнес, наркодельцы получают сотни, если не тысячи, долларов прибыли! В экономике норма прибыли свыше 100 % считается сверхприбылью. Наркотики же приносят «суперсверхприбыль», конкурируя в этом смысле с доходами от продажи оружия. За 10 тыс. % наркодельцы не просто продадут наркотики, но уничтожат большую часть человечества – без всяких моральных терзаний и прочих «глупостей», мешающих бизнесу¹. Кроме того, эта прибыль поступает и реализуется незаконно, т.е. в обход государственного контроля, а потому может использоваться, не взирая ни на какие нормы и законы международного права и общечеловеческой морали.

По данным Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, в настоящее время мировой оборот наркоденег составляет порядка 800 млрд долларов, что сопоставимо с влиянием на мировую экономику нефти и газа.

Антинаркотическая деятельность государств в среднем приводит к обнаружению и изъятию из незаконного оборота лишь от 0,1 до 1 % денег, участвующих в наркообороте.

Как говорилось ранее, операции с наркотиками приносят от 300 до 2000 % прибыли, что делает их привлекательными как для транснациональных преступных организаций, так

и местных групп преступников, чьей целью является получение максимальной прибыли в короткие сроки. Известно, что 70 % денег, находящихся в руках криминальных группировок, получены именно от наркобизнеса².

Можно представить, какой комплекс мер противодействия расследованию применяют преступники в сфере незаконного оборота наркотиков, чтобы не лишаться таких баснословных доходов и, естественно, не понести ответственности за совершаемые преступления.

Изучение средств и форм противодействия расследованию не может в настоящее время ограничиваться исследованием способов сокрытия и фальсификации следов преступления, лжесвидетельства, отказа от показаний и т.п., поскольку одним из основных направлений современного противодействия выступают самые различные формы оказания давления (воздействия) на всех лиц, от поведения и показаний которых зависит возможность установления истины по расследуемым делам (потерпевшего, свидетеля, следователя, эксперта и т.д.).

Противодействие расследованию может выражаться в нескольких случаях:

1) допрашиваемый (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, эксперт, специалист, сбытчик или покупатель) отказывается от дачи показаний или дает заведомо ложные показания; также сюда относятся случаи неявки на допрос без уважительных причин;

2) лицо оказывает давление на участников процесса или их родственников, близких с целью заставить их занять по делу ту или иную позицию; такое часто встречается при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных организованными преступными группами или преступными сообществами;

3) лицо (следователь, дознаватель, прокурор или защитник) фальсифицирует доказательства;

4) эксперт или специалист дает заведомо ложное заключение;

5) лицо, предупрежденное в установленном законом порядке о неразглашении данных предварительного расследования, разглашает их;

6) осуществляется сокрытие следов преступления (уничтожаются предметы, могущие быть вещественными доказательствами);

вами, документы, сами наркотические вещества, а также вещества и предметы, используемые при изготовлении некоторых видов наркотиков);

7) инсценируется несчастный случай, иное преступление, событие некриминального характера.

В некоторых исследованиях можно встретить более обширный перечень форм противодействия расследованию, куда, помимо названного, включены симуляция заболеваний, наем на общегрупповые средства высококвалифицированных адвокатов, установление нелегальных каналов связи с арестованными членами организованной преступной группировки для согласования линии поведения и т.д.³

Оказывать противодействие могут любые лица, как относящиеся, так и не относящиеся к категории участников уголовного процесса. При этом мотивы противодействия могут быть самыми разными: желание уйти от ответственности, скрыть какие-либо факты, получить выгоды имущественного или неимущественного характера.

Результаты, которых желают добиться в процессе воздействия на участников процесса обвиняемые и другие заинтересованные лица, довольно подробно описаны в работе А. Ю. Епихина. К ним, в частности, относятся: принятие благоприятного процессуального решения, освобождение задержанного или арестованного из-под стражи, освобождение от уголовной ответственности виновного лица и др.⁴

Особое место в негласной системе противодействия расследованию преступлений по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, занимает незаконное противодействие защитника. На практике иногда бывает сложно отличить законные средства и способы защиты от незаконных. Так, анализируя влияние адвоката-защитника на показания подозреваемого (обвиняемого), Ю. П. Гармаев называет критерии разграничения правомерного консультирования клиента и противоправного воздействия на него с целью дачи заведомо ложных показаний:

1) правомерное консультирование не может содержать советов и примеров, связанных с нарушениями закона, обманом, безнравственными и неэтичными поступками, иначе это следует расценивать как завуалированное «незаконное воздействие»;

2) правомерное консультирование, равно как и любое другое воздействие на подзащитного, не может ограничивать, подавлять или заменять его свободное волеизъявление; адвокат должен обеспечивать полную свободу и самостоятельность выбора поведения подзащитным⁵.

Согласно проведенным социологическим исследованиям, различные категории граждан выделили в качестве главных видов противодействия расследованию:

а) воздействие на участников уголовного судопроизводства (подкуп, угрозы, шантаж и т.д.) – 60,3 % следователей, 66,8 % студентов и 47,7 % граждан;

б) непосредственное давление на следователя – 47,3 % следователей и 45 % оперуполномоченных; сами встречались с активным противодействием расследованию 76,5 % оперуполномоченных, 75,4 % следователей, 54,6 % следователей и 50,4 % граждан.

Основной формой противодействия все опрошенные считают психологическое воздействие, а из конкретных форм, с которыми они встречались, по распространенности отметили:

а) воздействие на участников уголовного судопроизводства – начальник РОВД и граждане;

б) лжесвидетельствование – следователи и оперуполномоченные⁶.

Первенство среди мер, средств и методов преодоления противодействия следователи и оперуполномоченные отвели убеждению в бесплодности таких попыток.

Воздействие на практических работников может быть как непосредственным (прямым, открытым), так и опосредствованным (скрытым, замаскированным). К основным признакам опосредованного противодействия следователи отнесли безосновательное изъятие уголовного дела из производства, а оперуполномоченные – перевод на другой участок работы.

Следует отметить, что основным источником своей осведомленности о формах и методах противодействия и способах его нейтрализации все практические работники указывают личный опыт, а также опыт коллег по службе, что свидетельствует об отсутствии соответствующих теоретических разработок и рекомендаций по преодолению противодействия расследованию.

На нейтрализацию противодействия расследованию могут быть направлены также следственные действия или тактические операции. Например, к наиболее эффективным следственным действиям, проводимым для преодоления противодействия расследованию наркопреступлений, следователи отнесли:

1. Обыски и выемки (43,7 % опрошенных). В первую очередь это касается мест хранения наркотических средств, переработки, изготовления и т.п., а также мест потребления наркозависимыми наркотиков (притоны).

2. Личный обыск подозреваемого (38,5 %). Чаще всего проводится оперативными работниками в момент задержания так называемых курьеров либо потребителей и сбытчиков наркотиков.

3. Очную ставку (39,3 %) между сбытчиком и потребителем, свидетелем и сбытчиком, свидетелем и потребителем и т.п.

4. Контроль и запись переговоров (36,4 %). Осуществляется для выяснения всех обстоятельств подготавливаемого противоправного деяния в целях его пресечения и изобличения всех участников.

5. Предъявление для опознания (25 %) предметов, веществ, приспособлений и т.д.

6. Производство судебной экспертизы (18,8 %). Чаще всего – химической и дактилоскопической.

7. Следственный эксперимент и проверку показаний на месте (12,5 %) с целью установления места произрастания, сбора, сбыта, приобретения, потребления, изготовления наркотических средств.

8. Допрос подозреваемого (11,3 %)⁷.

¹ URL: <http://prpk.info/articles/istorija/osnovy-imperi-ili-nemnogo-iz-istori-narkobiznesa.html>

² URL: http://ria.ru/beznarko_help/20130626/828973392.html

³ См.: *Климов И. А., Синилов Г. К.* Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД // Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : материалы науч.-практ. конф. (г. Руза, 29–30 октября 1996 г.). М., 1997. С. 24–25.

⁴ См.: *Епихин А. Ю.* Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004. С. 222–223.

⁵ См.: *Гармаев Ю. П.* Влияние адвоката-защитника на показания подозреваемого (обвиняемого) : каковы его пределы? // Сибирский юридический вестник. 2003. № 2.

⁶ URL: <http://evcppk.ru/kriminalistika-problemy-i-mneniya/4439-protivodejstvie-rassledovaniyu.html>

⁷ См.: *Брылев В. И., Лях Л. А.* Преодоление противодействия расследованию // Научные труды. Н-34. Вып. 5 : в 3 т. / Рос. акад. юрид. наук. М., 2005. Т. 3. С. 343.

В. В. Степанов, М. А. Бабакова

ПОНЯТИЕ РОЗЫСКА И ЕГО ОБЪЕКТЫ

Наиболее важными задачами предварительного расследования как части уголовного судопроизводства являются защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК). Одним из условий их обеспечения является обнаружение местонахождения скрывшегося от следствия и суда преступника, а также розыск орудий преступления и иных предметов, имеющих значение для всестороннего и полного расследования преступления, выяснения всех обстоятельств его совершения. Вот почему розыскная работа следователя как в процессе расследования, так и по уголовному делу, приостановленному производством, должна занимать одно из важнейших мест в системе мер борьбы с преступностью¹. В целом по России в 2007 г. эффективность розыска преступников составила примерно 68 % (объявлено в розыск 238 682 преступника, не разыскано 76 959 лиц)². На июнь 2010 г. только в межгосударственный розыск Россия объявила 63 тыс. преступников и 77 тыс. лиц, пропавших без вести³. В 2012 г. в международном розыске по каналам Интерпола с целью ареста и выдачи значилось порядка 70 тыс. человек⁴.

© Степанов В. В., Бабакова М. А., 2014

Розыскная деятельность регламентируется Конституцией Российской Федерации⁵, Уголовно-процессуальным законом⁶, Уголовно-исполнительным законом⁷, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»⁸ и внутриведомственными нормативно-правовыми актами. Осуществляется она в тесном взаимодействии с органами дознания, иными государственными и общественными организациями и населением.

Термин «розыск» в российской правовой системе имеет глубокие исторические корни. Его возникновение обычно связывают со словом «сыск», представляющим собой устаревшее выражение, буквально означающее выслеживание и розыск преступников⁹. Исторический аспект возникновения и развития розыска подробно описан в литературе, поэтому мы не будем касаться этого вопроса¹⁰.

Первое специальное исследование, посвященное проблематике розыска, – «Розыскная работа следователя» – было опубликовано В. И. Поповым в 1950 г.¹¹ Как автор раздела о розыске В. И. Попов рассматривал основные положения учения о розыске, разграничив розыск органов дознания и следственный розыск¹². Он исходил из того, что:

- существуют розыск как система оперативных действий по обнаружению разыскиваемых лиц и следственный розыск как розыск лиц, обвиняемых в совершении преступлений;
- розыск не дублирует следственные действия, а естественно дополняет, переплетается с ними; осуществляется только оперативными сотрудниками с помощью специальных розыскных приемов, средств и методов.

Разграничивая розыск как систему оперативных действий и следственный розыск, нет необходимости, на наш взгляд, указывать объекты, на которые он нацелен. Подход автора представляется не убедительным, поскольку разыскиваемое лицо может одновременно быть обвиняемым в совершении преступления, к примеру, если оно скрылось от следствия после предъявления обвинения. Таким образом, различие в объекте розыска будет зависеть от процессуального статуса лица, подвергнувшегося преследованию, и являться индивидуальным для каждого конкретного дела. Более целесообразным представляется акцентирование внимания на субъектах розыска, а конкретно, органах, его осуществляющих. Исходя из этого,

можно вести речь о розыске как системе оперативных действий и следственном розыске.

Положение, что розыск ведется только оперативными работниками, в современных условиях не актуально, так как не соответствует действующему законодательству. В п. 38 ст. 5 УПК РФ среди основных уголовно-процессуальных понятий указаны розыскные меры, под которыми понимаются меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления. В данном случае речь следует вести о том, что только оперативными сотрудниками с помощью специальных розыскных приемов, средств и методов осуществляется розыск как система оперативных действий.

Отражением рассматриваемого вопроса представляется концепция розыска в широком и узком смысле.

И. Ф. Крылов и А. И. Бастрыкин разграничили понятия розыска в широком и узком смысле следующим образом. «Розыск в широком значении этого понятия – любая поисковая деятельность органов дознания или следователя, других лиц, осуществляемая в процессе расследования и направленная на поиск объектов, могущих иметь значение для расследования»¹³. Для розыска в узком значении характерна конкретная направленность. Е. Ф. Коновалов отмечает, что «нельзя вести речь о розыске в прямом смысле, если мы не располагаем необходимыми сведениями о данном лице или ином объекте. В этом случае, прежде всего, необходимо говорить об иных мероприятиях, направленных на сбор информации, необходимой для его установления»¹⁴.

Розыск можно определить как деятельность следователя, дознавателя, органа дознания, направленную на установление и обнаружение как уже известных объектов, так и источников материальной и идеальной информации, посредством осуществления организационных, следственных, розыскных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Методически представляется не бесспорным то, что в определении розыска перечисляются его объекты¹⁵ или субъекты, его осуществляющие¹⁶. Категории объекта и субъекта представляются самостоятельными понятийными элементами розыска и должны рассматриваться отдельно.

Различные позиции в отношении понятия розыска породили и разное понимание розыскных действий. А. И. Алексеев и Г. К. Синилов считают, что розыскные действия (в узком смысле этого слова), осуществляемые оперативно-розыскными аппаратами, а не следователями, представляют собой «составную часть оперативно-розыскной деятельности»¹⁷. Этой точки зрения придерживался и Д. В. Гребельский¹⁸. М. П. Шалямов пришел к выводу, что если розыск есть совокупность розыскных действий следователя в процессе расследования и оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых сотрудниками уголовного розыска, то розыскные действия следователя – «это обычные следственные действия: осмотры, обыски, допросы и др., производимые с целью розыска»¹⁹. Его взгляды были поддержаны и развиты Б. Е. Богдановым, А. Н. Колесниченко, Е. Ф. Коноваловым²⁰. Приравнение розыскных действий к следственным представляется нам не совсем верным.

Законодатель не дает определения розыскных действий, но в п. 38 ст. 5 УПК РФ указывает на существование розыскных мер – мер, принимаемых дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления. Исходя из этого, следователь однозначно не может быть признан единственным субъектом розыска.

Розыскные действия так же, как и оперативно-розыскные, могут носить непроцессуальный характер, но проводятся различными гласными методами и средствами. К их числу относятся: обследование местности, подворные и поквартирные обходы, обращение к населению за помощью в розыске преступника через средства массовой информации (радио, телевидение, печать, Интернет) и др.

Отличие розыскных действий как особых методов деятельности при расследовании преступлений от розыскной деятельности состоит в том, что последняя осуществляется не только с помощью розыскных действий, но и путем проведения следственных и оперативно-розыскных мер. Таким образом, розыскная деятельность соотносится с розыскными действиями как общее с частным. Розыскная деятельность направлена на достижение конкретной цели – розыск лица, скрывшегося от

следствия, осуществляемый различными методами и средствами, как процессуальными, так и непроцессуальными²¹.

Используемое в литературе понятие розыскной деятельности имеет много общего с понятием «розыскная работа», обозначающим весь комплекс мероприятий, проводимых в этой области, которое впервые было разработано В. А. Лукашовым²². Данные понятия можно считать тождественными.

Проанализировав высказанные в науке спорные позиции относительно понятия розыска, Р. С. Белкин предложил отнести к предмету криминалистического учения о розыске те отдельные закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательственной и ориентирующей информации, которые определяют содержание, направленность и методы розыскной деятельности следователя²³. Он исходил при этом из того, что осуществление непроцессуальных оперативно-розыскных мер составляет исключительную прерогативу оперативных служб компетентных органов независимо от того, носят эти меры гласный или негласный характер²⁴ и являются объектом изучения и разработки теории оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, розыск осуществляется и в процессе оперативно-розыскной деятельности органов дознания, и в ходе розыскных мероприятий, проводимых на предварительном следствии, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (ст. 18.1 УИК РФ). Следовательно, одно общее понятие объединяет в себе несколько направлений деятельности. Стоит отметить, что понятие «оперативно-розыскные меры» появилось гораздо позже, чем «следственные» и «розыскные». До принятия Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, принятых в 1958 г. правовые нормы не содержали такого понятия. В Основах впервые было закреплено положение, что «на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших»²⁵.

Оперативно-розыскные меры рассматривались как специфический вид розыскной деятельности. Выявление сходства и отличий розыска, осуществляемого в ходе оперативно-розыскной деятельности, и розыска на предварительном следствии представляет научный и практический интерес.

Безусловным сходством является конечная цель осуществления этих мероприятий – расследование преступления и установление лица, его совершившего. Промежуточные цели при осуществлении той или иной деятельности будут различаться. Оперативно-розыскной деятельности присуща цель установления и обнаружения. Розыскной деятельности следователя свойственна чаще всего лишь цель – обнаружение. Таким образом, одна из промежуточных целей может являться общей для обоих видов деятельности. Именно обнаружение объектов розыска завершает его процесс и определяет результативность осуществления дальнейшей деятельности по расследованию преступления. Другая цель – установление²⁶, чаще всего она присуща лишь оперативно-розыскной деятельности. Это происходит потому, что оперативно-розыскные мероприятия в основе своей предшествуют следственной деятельности. Они проводятся в обстановке информационного вакуума или когда известен минимум информации. Поэтому данные, полученные по их результатам, служат основой для осуществления следователем более конкретных действий и в отношении уже установленных объектов. А. С. Косенко оспаривал точку зрения, что следователь розыскивает известные ему скрываемые объекты, считая, что розыскная деятельность следователя может быть направлена и на получение информации об обстоятельствах, еще не ставших известными. Тем самым стиралась грань между розыскными и оперативно-розыскными мероприятиями²⁷. Эта позиция не нашла поддержки научной общественности. Некоторые авторы считают, что, поскольку деятельность следователя при розыске направлена на обнаружение²⁸ уже известных объектов, в гносеологическом плане этот процесс представляет собой узнавание²⁹. Следовательно, розыск, осуществляемый следователем, является более узкой категорией, чем оперативно-розыскная деятельность, так как нацелен лишь на обнаружение уже известных объектов. Что же касается отыскания следователем неизвестных объектов, в том числе следов, обстоятельств, то эта деятельность представляет неотъемлемый элемент расследования, направленный на установление истины по делу. Подобная деятельность не исключение, а правило в работе по исследованию обстоятельств преступления. Оперативно-розыскная деятельность носит по-

исковый характер и может быть направлена на отыскание тех объектов, следов преступления, которые еще не известны следователю, но находятся в причинной связи с преступлением³⁰.

Предварительное расследование по любому уголовному делу осуществляется с использованием разнообразных средств, значительное место в их структуре занимают следственные действия. Оперативно-розыскные и розыскные мероприятия проводятся не всегда. Между тем следственные действия осуществляются только при расследовании преступлений после возбуждения уголовного дела, за исключением некоторых, предусмотренных УПК РФ следственных действий (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 1 ст. 179, ч. 2 ст. 186). Оперативно-розыскные меры применяются также для предупреждения и пресечения преступных проявлений, в целях обнаружения преступлений ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»³¹. Из этого следует, что оперативно-розыскные мероприятия могут:

- предшествовать производству тех или иных следственных действий;
- совершаться после их проведения;
- применяться одновременно со следственными действиями;
- осуществляться независимо от последних³².

После передачи дела следователю проведение следственных и розыскных действий по нему органом дознания возможно лишь по его поручению, и не любых, а лишь некоторых (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). Следователь может определить в поручении конкретный вид действий. Оперативно-розыскные мероприятия всегда проводятся оперативным сотрудником, и следователь не имеет право ни на их проведение, ни на участие в них. Следователь не может также определять вид конкретных оперативно-розыскных мероприятий, поручаемых органу дознания. Их выбор – прерогатива органа дознания.

Отличительной чертой является и различие органов, имеющих право на осуществление той или иной деятельности. Осуществляемые в процессе розыска оперативно-розыскные действия представляют специфический вид розыскной деятельности. Правом на ее проведение наделены лишь компетентные государственные органы в лице некоторых своих служб. До возбуждения уголовного дела и в процессе дознания конкрет-

ные мероприятия осуществляются оперативным работником. Розыскные мероприятия на предварительном следствии проводит следователь, в производстве которого находится конкретное уголовное дело, либо по его поручению оперативный работник (п. 38 ст. 5, п. 4 ч. 2 ст. 38, ст. 210 УПК РФ).

Существенно различается и характер осуществляемой деятельности. А. Г. Лекарь отмечал, что между оперативно-розыскными мероприятиями и розыскными действиями существует качественное различие. Оно заключается в том, что, как правило, «целью проведения оперативно-розыскных мер является обнаружение еще неизвестных фактов и обстоятельств, могущих иметь значение для борьбы с преступностью, а целью проведения розыскных действий является установление местонахождения уже известных (выявленных) объектов (предметов, лиц)»³³.

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность носит обычно разведывательный (поисковый) характер³⁴. Это закономерный результат того, что оперативно-розыскные мероприятия производятся в условиях дефицита информации и в отношении еще неизвестных объектов. Следователь же имеет дело с розыском конкретных объектов. Людей (подозреваемых, обвиняемых, осужденных, бежавших из мест лишения свободы или с предписанного места жительства, потерпевших, свидетелей); трупов или их частей; животных (если они являются предметом преступного посягательства или служили орудием преступления) и их трупов; вещественных доказательств (в том числе орудий преступления); транспортных средств (если они предмет преступного посягательства или орудие преступления); имущества и иных ценностей; личных и иных документов, не являющихся вещественными доказательствами, но имеющих значение для дела³⁵.

Для розыска людей субъекту розыска необходимо иметь данные, позволяющие индивидуализировать личность разыскиваемого и отождествить его при обнаружении. Это могут быть сведения о внешних признаках лица и т.д. Сведения подобного рода могут быть получены как при проведении оперативно-розыскных мероприятий, так и в результате следственных действий. В отношении объектов – предметов, как правило, известна лишь информация об их групповой принадлежности.

Оперативно-розыскная деятельность осуществляется преимущественно непроцессуальными негласными средствами, а розыскные мероприятия в процессе расследования производятся следователем только процессуальными, организационными и техническими средствами. Различаются и сами мероприятия, проводимые при осуществлении розыска. Оперативно-розыскные мероприятия закреплены в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Различна природа и характер процессуальных и иных действий розыскной направленности:

- розыскные процессуальные действия, закрепленные в УПК РФ: объявление розыска обвиняемого; дача розыскных поручений органам дознания; рассылка запросов³⁶;

- розыскные непроцессуальные действия: проверка по учетам органов внутренних дел; информирование населения с помощью радио, телевидения, печати, Интернет; наблюдение за разыскиваемым и его преследование; выявление свидетелей и очевидцев; рассылка ориентировок; изучение архивных уголовных дел; создание условий, провоцирующих разыскиваемого обращаться в определенные учреждения или к определенным лицам, за которыми установлено наблюдение.

Обосновано отнесение розыскных мероприятий и следственных действий, проводимых в розыскных целях, осуществляемых следователем в процессе расследования, к элементам данного процесса. И в этом смысле и только в этой части розыскную деятельность можно считать частью расследования. Оперативно-розыскные меры в содержание расследования не входят³⁷.

В научной литературе разногласия применительно к розыску возникают по двум основным вопросам: во-первых, к чьей компетенции относится осуществление розыска (следователя или оперативного работника или и тех, и других), во-вторых, ограничен ли круг объектов, на которые он направлен (подозреваемый, обвиняемый, лицо, совершившее преступление, и т.д.).

Отсутствие четких формулировок по указанным вопросам в законодательных актах порождает споры между учеными.

В отношении объектов розыска большинство ученых полагает, что розыск направлен на «обнаружение замышляемых, готовящихся и совершенных преступлений, установление и об-

наружение виновных, объектов (лиц и предметов) – носителей доказательственной информации, предметов преступного посягательства и иных объектов, имеющих значение для дела»³⁸. Подобную деятельность И. Ф. Крылов и А. И. Бастрыкин рассматривали как направленную на установление предметов, индивидуально-определенные признаки, которые в данный момент неизвестны (розыск неизвестного преступника, следов преступления на месте происшествия и т.д.)³⁹. Перечень объектов, розыск которых может осуществляться, является открытым и не ограничен лишь подозреваемым, обвиняемым и лицом, совершившим преступление.

В настоящее время имеет место и иной подход к понятию розыскной работы: как к поиску только уже известных правоохранительным органам объектов (скрывшихся преступников, лиц, пропавших без вести, и иных категорий разыскиваемых)⁴⁰. Сходную позицию занимают и авторы учебника по оперативно-розыскной деятельности под редакцией К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова⁴¹. А. И. Винберг и Б. М. Шавер относили к объектам розыска не только обнаружение известного преступника, но и похищенных ценностей⁴². Именно эти проблемы, на их взгляд, должны разрабатываться криминалистикой.

Некоторые ученые, придерживающиеся узкого толкования понятия «розыск», включают в число объектов розыска только обвиняемого, местонахождение которого неизвестно⁴³. Однако подобный подход противоречит действующему уголовно-процессуальному закону, который в ст. 210 УПК РФ называет среди объектов розыска подозреваемых и обвиняемых. Е. А. Касаткина отмечает в связи с этим, что объект розыска зависит и от того, в какой процессуальной форме осуществляется предварительное расследование. Например, при осуществлении предварительного следствия в розыск может быть объявлен как подозреваемый, так и обвиняемый по уголовному делу. При осуществлении предварительного расследования в форме дознания в розыск может быть объявлен только подозреваемый, так как при этой форме предварительного расследования обвиняемый появляется только после окончания предварительного расследования, т.е. после вынесения обвинительного акта⁴⁴. Однако и данная позиция объектив-

но ограничивает круг объектов розыска. Как верно отмечает Е. А. Касаткина, включая в число объектов розыска обвиняемого и скрывшегося подозреваемого, нет оснований не отнести туда же и иных участников уголовного процесса⁴⁵. Указанная позиция согласуется с позицией законодателя, отраженной в ст. 18.1 УИК РФ, в которой урегулированы вопросы объявления розыска и осуществления оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Пропавших без вести граждан долгое время не рассматривали в качестве объектов розыска. Они были включены в этот перечень Н. В. Терзиевым⁴⁶.

На наш взгляд, понятие «объект розыска», предлагаемое в литературе на основе буквального толкования ст. 208, 210 УПК РФ, является неоправданно узким и не соответствует объективным потребностям практики. Следователь в процессе расследования уголовного дела осуществляет розыскные мероприятия не только в отношении подозреваемых и обвиняемых лиц, но зачастую и в отношении свидетелей и потерпевших, предметов, необходимых для установления истины по делу. Законодатель определенно стал на позицию трактовки объектов розыска в широком смысле, отказавшись от дифференциации розыска обвиняемого и деятельности по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, как это было предусмотрено в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 196, 197).

Кроме того, анализ УПК РФ показывает, что в целом ряде статей, регламентирующих проведение отдельных следственных действий, закреплена возможность существования иных объектов розыска, нежели подозреваемый и обвиняемый.

Законодатель в ст. 182–185 УПК РФ выделяет такие объекты розыска, как орудия преступления, предметы, документы, ценности, имеющие значение для уголовного дела. Следователь, производя обыск, выемку, личный обыск, налагая арест на почтово-телеграфные отправления, осматривая и изымая их, собирает доказательства вины подозреваемого, обвиняемого или сведения, необходимые для их обнаружения; это общая цель, но при производстве каждого следственного действия у следователя имеется и вполне конкретная цель – поиск объектов розыска.

Все перечисленные выше объекты не упоминаются в ст. 208, 210 УПК РФ в связи с тем, что они относятся к особенностям правового положения подозреваемого, обвиняемого при приостановлении производства по уголовному делу.

Таким образом, к числу объектов розыска следует отнести как уже известные объекты, так и неизвестные источники материальной и идеальной информации, которые могут иметь значение для своевременного и полного расследования уголовного дела.

Проведение осмотра места происшествия и других видов осмотра направлено на обнаружение следов преступления (ч. 1 ст. 176 УПК РФ). Следователь при осмотре места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов осуществляет деятельность, направленную на поиск, обнаружение, фиксацию различных изменений окружающей среды, несущих в себе информацию о совершенном преступлении. Соответственно, следы преступления являются самостоятельным объектом розыска, поскольку интерес для следствия представляет не только материальный носитель – сам следообразующий объект, а и отобразившаяся в нем или на нем информация.

Любое событие, в том числе и преступное, отображается во внешнем мире и сознании людей в виде материальных или идеальных (идеально-образных) отображений. Для установления истины и обстоятельств происшедшего правоохранительные органы обязаны обнаружить и зафиксировать данные объекты. В связи с этим важно определить, что представляют собой объекты розыскной деятельности. Это источники информации, под которыми понимается «носитель чего-либо, дающий начало чему-либо, выразитель чего-либо»⁴⁷, обладающие определенными свойствами, обуславливающими включение их в круг объектов розыска:

- они должны быть объективно доступны для восприятия;
- должны существовать методы и научно-технические средства для «распознавания» содержащейся в них информации;
- обладать возможностью трансформации в доступный для фиксации вид (материальный либо идеальный)⁴⁸.

В научной литературе предложено большое количество различных классификаций объектов розыска. Однако, на наш

взгляд, единая более или менее унифицированная классификация пока так и не выработана. Классификации одних ученых слишком узки, других – слишком обширны за счет включения различных критериев⁴⁹. Думается, методологический подход должен быть иным. Основную классификацию следует провести по признакам группы, а затем в рамках каждой из групп необходимо выделить подгруппы по различным критериям. Классификация может быть представлена в следующем виде.

1. Объекты материального мира:

1. Люди: 1) по процессуальному положению при расследовании по уголовному делу; а) подозреваемые; б) обвиняемые; в) потерпевшие; г) свидетели; 2) по обстоятельствам исчезновения: а) лица, пропавшие без вести; б) скрывающиеся от следствия, дознания и суда.

2. Животные: 1) по степени прирученности человеком: а) домашние; б) дикие; 2) в зависимости от степени распространенности: а) редкие; б) часто встречающиеся; 3) по наличию родословной: а) породистые; б) беспородные; 4) по виду; 5) в зависимости от породы; 6) в зависимости от пола; 7) в зависимости от возраста; 8) по росту; 9) по масти; 10) по групповым метам (клеймо, тавро и т.д.).

3. Трупы: 1) по принадлежности: а) трупы людей; б) животных; 2) по степени целостности: а) целые трупы; б) расчлененные трупы, в) части трупа; 3) по состоянию: а) сохранившие прижизненный облик; б) мумифицированные; в) торфяное дубление; г) жировоск; д) разрушение живой ткани; е) гнойное разложение.

4. Предметы: 1) орудия преступления и иные объекты, которые могут иметь значение для расследования преступления; 2) общего или индивидуального пользования; 3) по целевому назначению: а) движимые; б) недвижимые; 4) по происхождению: а) похищенные; б) нажитые преступным путем.

5. Документы: 1) по способу исполнения: а) рукописные; б) выполненные иным способом; 2) личные документы: а) паспорт, военный билет и т.д.; б) управленческая документация; в) иные документы; 3) по отношению к событию преступления: а) несущие на себе следы преступления, созданные до совершения преступления; б) созданные после совершения преступле-

ния; 4) по носителю: а) бумажные; б) электронные; 5) по органу, их издавшему: а) официальные; б) неофициальные.

II. Источники материальной и идеальной информации:

- 1) событие преступления;
- 2) замыслимое преступление;
- 3) готовящееся преступление;
- 4) следы преступления;
- 5) информация: розыскная и идентификационная.

Представляется ошибочным отождествление двух понятий «розыскной» и «идентификационной» информации⁵⁰.

По отношению к конкретному уголовному делу объекты розыска следует характеризовать как объекты, обладающие определенными индивидуальными (иногда лишь групповыми) признаками⁵¹, исходя из того, что некоторые сведения о разыскиваемом объекте уже известны из материалов уголовного дела, оперативных и иных источников.

Анализ норм, закрепляющих полномочия следователя и органа дознания по осуществлению розыска (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 5 ст. 208, п. 2 ч. 2 ст. 209, ст. 210, ч. 4 ст. 157 УПК РФ), позволяет сделать вывод о том, что до возбуждения уголовного дела (а при производстве дознания – до момента его окончания) розыск осуществляется органом дознания.

Расширение возможностей осуществления розыска до возбуждения уголовного дела предоставлено следователю (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Это право реализуется путем дачи органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и розыскных мероприятий.

Когда расследование осуществляется в форме предварительного следствия, полномочия по осуществлению розыска переходят непосредственно к следователю с момента возбуждения уголовного дела, что не исключает возможности привлечения сотрудников органа дознания для производства следственных действий, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий, но лишь по поручению следователя и при его руководящей роли. Осуществление розыска оперативными работниками урегулировано Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Если предварительная проверка в стадии возбуждения уголовного дела осуществляется следователем, как и

в случае передачи материала проверки следователю, дознавателю, оперативный работник может осуществлять оперативно-розыскные мероприятия по данному делу только по поручению следователя, дознавателя или, если в его производстве находится оперативное дело по тяжкому или особо тяжкому преступлению, по которому преступник не установлен.

Среди ученых нет единства взглядов по вопросу о субъекте, который должен осуществлять розыск. А. Н. Колесниченко относил к розыску только розыскную работу следователя по раскрытию преступления⁵². По его мнению, розыск должен быть включен в исключительную компетенцию следователя и проводится лишь гласными методами. В УПК РФ полномочия следователя по осуществлению розыска закреплены в целом ряде статей, в частности, ч. 5 ст. 208, п. 2 ч. 2 ст. 209, ст. 210.

Другие авторы отмечали, что, напротив, розыск осуществляется дознавателем. И. Н. Якимов и В. И. Громов считали, что розыск должен быть сосредоточен в руках работника уголовного розыска, который осуществляет его как гласными, так и негласными средствами. «...Розыск есть не только составная часть дознания, но и отдельный самостоятельный акт дознания, с присущими ему особыми приемами расследования: негласным сыском, слежкой и наблюдением»⁵³. В условиях действующего законодательства данная позиция частично соответствует ему. УПК РФ предусматривает (ч. 4 ст. 157 УПК РФ), что в случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

Несмотря на имеющиеся разногласия, наибольшую поддержку получила точка зрения, согласно которой «розыск (розыскная деятельность) – функция органов дознания и предварительного следствия...»⁵⁴. Таким образом, в число субъектов розыска включены и следователь, и дознаватель, т.е. представители всех органов, на которые возложены полномочия по расследованию преступлений. Сходную позицию занимают и другие ученые.

Придерживающиеся широкого толкования понятия субъектов розыска, А. И. Винберг и Б. М. Шавер высказали точку зре-

ния, согласно которой ведущая роль при местном розыске отводится следователю, но организация и осуществление розыска в масштабе страны должны оставаться прерогативой аппаратов уголовного розыска⁵⁵. Таким образом, предлагалось разграничить обязанности по осуществлению розыска между органами следствия и дознания по территориальному принципу.

В зависимости от охвата территории, на которой осуществляется розыск, выделяют следующие его виды: местный, федеральный, межгосударственный, международный. Розыск может осуществляться как при производстве предварительного расследования, так и при приостановлении производства по уголовному делу (ч. 2 ст. 210 УПК РФ).

Некоторые ученые предлагают в рамках досудебного производства внести в УПК РФ изменения, а именно предоставить суду возможность избрания меры пресечения без участия подозреваемого, обвиняемого, скрывшегося от органов предварительного расследования и объявленного не только в международный, но и в федеральный розыск⁵⁶. Однако данный законопроект не был поддержан в Государственной Думе из-за отсутствия механизма реализации конституционного права гражданина предстать перед судом в течение 48 часов после его задержания. Такой механизм разработал Б. Я. Гаврилов, который предложил предоставить суду по месту расследования уголовного дела возможность заочного вынесения решения (с участием защитника) о заключении под стражу объявленного в федеральный розыск подозреваемого, обвиняемого.

Одновременно УПК РФ предлагает предусмотреть процессуальный механизм, который обеспечивал бы лицу, объявленному в федеральный розыск и задержанному вне места производства предварительного расследования, в течение 48 часов с момента фактического задержания, предстать перед федеральным судьей ближайшего районного суда по месту фактического задержания для допроса с целью установления личности задержанного и проверки, не отменено ли ранее вынесенное решение суда о заключении его под стражу, а после доставления к месту производства предварительного расследования – в течение 48 часов предстать перед судом (судьей), избравшим меру пресечения, для решения вопроса об оставлении ее в силе или изменении ее на иную меру пресечения⁵⁷.

Международный розыск лица объявляется после объявления федерального розыска (либо одновременно с ним) при наличии подтвержденных сведений о выезде разыскиваемого лица из Российской Федерации. Международный розыск лиц не тождествен межгосударственному розыску, который проводится в пределах государств – участников СНГ и может осуществляться параллельно с международным⁵⁸. Каналы Интерпола для осуществления межгосударственного розыска на территории государств – участников СНГ не задействуются. Между тем некоторые авторы не рассматривают межгосударственный розыск в качестве самостоятельного вида розыска⁵⁹.

Соображения о разграничении полномочий следователя и органа дознания по территориальному принципу представляются нам недостаточно верными. Скорее всего, речь следует вести о том, что при местном розыске следователь имеет больше возможностей самостоятельно проводить розыскные мероприятия. Однако это не исключает дачи поручения оперативным работникам на производство конкретного мероприятия или следственного действия.

При необходимости же осуществления розыска на территории другого региона следователь вправе направить поручение в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Такое поручение может быть направлено не только в орган дознания на соответствующей территории, но и в органы, осуществляющие предварительное следствие.

Таким образом, розыск является исторически сложившейся широкой категорией, охватывающей собой и действия, производимые в процессе оперативно-розыскной деятельности, и мероприятия, осуществляемые следователем при расследовании и по приостановленному уголовному делу.

¹ См.: Коновалов Е. Ф. Розыскная деятельность следователя. М., 1973. С. 3.

² См.: Панов С., Клюев С., Малыхин Е. Розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда // Законность. 2008. № 10. С. 26.

³ См.: Россия объявила в международный розыск 63 тысячи преступников. URL: http://www.criminalnaya.ru/news/rossija_objavila_v_mezhdunarodnyj_rozysk_63_tysjachi_prestupnikov_zajavil_nurgaliev/2010-06-26-15802 (дата обращения: 16.10.2010).

⁴ Интерпол разыскивает 1700 россиян. URL: <http://www.itar-tass.com/c153/342023.html>.

⁵ См.: Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

⁶ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁷ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

⁸ См.: Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁹ См.: *Касаткина Е. А.* Розыск обвиняемого в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 12.

¹⁰ См.: *Шмонин А. В.* Методика расследования преступлений : учеб. пособие. М., 2006. С. 1–25.

¹¹ См.: *Попов В. И.* Розыскная работа следователя : пособие для следователей. М., 1950. С. 261–266.

¹² См.: Там же. С. 261–266.

¹³ *Крылов И. Ф., Бастрыкин А. И.* Розыск, дознание, следствие : учеб. пособие. Л., 1984. С. 6.

¹⁴ *Коновалов Е. Ф.* К вопросу о понятиях и объектах розыскной деятельности следователя // Труды Высш. школы МВД СССР. Вып. 34. М., 1972. С. 75.

¹⁵ См.: *Бахарев Н. Н., Мачков И. П., Оржак А. С.* Принципы взаимодействия следователей с работниками органов дознания при расследовании преступлений // Проблемы совершенствования расследования и профилактики преступлений на современном этапе : сб. науч. трудов. Уфа, 1990. С. 11–17 ; *Касаткина Е. А.* Указ. соч. С. 32.

¹⁶ См.: *Попов В. И.* Розыскная деятельность при расследовании преступлений. Алматы, 1996. С. 161.

¹⁷ *Алексеев А. И., Синилов Г. К.* Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности. М., 1977. С. 58–59.

¹⁸ См.: *Гребельский Д. В.* Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 58.

¹⁹ *Шаламов М. П.* Розыск // Криминалистика. М., 1959. С. 328–329.

²⁰ См.: *Богданов Б. Е.* Розыск // Криминалистика. М., 1963. С. 453–457 ; *Колесниченко А. Н.* Розыск // Там же. С. 352 ; *Коновалов Е. Ф.* Розыскная деятельность следователя. С. 7–9.

²¹ См.: *Балаилов А. Н.* Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений. М., 1979. С. 25.

²² См.: *Лукашов В. А.* Розыскная работа ОВД : учеб. пособие. М., 1986. С. 68.

²³ См.: *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики : в 3 т. М., 1978. Т. 2. С. 175–177.

²⁴ См.: Там же. С. 177.

²⁵ Об утверждении основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик : закон СССР от 25 декабря 1958 г. (ст. 29) // *Ведомости ВС СССР.* 1959. № 1. Ст. 15.

²⁶ Установление – устанавливать – выяснять что-либо. Под установлением мы подразумеваем получение в определенном законом порядке процессуальной и криминалистически значимой информации о чем-либо или о ком-либо (см.: *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. М., 1964. Т. 16. С. 956).

²⁷ См.: *Косенко А. С.* Розыскные действия в советском уголовном процессе. *Хабаровск*, 1989. С. 11 ; *Балашов А. Н.* Указ. соч. С. 20 ; *Косенко А. С.* Понятие, виды и значение розыскных действий на предварительном следствии // *Проблемы уголовного процесса и криминалистики.* М., 1987. С. 40–41.

²⁸ Обнаружение – обнаруживать – открыть, делать явным, известным. В данном случае термин «обнаружение» применяется в смысле определения местоположения чего-либо или кого-либо (см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. С. 605).

²⁹ См.: *Самыгин Л. Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 70.

³⁰ См.: *Корноухов В. Е., Богданов В. М., Закатов А. А.* Основы общей теории криминалистики. Красноярск, 1993. С. 124.

³¹ См.: Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1995. № 33. Ст. 3349.

³² См.: *Балашов А. Н.* Указ. соч. С. 19.

³³ *Лекарь А. Г.* Научные основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел. М., 1969. С. 37–38.

³⁴ См.: *Безлепкин Б. Т.* Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2009. С. 249.

³⁵ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика : учеб. слов.-справочник. М., 1999. С. 268.

³⁶ См.: *Семенцов В. А.* Следственные и иные процессуальные действия по собиранию доказательств // *Правовая защита частных и публичных интересов : материалы Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (22–23 января 2004 г.)* : в 2 ч. Челябинск, 2004. Ч. 1. С. 99–105 ; *Семенцов В. А.* Розыскные действия следователя // *Следователь.* 2004. № 12. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 12.04.2010).

³⁷ См.: *Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 484.

- ³⁸ Белкин Р. С. Криминалистика : учеб. слов.-справочник. С. 268.
- ³⁹ См.: Крылов И. Ф., Бастрыкин А. И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984. С. 56.
- ⁴⁰ См.: Лукашов В. А. Розыскная работа органов внутренних дел. М., 1986. С. 6.
- ⁴¹ См.: Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001. С. 510.
- ⁴² См.: Винберг А. И., Шавер Б. М. Криминалистика. М., 1949. С. 162–164.
- ⁴³ См.: Бахарев Н. Н., Мачков И. П., Оржак А. С. Указ. соч. С. 11–17.
- ⁴⁴ См.: Касаткина Е. А. Указ. соч. С. 26.
- ⁴⁵ См.: Там же. С. 32.
- ⁴⁶ См.: Терзиев Н. В. Розыск // Настольная книга следователя. М., 1949. С. 182–184.
- ⁴⁷ Философский словарь. М., 1985. С. 361.
- ⁴⁸ См.: Шибанова Е. В. О понятии объектов розыскной деятельности // Правовая наука в современном мире. 2000. № 5. С. 43–47.
- ⁴⁹ См., например: Коновалов Е. Ф. Розыскная деятельность следователя. С. 28.
- ⁵⁰ См.: Федосюткин Б. А. Справочник по медицинской криминалистике. Ростов н/Д., 2012. С. 3, 148.
- ⁵¹ См.: Белкин Р. С. Курс лекций по криминалистике. М., 1997. С. 216.
- ⁵² См.: Колесниченко А. Н. Розыск скрывшегося преступника // Криминалистика. М., 1963. С. 352.
- ⁵³ Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929. С. 46–50. См. также: Громов В. И. Дознание и предварительное следствие : теория и техника расследования преступлений. М., 1926. С. 20–21.
- ⁵⁴ Белкин Р. С. Криминалистика. С. 268. См. также: Попов В. И. Розыскная деятельность при расследовании преступлений. С. 161.
- ⁵⁵ См.: Винберг А. И., Шавер Б. М. Указ. соч. С. 162–164.
- ⁵⁶ См.: Гаврилов Б. Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Рос. следователь. 2011. № 16. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 20.04.2012).
- ⁵⁷ См.: Там же.
- ⁵⁸ Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола : приказ Министерства внутренних дел РФ № 786, Министерства юстиции РФ № 310, Федеральной службы безопасности РФ № 470, Федеральной службы охраны РФ № 454, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков № 333, Федеральной таможенной службы РФ № 971 от 6 октября 2006 г. (в ред. от 22.09.2009) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 47 (Разд. XIII п. 116). См. об этом: Хрусталева А. В., Алферов В. Ю. Некоторые вопросы федерального, межгосударственного и международного розыска лиц, скрывшихся

от следствия и суда // Проблемы розыскной работы органов внутренних дел : материалы науч.-практ. конф. (г. Саратов, 14–15 июня 2007 г.) / под ред. В. Л. Ильиных. Саратов, 2008. С. 78–83.

⁵⁹ См.: *Иванов А. Н., Лапин Е. С.* Криминалистика : основные положения : учеб.-справ. пособие. Саратов, 2005. С. 288.

М. В. Стояновский

**О СУЩНОСТИ И СТРУКТУРЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРЕВЕНЦИИ
(К ДИСКУССИИ О ПРЕВЕНТИВНОЙ ФУНКЦИИ
КРИМИНАЛИСТИКИ)**

Традиционно, характеризуя задачи криминалистики, на доктринальном уровне выделяют общие задачи (решаемые не только криминалистикой, но и смежными с нею науками, в частности, связанные с оказанием содействия в деле предупреждения преступлений) и специальные (собственно криминалистические), присущие именно криминалистике. Параллельно с решением этих задач, следует полагать, реализуются соответствующие функции криминалистики.

В специальной литературе говорится о различных функциях криминалистики. Так, В. Я. Колдин выделяет две основные функции – теоретическую и методологическую. Теоретическая заключается в познании объективных закономерностей предмета криминалистики; методологическая – в разработке на основе познанных объективных закономерностей приемов и методов решения научных и практических криминалистических задач. По мнению В. Я. Колдина, такое разграничение функций науки указывает на различие «объектного» и «методного» подхода в криминалистике¹.

В. А. Образцов, определяя функции криминалистики, пишет о том, что в криминалистических научных исследованиях реализуются три основные функции:

1) познавательная;

© Стояновский М. В., 2014

2) конструктивная (разработка и совершенствование того, что формирует потенциал криминалистических знаний, «орудий труда и средств производства» практического следоведения);

3) функция внедрения результатов криминалистических разработок в практику².

А. А. Эксархопуло, называя среди специальных задач криминалистики задачу создания технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций, предназначенных для использования в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений, отмечает, что с ее решением реализуется, в частности, *разработочная* (здесь и далее курсив наш. – М. С.) функция криминалистики³. Очевидно, что последняя из указанных функций идентична по своему содержанию функции, именуемой В. А. Образцовым *конструктивной*.

Приведенным перечнем функции криминалистики не исчерпываются. В специальной литературе выделяются также объяснительная, прогностическая, эвристическая и иные функции⁴. При этом, как совершенно справедливо отмечает Р. С. Белкин, все они «суть необходимое условие для выполнения криминалистической наукой своей социальной, служебной функции – научного обеспечения борьбы с преступностью, то есть решения данной наукой ее общей и специальных задач, в чем и заключен смысл существования криминалистики»⁵. В связи с этим обособленное познание ею своего предмета (реализация криминалистикой познавательной функции), как методологически точно отмечает Р. С. Белкин, не может являться для криминалистики самоцелью. «Познание, проникновение в сущность предмета исследования, – пишет ученый, – необходимы криминалистике для решения главной задачи, стоящей перед этой наукой, – содействия практической деятельности по борьбе с преступностью... Криминалистика вооружает следователя, эксперта, оперативного работника, судью знанием того, как нужно поступать в будущем для познания преступления... или для того, чтобы не допустить преступления...»⁶.

Учитывая сказанное, полагаем, что имеются все основания для выделения в системе функций криминалистики также *превентивной* функции. И это представляется нам аксиоматичным. Более того, в части решения вышеуказанной *общей*

задачи криминалистики именно превентивную функцию следует рассматривать в качестве служебной и системообразующей.

Допустимо ли обособленно вести речь о каких-либо специфических особенностях реализации *превентивной* функции в соответствующем криминалистическом «предметно-объектном» пространстве со специфическим для такого рода деятельности потенциалом средств и методов при решении *специальных* (собственно криминалистических) задач?

Сразу же оговоримся, что на доктринальном уровне мнения ученых по поводу криминалистической превенции неоднозначны. В частности, среди множества имеющихся дефиниций предмета криминалистики как науки в их абсолютном большинстве содержится указание на «превентивную составляющую» криминалистики.

Так, в ставшем классическим определении криминалистики, предложенном Р. С. Белкиным, говорится, что это «область научных знаний о механизме преступления, закономерностях возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах раскрытия, расследования и предотвращения преступлений»⁷. Очевидно, уже терминологический анализ «раскрытия», «расследования», «предотвращения» (а в работах других авторов и «предупреждения»⁸) преступлений позволяет делать определенные выводы о характере такой деятельности и ее целевых моделях, а также о том, что криминалистике имманентно присуща превентивная (профилактическая) функция.

Отметим, уже не одно десятилетие на страницах криминалистической литературы обсуждаются идеи создания целостной системы криминалистической превенции и, кроме того, высказываются мнения о наличии в системе научного знания самостоятельного криминалистического учения – теории криминалистической профилактики (превенции) преступлений (В. Ф. Зудин, М. Ш. Махтаев, И. И. Иванов и др.). И хотя единообразного подхода к пониманию данного направления профилактики по сей день так и не выработано, методологически

корректным следует признать замечание Р. С. Белкина о том, что в этой области все же не происходит дублирования между предметами криминалистики и криминологии. По мнению исследователя, разработка *криминалистических* мер предупреждения преступлений основывается на познании закономерностей возникновения информации о преступлении и работы с доказательствами. Предметом же криминологии является разработка *системы* предупредительных мер, в которую криминология включает и криминалистические меры предупреждения отдельных видов преступлений, но пользуется ими как данными науки криминалистики⁹.

Сказанное, на наш взгляд, позволяет выделить два уровня реализации превентивной функции в криминалистике:

- 1) общепревентивный уровень, обусловленный реализацией криминалистикой своего социального назначения;
- 2) собственно криминалистический уровень (специально-криминалистическая превенция).

Неоднозначными являются и подходы к определению предмета и структурных компонентов *собственно криминалистической* превенции (профилактики).

В частности, М. Ш. Махтаев (используя вместо термина «профилактика», термин «предупреждение») полагает, что предмет криминалистического предупреждения преступлений как частной теории «составляют закономерности возникновения, обнаружения, собирания (фиксации), исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению и сокрытию преступлений, и основанные на познании этих закономерностей специальные средства, приемы и методы криминалистики, направленные на устранение (локализацию, нейтрализацию) указанных обстоятельств, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений»¹⁰.

Еще более широко предмет криминалистической превенции преступлений определяет И. И. Иванов. По его мнению, криминалистическая превенция (профилактика) преступлений как одна из самостоятельных частных теорий представляет собой «систему научных положений и практических рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических

и методических приемов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременного обнаружения, быстрого, полного раскрытия и качественного расследования совершенных преступлений, пресечения конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявления и устранения в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодоления любых форм противодействия расследованию»¹¹.

Как видно из данного определения, автор ведет речь о направленности криминалистической профилактики на несколько подсистем антисоциальной деятельности – подготовку, совершение, сокрытие преступлений, а также на противодействие их расследованию. Кроме того, И. И. Иванов, говоря в определении о процессе *качественного расследования*, по сути, рассматривает его в роли специфического структурного элемента предупреждения преступности¹², хотя таковой, на наш взгляд, характеризует социальное предназначение криминалистики (и, соответственно, относится к общепреventивному уровню).

По мнению В. Ф. Зудина, предмет криминалистической профилактики представляет собой «систему организационных, процессуально-тактических, научно-технических, правовоспитательных, методических положений, приемов и средств сбора, исследования, оценки и использования фактических данных о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений»¹³.

Предложенное В. Ф. Зудиным определение криминалистической профилактики преступлений, как нам кажется, представляется, с одной стороны, весьма широким с позиции собственно криминалистической интерпретации отдельных средств рассматриваемой системы профилактики, но, с другой стороны, недостаточно четким по отношению к определению цели профилактической деятельности.

Автор этого определения выделяет две основные группы средств и методов криминалистической профилактики:

1. Опосредованное предупреждение (предполагает средства и методы, с помощью которых решаются задачи неотвратимости

наказания за совершенное преступление: частная и общая превенция преступлений).

2. Непосредственно направленное предупреждение преступлений (это средства и методы, которые обеспечивают: получение информации о готовящихся преступлениях; своевременное пресечение начавшихся преступлений; целенаправленное воздействие предупредительного и воспитательного характера; выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений; и т.п.)¹⁴.

С подобного рода структурой криминалистической превенции (как и с моделями структуры криминалистической профилактики М. Ш. Махтаева и И. И. Иванова) полностью согласиться нельзя.

По поводу первой из указанных В. Ф. Зудиным группы превентивных элементов цель реализации криминалистикой (как и иными науками криминального цикла) превентивной функции, как уже говорилось выше, представляется очевидной и аксиоматичной. Что же касается второй группы – средств и методов *непосредственно направленного предупреждения преступлений*, – то возникают серьезные вопросы, относящиеся к определению природы этих средств.

Так, вряд ли средства, *обеспечивающие получение информации* о готовящихся преступлениях, или средства, *обеспечивающие пресечение* начавшихся преступлений, как и средства *воспитательного* воздействия, следует признавать криминалистическими. Скорее, таковые по своей природе есть средства (методы) оперативно-розыскные или же криминологические, но не криминалистические. Собственно розыскная и оперативно-розыскная деятельность как основные функции органов дознания (реализующих превентивные задачи, указанные и в вышеприведенных дефинициях), как убедительно об этом пишет О. Я. Баев, в предметную область криминалистики входить не должны. «Они являются объектом изучения не криминалистики, а иной научной дисциплины – теории оперативно-розыскной деятельности. Данные виды деятельности осуществляются специально уполномоченными на то и привлекаемыми к ней лицами в ином правовом режиме, чем деятельность криминалистическая, и, преимущественно негласными средствами. Поэтому не криминалистика, а теория ОРД изучает вышепе-

речисленные закономерности, которым подчиняется уголовно-релевантная информация в целях оптимизации именно этих видов деятельности и именно таковыми средствами»¹⁵.

Не согласиться с таким обоснованием нельзя. Методологическая значимость данного подхода состоит, в частности, в установлении границ криминалистической превенции *пределами* действия (функционирования и исследования) закономерностей, образующих предметную область криминалистики, а именно закономерностей:

- механизма преступной деятельности;
- механизма следообразования;
- деятельности по расследованию преступлений.

Следовательно, и к разрешению вопроса о сущности и структуре криминалистической превенции правильнее подходить основываясь на учете структурообразующих саму криминалистику элементов (разделов): общетеоретического, технического, тактического и методического.

Г. Ф. Горский еще полвека назад небезосновательно указывал на то, что каждый раздел криминалистики, должен включать в себя методику предупредительной работы на базе доказывания причин и условий (в интерпретации УПК РФ – *обстоятельств*), способствующих совершению преступлений своими *специфическими возможностями*¹⁶.

Развивая эту мысль, полагаем, что структурирующим *основанием* (так сказать, «исходным пунктом») специально-криминалистической превенции, *в широком смысле* понимания последней, следует считать:

1) обстоятельства, способствующие совершению преступлений, а именно:

а) обстоятельства, которые способствовали совершению расследуемого преступления (*«ретроспективная»* группа обстоятельств; о них ведется речь в ч. 2 ст. 73 УПК РФ);

б) обстоятельства криминогенного характера, «способные» обусловить совершение иных (новых) преступлений (*«перспективная»* группа обстоятельств);

2) обстоятельства, препятствующие расследованию преступлений (характеризующие феномен противодействия расследованию преступлений).

В свою очередь, изучение, установление и нейтрализация этих обстоятельств (функциональная сторона криминалистической превенции) могут быть реализованы с помощью соответствующих средств и рекомендаций криминалистики.

Так, к числу направлений использования *технико-криминалистической превенции* можно отнести разработку (на основе изучения вышеуказанных закономерностей) и применение более совершенных средств, препятствующих совершению отдельных видов преступлений. Уместным в данном контексте представляется пример, приводимый Л. Г. Шапиро при анализе ею предложений превентивного характера, направленных на минимизацию фактов подделки подписи в платежных документах. Одним из условий, облегчающих такую подделку, является недостаточность места для подписи получателя, следствием чего являются ограничение графического начертания подписи и сложности решения идентификационных задач, связанных с установлением технического исполнителя подписи. В связи с этим эффективной технико-криминалистической превентивной мерой, по мнению специалистов-почерковедов, является использование в документообороте соответствующих форм документов, препятствующих подделке подписи (увеличение размера графы «расписка в получении» до 5–7 см и наличие специальной графы, в которой бы получатель полностью и четко указывал свою фамилию)¹⁷.

Очевидно, что реализация большинства мероприятий технико-криминалистической превенции связана с использованием в ходе расследования специальных знаний, реализуемых соответствующим субъектом (экспертом или специалистом), способным не только выявить при производстве исследований обстоятельства, обуславливающие совершение преступлений, но и принять меры к их минимизации (нейтрализации).

Реализация средств *тактико-криминалистической превенции* осуществляется путем производства отдельных следственных действий, применения соответствующих тактических приемов, рекомендаций и операций.

Показательный пример, демонстрирующий превентивное значение, в частности следственного эксперимента (по установлению механизма события), приводит О. Я. Баев. При расследовании несчастного случая на производстве, повлекшего

гибель одного из рабочих, была выдвинута версия, что причиной тому явилась неисправность монтажного пояса погибшего, которым он закреплялся к арматуре балкона высотного дома во время работы. В ходе следственного эксперимента манекен, ростом и массой соответствующий погибшему, с помощью монтажного пояса прикреплялся к арматуре балкона, откуда упал рабочий. Неоднократная имитация действий погибшего, выражающаяся в резком отталкивании манекена от балкона, приводила к расцеплению карабина монтажного пояса и падению манекена. Подобные опыты были проведены и с другими монтажными поясами, имевшимися в распоряжении рабочих. В большинстве проведенных экспериментов результат в основном был тем же – расцепление карабина пояса и падение манекена. Таким образом, проведенным следственным экспериментом были установлены значимые по уголовному делу криминогенные обстоятельства, что явилось основой немедленного внесения следователем представления с требованиями о прекращении работ с использованием имеющихся монтажных поясов, а также сплошной их технической проверки и доработки¹⁸.

Очевидной представляется превентивная направленность ч. 8 ст. 193 УПК РФ, определяющая возможность производства предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное восприятие опознаваемым субъектом опознающего лица. Реализация указанной нормы, в частности, способствует нейтрализации *потенциального* противодействия со стороны опознаваемого (или опознающего) лица, поскольку с традиционной процедуры предъявления для опознания снимается нежелательная нагрузка, эффект психологической напряженности, что характерно для непосредственного очного контакта лиц, интересы которых противоположны. С другой стороны, в законе четко определена цель применения указанной формы предъявления для опознания – *обеспечение безопасности опознающего*.

Согласно ч. 8 ст. 182 УПК РФ, регламентирующей производство обыска, следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его и общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска. Реализация данного права следователя может быть обусловлена рядом факторов (необходимостью избежать утечки ин-

формации, исключить вынос искомых объектов и др.), а также нацеленностью на исключение возможности оказания этими лицами активного группового сопротивления обыскивающим, последствия которого могут быть весьма негативными.

Столь же очевидным представляется превентивный характер криминалистической рекомендации (преследующей аналогичные цели обеспечения безопасности участников обыска), содержание которой исходит из ч. 2 ст. 184 УПК РФ, где говорится о праве следователя подвергнуть личному обыску лиц, находящихся в помещении, где производится обыск, при наличии оснований полагать, что они скрывают при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для дела. Возможность оказания противодействия участникам обыска и, например, вооруженного сопротивления, как отмечает О. Я. Бавев, «всегда должна предполагаться следователем, особенно при обыске у лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких преступлений (в первую очередь, насильственных и корыстно-насильственных), а также ранее судимых за подобные преступления»¹⁹. При этом, по его замечанию, во избежание трагических последствий, обыск в помещении, занимаемом такими лицами, должен начинаться именно с личного обыска²⁰. Виктимологическая профилактика соответствующих криминогенных обстоятельств, выражающаяся в использовании в ходе расследования тактико-превентивных рекомендаций криминалистики и решении ряда организационных вопросов, касающихся обеспечения безопасности определенных лиц, – неотъемлемая предпосылка результативной криминалистической деятельности и элемент системы криминалистической превенции.

Достаточно специфичной превентивной формой производства обыска является обыск в форме *специальной операции*. С. Б. Россинский характеризует эту организационную форму обыска как принудительное обследование помещений (сооружений), имеющих большую площадь и (или) разделенных на множество комнат (отсеков), обширных участков местности или крупных транспортных средств большим числом субъектов в целях отыскания и изъятия множества скрываемых доказательств преступления, предметов и ценностей, найденных преступным путем и подлежащих конфискации, розыска живых

лиц и трупов, осуществляемое в условиях преодоления противодействия расследованию и угрозы такого противодействия²¹. По ряду уголовных дел производство обыска в такой форме весьма необходимо. Однако стоит учитывать специфику данной формы, так как важно, чтобы «превентивная составляющая» специальной операции не обернулась для лиц, находящихся на месте проведения этого следственного действия, нарушениями их прав и законных интересов. В связи с этим представляется совершенно обоснованным мнение О. Я. Баева, считающего, что «обыск в такой организационной форме может быть оправданно проведен лишь в условиях крайней необходимости и лишь на основании судебного разрешения на его применение судом (исключением можно признать ситуации, когда такой обыск осуществляется в условиях вооруженных конфликтов и / или связан с задержанием вооруженных преступников)»²².

Характерная «превентивная составляющая» присуща организации и производству проверки показаний на месте (особенно по уголовным делам об организованной преступной деятельности). Это обусловлено спецификой данного следственного действия и, в частности, тем, что инициатива производства конкретных проверяемых действий, указание маршрута передвижения к соответствующим участкам местности переходит от следователя к субъекту, чьи показания проверяются. Данное обстоятельство следует рассматривать как потенциально виктимогенное для его участников (в совокупности с такими факторами, как личность «проверяемого» субъекта, совершение преступления группой лиц, резонансный характер содеянного, особенности местности).

Отдельное место в системе тактико-криминалистической превенции, на наш взгляд, должно принадлежать и тактическим операциям. Мы убеждены, что к таковым в первую очередь следует отнести «Защиту доказательств» и «Проверку показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления»²³.

Первая из них, осуществляемая путем использования соответствующих криминалистических средств, имеет своей целью *защиту* материальных объектов и людей – носителей доказательственной информации. В зависимости от задач по защите информации определенного вида, специфики объекта-носителя

ля такой информации и характера расследуемого события могут быть выделены и специфические разновидности указанной тактической операции (комбинации). На этом основании, например, применительно к расследованию взяточничества, А. М. Годовникова включает в систему тактической комбинации «Защита доказательственной информации» несколько разновидностей превентивных тактических комбинаций, именуемых «Документы», «Защита идеальной информации» и «Защита вещественных доказательств»²⁴.

Вторая операция реализуется путем производства комплекса следственных действий, направленных на объективизацию признательных показаний подозреваемого (обвиняемого). Превентивный характер данной тактической операции, на наш взгляд, очевиден. Как справедливо отмечает О. Я. Баев, анализируя феномен принуждения к даче показаний и особенности расследования подобного рода фактов, «любые «признавательные» показания представляют собой доказательственную ценность лишь в одном своем уникальном качестве – как источник получения других доказательств... в любом ином случае их доказательственная значимость ничтожна»²⁵.

Реализация средств криминалистической превенции в системе *криминалистической методики* (учитывая специфику заключительного раздела криминалистики) представляется возможной через синтез мероприятий технико-криминалистической и тактико-криминалистической направленности при расследовании преступлений того или иного вида. Достижению же оптимального результата в такой деятельности, вне всяких сомнений, должно способствовать знание следователем системы *типичных* (для данного вида преступлений) *криминальных обстоятельств* – от субъективных условий, до объективных факторов, отражающихся в следовой обстановке конкретного вида расследуемых преступлений.

¹ См.: Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. М., 1986. С. 17.

² См.: Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М., 1999. С. 33.

³ См.: Криминалистика / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб., 2001. С. 20.

⁴ См.: *Белкин Р. С. Курс криминалистики* : в 3 т. Т. 1 : Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 67–72.

- ⁵ *Белкин Р. С.* Указ соч. С. 68.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Криминалистика : краткая энцикл. / авт.-сост. Р. С. Белкин. М., 1993. С. 5.
- ⁸ См.: Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. С. 4.
- ⁹ См.: *Белкин Р. С.* Указ соч. С. 175.
- ¹⁰ *Махтаев М. Ш.* Основы теории криминалистического предупреждения преступлений. М., 2001. С. 10.
- ¹¹ *Иванов И. И.* Криминалистическая превенция : комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 9.
- ¹² См.: Там же. С. 8.
- ¹³ *Зудин В. Ф.* Криминалистическая профилактика преступлений : концепция, принципы, средства реализации. Воронеж, 1995. С. 52.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 59–60.
- ¹⁵ *Баев О. Я.* К дискуссии об объекте, предмете и субъектной системе современной криминалистики // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов. Вып. 15. Воронеж, 2013. С. 26.
- ¹⁶ См.: *Горский Г. Ф.* Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования. Воронеж, 1964. С. 34.
- ¹⁷ См.: *Шатира Л. Г.* Процессуальные и криминалистические аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности. М., 2007. С. 276.
- ¹⁸ См.: *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. Воронеж, 2012. С. 382.
- ¹⁹ Там же. С. 200.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: *Росинский С. Б.* Обыск в форме специальной операции. М., 2003. С. 43.
- ²² *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. С. 182–183.
- ²³ Подробнее об этом см.: *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. М., 2009. С. 184–195 ; *Трухачев В. В.* Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж, 2000. С. 117–165.
- ²⁴ См.: *Годовникова А. М.* Основные тактические комбинации при выявлении и расследовании взяточничества и коммерческого подкупа : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. С. 114.
- ²⁵ *Баев О. Я.* Методические основы и типовые программы расследования принуждения к даче показаний. М., 2013. С. 166.

А. В. Тямкин, К. А. Занин

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Взаимодействие – согласованная деятельность не подчиненных друг другу, организационно самостоятельных и обособленных субъектов, направленная на достижение единых целей. В основе такого взаимодействия лежат формы поведения его участников, обусловленные взаимной поддержкой, помощью, другими взаимоприемлемыми обстоятельствами. Следовательно, важнейшими условиями организации взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД) со средствами массовой информации, являются формирование и определение единых для его участников целей.

Рассматривая процесс взаимодействия, Н. И. Кулагин отмечал, что основное содержание названного процесса составляет согласованная по целям, месту и времени деятельность, характерными чертами которой являются эффективная расстановка сил и специализация труда¹.

Главная цель взаимодействия в досудебном производстве – раскрытие и расследование преступления. Взаимодействие характеризуется тем, что одна из сторон взаимодействия: а) обладает познаниями, которыми другая сторона не обладает; б) имеет возможности, которых у другой стороны нет.

Ю. В. Наумкин определил взаимодействие правоохранительных органов с учреждениями массовой информации как «постоянные, объективно существующие между ними взаимосвязи, обусловленные общими целями, которые достигаются в процессе взаимовлияния и взаимного использования возможностей указанных систем для достижения как общих, так и собственных целей»².

При взаимодействии органов, осуществляющих ОРД со СМИ, обе стороны достигают собственных целей. Так, редак-

ции СМИ получают из органов, осуществляющих ОРД, интересующую их информацию, а органы, осуществляющие ОРД, в свою очередь, используя возможности СМИ, обращаются к населению с целью получения интересующей информации.

Использование средств массовой коммуникации для привлечения населения к участию в поисках правонарушителей является одним из распространенных аспектов взаимодействия. При этом одной из целей взаимодействия органов, осуществляющих ОРД со СМИ, является так называемая дезинформация правонарушителей.

Итак, взаимодействие органов, осуществляющих ОРД со СМИ, можно определить как равноправное, взаимовыгодное, основанное на сотрудничестве с редакциями СМИ использование возможностей в рамках реализации функций органов, осуществляющих ОРД.

Исследуемый процесс представляет собой деятельность органов, осуществляющих ОРД, направленную на передачу в социальную среду или получение из нее информации, которая может способствовать расследованию преступления. В этих условиях СМИ выступают в качестве связующего звена между органом дознания и социальной средой.

В соответствии с целями, для достижения которых собиралась оперативно-розыскная информация о частной жизни лица без его согласия, она может использоваться и даже распространяться. Например, практика опубликования сведений о без вести пропавших гражданах, которые касаются состояния здоровья, включая психическое, привычек и других аспектов частной жизни.

Действующее законодательство уделяет большое внимание принципу гласности судопроизводства и деятельности правоохранительных органов. В соответствии с ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации, ст. 9 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»³ и ч. 1 ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴ уголовное судопроизводство осуществляется с соблюдением принципа гласности.

Раскрывая указанный принцип, в литературе различают общую гласность (возможность присутствия на суде всех жела-

ющих) и гласность сторон (право сторон предстать перед судом). Общая гласность предполагает в том числе право опубликования и обсуждения сведений о происшедших на суде событиях и принятых решениях⁵. Таким образом, гласность в уголовном процессе предполагается, в основном, только в отношении судебной деятельности.

Вместе с тем в уголовно-процессуальной литературе справедливо отмечается, что «принцип гласности пронизывает все уголовное судопроизводство, все его стадии. Он действует даже в стадии предварительного расследования, поскольку, формируя материалы уголовного дела, дознаватель, следователь, прокурор должны иметь в виду, что собранные ими материалы уголовного дела впоследствии будут оглашаться и исследоваться в открытом судебном заседании».

Органы, осуществляющие ОРД, действуют также в условиях, которые определяются требованиями Федерального закона «О средствах массовой информации». В ст. 1 закрепляется право на свободный поиск, получение, производство и распространение массовой информации, однако в рамках ограничений, установленных в законодательстве Российской Федерации. Важное для организации взаимодействия с представителями средств массовой информации обстоятельство указано в ст. 3 этого же закона, в соответствии с которой для редакций СМИ не требуется какого-либо предварительного согласования для публикации сообщений и материалов, за исключением случаев, когда необходимо соблюдение авторского права⁶.

Федеральный закон «О средствах массовой информации», формулируя информационные задачи, предоставил достаточно широкие права редакциям СМИ и журналистам по их решению. Эти полномочия можно рассматривать как правовые основания организации взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации, имея в виду, что правам одной стороны соответствуют обязанности другой. В связи с этим существенное значение имеет установленное в ст. 38 Федерального закона «О средствах массовой информации» право граждан на оперативное получение через СМИ достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений и их должностных лиц. При этом средством получения информации выступает установлен-

ное в ст. 39 этого же закона право редакции на запрос. Запрос информации может быть как в устной, так и в письменной форме. Отказ в предоставлении информации возможен в случаях, если запрашиваемая информация содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну.

Что же касается вопроса о взаимодействии органов, осуществляющих ОРД со СМИ, то ему в литературе уделяется мало внимания, причем напрямую эта проблема рассматривается крайне скудно. В первую очередь исследователей интересовали вопросы взаимодействия средств массовой информации и правоохранительных органов в целом, причем монографических работ по этой проблематике нет; в основном это уровень статей и докладов на научных конференциях.

Такое положение вызывает удивление, так как в современном обществе средства массовой информации выполняют ряд общих политических функций и играют существенную роль во многих социальных процессах.

Необходимо учитывать и следующее весьма важное обстоятельство. Поскольку главной тенденцией развития российских СМИ стало скачкообразное движение от государственной монополии и идейно-политического монизма к относительной организационной, финансовой и идеологической самостоятельности, то наряду с достоверной информацией, которую несут СМИ, в них имеют место подтасовка фактов, ложь и клевета, стремление некоторых СМИ и некоторых телеведущих, журналистов найти компромат на отдельных лиц, оппонента и с его помощью сформировать у телезрителей, читателей нужный образ «противника». При этом очень велика роль СМИ в формировании общественного мнения, в том числе в оценке деятельности правоохранительных органов, что может привести к негативным последствиям, в частности, при раскрытии и расследовании преступлений.

Следовательно, необходимость взаимодействия органов, осуществляющих ОРД со СМИ, определяется не только тем, что они получают возможность более эффективно решать задачи по расследованию преступлений, но и избегать тенденциозного и ошибочного освещения журналистами тех или иных вопросов.

Отсюда следует вывод, что публикуемая информация может стать известной тем, против кого расследуется преступление. Вот почему надлежит очень осторожно подходить к вопросу об оглашении объема и содержания сведений по конкретным расследуемым делам, о средствах и методах борьбы с преступностью, о способах совершения преступлений, о приметах разыскиваемых вещей и одежды, по которым можно найти и изобличить преступника. Следует иметь в виду, что в действующем законодательстве существуют ограничения на распространяемые сообщения и материалы.

В Федеральном законе «О средствах массовой информации» ограничения распространяются только на конфиденциальную информацию, в частности: «Редакция не вправе разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, совершившего преступление либо подозреваемого в его совершении, а равно совершившего административное правонарушение или антиобщественное действие, без согласия самого несовершеннолетнего и его законного представителя» (ч. 3 ст. 41); «Редакция не вправе разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, признанного потерпевшим, без согласия самого несовершеннолетнего и (или) его законного представителя» (ч. 4 ст. 41). Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в случае нарушения журналистами указанных выше нормативных положений ответственности они не несут, хотя для участников уголовного судопроизводства она предусмотрена.

На наш взгляд, необходимо дополнить законодательство положениями, устанавливающими порядок разглашения такой информации журналистами, а также предусмотреть в тексте Федерального закона «О средствах массовой информации» отсылки к законодательству об оперативно-розыскной деятельности. При этом следует учитывать, что принцип гласности уголовного судопроизводства имеет, прежде всего, общественное значение, и если журналист, действующий в рамках этого принципа, не может реализовать права, вытекающие из его профессионального статуса, то это свидетельствует не только об умалении прав журналиста, но и об ущемлении интересов общества в целом.

Основными направлениями взаимодействия оперативного сотрудника со СМИ являются:

- а) информирование населения о совершенных преступлениях;
- б) предотвращение и опровержение слухов и дезинформации;
- в) получение информации об обстоятельствах расследуемых преступлений;
- г) использование помощи граждан в розыске преступников;
- д) сообщение в профилактических целях о приемах и способах действий преступников;
- ж) дезинформация преступников в отношении планов и возможных действий правоохранительных органов;
- з) внесение разлада и неуверенности в криминальную среду с целью разложения преступных групп;
- и) создание благоприятных условий для решения иных оперативных задач.

Оперативный сотрудник может и должен взаимодействовать со средствами массовой информации лишь по конкретным преступлениям, находящимся в его производстве. Потребность в использовании оперативного сотрудника СМИ при раскрытии преступлений определяется:

- 1) недостатком информации о событии преступления и лицах, причастных к нему, предполагаемых подозреваемых, очевидцев и иных свидетелей, потерпевших;
- 2) невозможностью получения этой информации другим способом.

Взаимодействие правоохранительных органов со СМИ позволяет им в процессе своей деятельности более эффективно и рационально использовать собственные интеллектуальные и материальные ресурсы; оптимизировать решение оперативно-розыскных задач; повышать результативность процессуальных, розыскных, правовоспитательных и профилактических мероприятий; формировать адекватное общественное мнение о работе правоохранительных органов.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О средствах массовой информации» под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные,

аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы; под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации.

Таким образом, взаимодействие органов, осуществляющих ОРД со СМИ, играет важную роль при раскрытии преступлений. Однако необходимо выделить и отрицательные тенденции такого взаимодействия.

Функционируют и искаженные правовые сведения, которые порождены не столько самим процессом распространения знаний, сколько произвольным толкованием правоприменительной и правоохранительной практики. Вот почему для правовых знаний особенно актуальны вопросы о гласности всей юридической практики, разъяснении населению, так как незнание или слабая информированность могут привести к неточным, а иногда и неправильным действиям. При этом речь идет не о том, чтобы гласность обеспечивалась через средства массовой информации, оказывала давление на юридические органы.

По нашему мнению, правовые знания плюс правовое воспитание должны составлять правовую культуру населения. От правовой культуры населения, работников органов, осуществляющих ОРД, и других правоохранительных органов, представителей СМИ зависит, кто и каким образом будет реагировать на публикации; будет ли подготовлено сообщение в СМИ своевременно, преждевременно или с запозданием и как они передадут это сообщение: оставят первоначальный текст, поступивший из органов, осуществляющих ОРД, или переделают. Наконец, представители органов, осуществляющих ОРД, должны знать, какой объем информации можно давать, а какой нельзя. Представители СМИ должны знать, что можно спрашивать у органов, осуществляющих ОРД, а что нельзя. Таким образом, оперативные сотрудники должны установить определенные рамки, в пределах которых они могут без вреда для себя взаимодействовать с представителями СМИ.

По мнению В. Г. Бессарабова, «средства массовой информации много могут сделать в плане содействия распространению правовых знаний, воспитания граждан в духе законопослу-

шания, утверждения принципа равенства всех перед законом, недопущения унижения национального достоинства личности, групп населения, наций. Распространяя информацию о злоупотреблении наркотиками и алкоголем, они призваны способствовать пропаганде эффективных кампаний по распространению знаний об огромном вреде наркомании и алкоголизма и мерах предупреждения этих явлений. Им следует уделять больше внимания пропаганде здорового образа жизни, воспитанию молодежи в духе уважительного отношения к закону, правам других лиц, общепринятым нормам человеческого поведения, высоких моральных принципов, шире разъяснять основы политики государства в борьбе с преступностью, роль правоохранительных органов в пресечении и предупреждении преступлений, охране правопорядка и спокойствия граждан, с тем, чтобы побудить население к осознанному содействию государственным органам в деле создания более безопасного общества»⁷.

На наш взгляд, одной из важных проблем взаимодействия органов, осуществляющих ОРД со СМИ, является защита персональных данных.

В Отчете Европейского комитета по средствам массовой информации, подготовленном по итогам избирательных кампаний в России, отмечается: «Мы убеждены, что с журналиста необходимо снять ответственность за разглашение государственной и иной охраняемой законом тайны». «Вряд ли такое «убеждение» будет способствовать стабилизации общества и информационной безопасности, – продолжает В. Г. Бессарабов. Представители правоохранительных органов, в том числе и органов, осуществляющих ОРД, нередко возмущаются тем, что для получения нужных сведений журналистам приходится прибегать ко всевозможным уловкам. В результате обе стороны сваливают ответственность друг на друга».

Позиция Европейского суда просто недопустима. Не случайно американские исследователи отмечают: «Право на информацию не является неотчужденным правом, гарантированным Конституцией, а было изобретено самими журналистами. В течение многих лет журналистские организации осаждали суды и законодательные собрания в надежде закрепить за собою право доступа к различным конфиденциальным источникам информации.

Право на информацию чаще всего понимается тогда, когда работники СМИ требуют для себя прав и привилегий, которых нет у рядовых граждан».

В нашей стране некоторое время была предусмотрена уголовная ответственность и для журналистов за разглашение служебной информации, и для работников правоохранительных органов за предоставление служебной информации.

Так, 22 июля 2003 г. Пермский областной суд вынес оправдательный приговор журналистам газеты «Звезда», которые обвинялись в разглашении государственной тайны. Поскольку журналисты были оправданы за отсутствием состава преступления, суд разделил позицию защиты и подтвердил, что журналист не является субъектом ответственности за разглашение государственной тайны.

Специфика данного дела, отличающая его от известных «шпионских» дел последнего времени, состоит в том, что защита в принципе не отрицает, что информация о лице, на конфиденциальной основе сотрудничающем с правоохранительными органами, относится к государственной тайне, и разгласившие ее лица должны нести ответственность. Вопрос – какие лица? Субъектами данного преступления могут быть только те лица, которым составляющие государственную тайну сведения переданы на законных основаниях, что и налагает на них обязанность по сохранению тайны.

Таким образом, считаем, что проблема защиты персональных данных при взаимодействии органов, осуществляющих ОРД со СМИ, проявляется, во-первых, в незнании работниками СМИ законодательства, во-вторых, в том, что сами сотрудники оперативных подразделений могут являться субъектами разглашения персональных данных, и, в-третьих, в отсутствии правовых норм, регулирующих ответственность работников СМИ за разглашение охраняемой законом информации. Закон ограничивает доступ СМИ к охраняемой законом тайне на стадии отказа в предоставлении информации, если запрошенная информация содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную, специально охраняемую законом тайну. Однако, на наш взгляд, должна быть установлена ответственность и в отношении работников СМИ, так как для получения нужных сведений журналистам приходится при-

бегать к всевозможным уловкам, а в результате обе стороны «сваливают ответственность друг на друга».

Информация с ограниченным доступом представляет собой сведения, доступ к которым ограничен в соответствии с законом и с целью защиты прав и законных интересов субъектов права на тайну. Она состоит из государственной тайны и конфиденциальной информации.

Органы, осуществляющие ОРД, одновременно владеют конфиденциальной информацией, а также сведениями, составляющими государственную тайну.

Персональные данные в оперативно-розыскной деятельности, по нашему мнению, содержатся как в сведениях, составляющих государственную тайну (информация о лицах, содействующих на конфиденциальной основе), так и в сведениях конфиденциального характера.

В ст. 1 Федерального закона «О средствах массовой информации» декларируется право на свободный поиск, получение, производство и распространение массовой информации, в рамках ограничений, установленных законодательством Российской Федерации.

Согласно ст. 3 указанного закона не требуется какого-либо предварительного согласования для публикации сообщений и материалов, за исключением тех случаев, когда необходимо соблюдение авторского права. Закон предоставил журналистам и редакциям СМИ большие полномочия. Среди них: право искать, запрашивать, получать и распространять информацию. Для этого журналист вправе посещать органы, осуществляющие ОРД, в связи с запросом информации ему должен быть обеспечен прием соответствующим лицом оперативного подразделения и доступ к документам и материалам, за исключением их фрагментов, содержащих сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну.

Такие полномочия рассматриваются как правовые основания организации взаимодействия органов, осуществляющих ОРД со СМИ, имея в виду, что правам одной стороны соответствуют обязанности другой. Это означает, что органы, осуществляющие ОРД, обязаны предоставлять запрашиваемую информацию. Исключение возможно в случаях, если запрашиваемая

информация содержит сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну.

Отсутствие общих правовых норм делает бессмысленным труд по формированию ведомственной правовой защиты персональных данных в ОРД.

В ходе проведенного нами опроса большинство ответили, что средства массовой информации нарушают конфиденциальность персональных данных в ОРД. В связи с этим был поставлен вопрос: «Как вы считаете, нужно ли представителей СМИ включать в число тех лиц, у которых следует отбирать подписку о неразглашении данных предварительного следствия?». 63,6 % опрошенных сотрудников полагают, что нужно; 13,6 % – не нужно, 22,8 % – в каждом конкретном случае. По аналогии со ст. 161 УПК (недопустимость разглашения данных предварительного следствия) опрошенным было предложено закрепить данную норму в оперативно-розыском законе, в связи с чем 81,9 % респондентов посчитали нужным закрепить данную норму, 4,5 % – не нужным, 13,6 % – в каждом конкретном случае.

Не менее важной проблемой в регулировании оборота персональных данных в ОРД является процесс их распространения. В проведенном нами исследовании основной упор был сделан на получение мнения о незаконном распространении персональных данных, при этом оценивался вред, который наносит такого рода распространение. Так, 85,7 % опрошенных ответили, что наибольший вред приносит вербальное распространение персональных данных в ОРД, 14,3 % считают наиболее вредным распространение данных с использованием технических средств. Трудно не согласиться с мнением большинства, однако процент опрошенных, которые считают, что наибольший вред наносится распространением данных с использованием технических средств, заставляет задуматься об имеющемся в нашем обществе страхе перед развивающимися информационными технологиями.

¹ См.: Кулагин Н. И. Организация управления в сфере предварительного следствия. Волгоград, 1980. С. 67.

² *Наумкин Ю. В.* Взаимодействие правоохранительных органов с учреждениями массовой информации в обеспечении социалистического правопорядка : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 12.

³ О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РФ : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁵ См.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 93.

⁶ О средствах массовой информации : закон Рос. Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 7. Ст. 300.

⁷ *Бессарабов В. Г.* Российские СМИ и прокуратура : противостояние или сотрудничество // Журнал рос. права. М., 2001. С. 72.

А. С. Фомина

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Специфике расследования нераскрытых преступлений прошлых лет уделяли внимание в своих работах Ф. Ю. Бердичевский, В. М. Быков, Б. Н. Коврижных, В. П. Лавров, В. Д. Ломовский и другие известные ученые-криминалисты¹. Однако в учебной литературе эти вопросы не получили достаточного освещения. Насколько известно, среди многочисленных учебников по криминалистике соответствующие главы содержались лишь в учебниках «Советская криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений» под редакцией В. К. Лисиченко (Киев, 1988); «Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования» под редакцией Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина (М., 1997); «Криминалистика» под редакцией

© Фомина А. С., 2014

А. Ф. Волынского (М., 1999); «Криминалистика: учебник для студентов и слушателей МВД России» под редакцией А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова (М., 2008)². В юридических вузах при изучении криминалистики и связанных с нею спецкурсов не уделялось должного внимания методике раскрытия и расследования преступлений прошлых лет.

Работа по большинству уголовных дел прошлых лет в должной мере не велась, последовательный ведомственный контроль по ним отсутствовал. Раскрытие преступлений обуславливалось розыском уже известных обвиняемых либо признаниями задержанных за другие преступления лиц. Причинами таких упущений являлись недостаточный кадровый и профессиональный потенциал правоохранительных органов, загруженность следственно-оперативного состава делами текущего периода, отсутствие налаженного взаимодействия между следственными, оперативно-розыскными и экспертными подразделениями, игнорирование возможностей криминалистических учетов, несовершенство системы отчетности, и др. Таким образом, можно сделать вывод, что достаточно долгий период в криминалистической теории и практике отсутствовал системный подход к совершенствованию методики расследования преступлений прошлых лет.

На современном этапе работа по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных в прошлые годы, объявлена одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов России. В частности, в приказе Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 10 «Об организации работы в Следственном комитете Российской Федерации по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы» указывается на необходимость «сосредоточить особое внимание на работе по раскрытию ранее совершенных тяжких и особо тяжких преступлений»³.

Для оптимизации работы по преступлениям прошлых лет правоохранительными органами созданы межведомственные аналитические группы, постоянно действующие следственно-оперативные группы (ПДСОГ). В состав аналитических групп включены наиболее опытные следователи, работники подразделений процессуального контроля, следователи-криминалисты, руководители ПДСОГ по раскрытию и расследованию пре-

ступлений, совершенных в условиях неочевидности. К работе в аналитических группах привлекаются бывшие работники следственных органов, имеющие большой опыт следственной работы, а также иные необходимые специалисты. В Воронежской области принят совместный приказ Следственного управления СК РФ, Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации и Управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации от 21 апреля 2011 г. «Об организации работы по раскрытию преступлений прошлых лет и деятельности межведомственной аналитической группы», которым утверждено положение «Об организации деятельности аналитической группы по раскрытию преступлений прошлых лет»⁴. Аналитическая группа является координирующим органом на данном направлении деятельности, ее заседания проходят ежеквартально. В состав аналитической группы входят сотрудники отдела криминалистики, представители отдела процессуального контроля, Управление уголовного розыска, Информационного центра, Экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД РФ, а также УФСИН РФ по Воронежской области, руководство возложено на первого заместителя руководителя Следственного управления СК РФ по Воронежской области.

В аналитических группах организуется планомерное изучение уголовных дел о преступлениях прошлых лет, по которым не установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых. В частности, в Воронежской области в связи с изменением подследственности аналитической группой изучены приостановленные производством уголовные дела в следственных подразделениях органов внутренних дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, по результатам этой работы раскрыто несколько преступлений. Проверены приостановленные производством уголовные дела по фактам обнаружения неопознанных трупов; по тем делам, где сохранились биологические останки, следствие возобновлено для постановки их на ДНК-учет.

При необходимости принимаются меры к отмене ранее принятых необоснованных процессуальных решений, а также к подготовке письменных указаний соответствующих должностных лиц следственных органов. Так, аналитической группой в

Воронежской области в 2012 г. изучены уголовные дела о преступлениях против личности и половой неприкосновенности, которые были приостановлены производством в 1999 и 2000 гг., с целью выявления перспективных в плане раскрытия, даны указания о возобновлении восьми из них. Итогом проделанной работы стало раскрытие трех преступлений; проведена очередная сверка приостановленных «за розыском» уголовных дел с числом заведенных розыскных дел. По результатам выявлены несоответствия, раскрыто одно покушение на убийство.

Особая роль в рамках аналитической группы принадлежит деятельности отдела криминалистики Следственного управления СК РФ. В частности, в Воронежской области следователями-криминалистами систематически обновляются списки перспективных в плане раскрытия преступлений, даются поручения специализированному подразделению полиции, с которым налажено результативное взаимодействие. Сотрудники отдела криминалистики только в 2012 г. с целью оказания практической помощи при раскрытии преступлений прошлых лет осуществили 19 выездов в следственные отделы (межрайонные следственные отделы), было раскрыто 6 преступлений. В 2012 г. следователи-криминалисты приняли участие в расследовании 4 уголовных дел о серийных преступлениях, в том числе совершенных в прошлые годы. Отделом криминалистики ежегодно составляется и направляется для сведения в другие субъекты Российской Федерации бюллетень, содержащий информацию о нераскрытых убийствах, совершенных на территории Воронежской области. В отделе криминалистики ведутся учет и периодическая автоматизированная обработка (при содействии Бюро специализированных технических мероприятий полиции) всех так называемых «биллингов» – телефонных соединений по местам совершения нераскрытых преступлений прошлых лет, а также IMEI-кодов похищенных мобильных терминалов. В целях повышения квалификации отделом криминалистики регулярно проводятся семинарские занятия со следователями, в том числе и по вопросам организации раскрытия преступлений прошлых лет, организуется обмен опытом с другими правоохранительными органами, выступления перед студентами юридического факультета ВГУ.

Для более эффективного раскрытия и расследования преступлений прошлых лет правоохранными органами России в настоящее время организована обязательная проверка по всем имеющимся учетам информационных и экспертно-криминалистических центров МВД РФ (и иных министерств и ведомств, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также их территориальных подразделений) следов, документов и предметов по уголовным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет. Активно используется система автоматизированного централизованного учета нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности «Глухарь». Например, с ИЦ и ЭКЦ ГУ МВД РФ по Воронежской области была проведена дополнительная сверка по уголовным делам – определены следы рук неустановленных лиц, изъятые с мест нераскрытых преступлений, они дополнительно проверены по АДИС «Папилон», в электронном виде направлены во все регионы страны. На этой основе раскрыто убийство в Грибановском районе области.

В Воронежской области сформирован и постоянно корректируется реестр нераскрытых преступлений. Сведения о них сосредоточены в созданной в отделе криминалистики базе данных «Глухарь – регион», позволяющей в автоматизированном режиме определять аналогию, схожие криминалистические признаки, выявлять серии и т.п. В отделе криминалистики продолжается работа по формированию базы данных «Душегуб», содержащей сведения более чем по 6000 преступлений. Ежеквартально направляются сведения в СК РФ в АБД «Глухарь». Отделом криминалистики систематизирована и обновляется собственная база по учету ДНК-профилей, работа с которой представляется как одно из наиболее перспективных направлений в раскрытии и расследовании преступлений прошлых лет. Сведения, содержащиеся в этой базе данных (более 1000 генотипов), направляются в Главное управление криминалистики СК РФ для формирования соответствующего учета на федеральном уровне.

Несмотря на проводимую активную работу по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет, существует ряд объективных проблем, связанных с воздействием фактора времени и психологического фактора.

К числу проблем, которые порождает фактор времени, можно отнести вопрос о сохранности и возможности дальнейшего использования идеальных и материальных следов. В частности, Главное управление криминалистики СК РФ целенаправленно занимается вопросами активизации памяти участников процесса, для чего привлекаются и используются соответствующие специалисты. По конкретным уголовным делам проводится гипнорепродукция памяти (в рамках прикладных психофизиологических исследований памяти человека). С использованием полиграфа изучаются психофизиологические реакции человека на задаваемые вопросы, в том числе с целью выявления скрываемой информации. По нераскрытым преступлениям активно используется составление психологического портрета (профиля) преступника.

Для обнаружения, фиксации, изъятия и использования материальных следов применяются современные технико-криминалистические средства, в частности приборы подповерхностного зондирования, георадары для поиска трупов, орудий и следов преступления в различных средах.

Поставлена задача проверки сохранности вещественных доказательств, проведения по ним экспертных исследований, в частности молекулярно-генетических экспертиз. В отношении криминалистических экспертиз существует проблема воздействия на следы в процессе ранее проводившихся исследований. Если объекты уже подвергались воздействию (например, с них производились смывы), задача еще более усложняется. В этих случаях назначаются и проводятся повторные и дополнительные экспертизы.

В качестве отдельной проблемы хотелось бы выделить наличие в Российской Федерации латентных преступлений. На сегодняшний день отсутствует единое понимание латентной преступности. Так, Б. В. Муслов полагает, что «латентная преступность – это объективное социально-правовое явление, имеющее свои качественные и количественные характеристики, представляющее собой совокупность общественно опасных деяний, не выявленных и не учтенных правоохранительными органами, ответственность за которые предусмотрена действующим Уголовным кодексом. Невыявленность и неучтенность, как основные специфические признаки латентной преступнос-

ти, заключаются в отсутствии фиксации сведений о преступлениях со стороны органов, ведущих их регистрацию и учет, в отсутствии возбужденных по данным фактам уголовных дел. Основными причинами латентной преступности являются:

- несоответствие между требованиями, предъявляемыми к деятельности сотрудников МВД (как основного органа, осуществляющего регистрацию преступлений), и предоставляемыми этому органу ресурсными возможностями;
- укрытие преступлений сотрудниками ОВД, что непосредственно отражается на правосознании граждан;
- неразвитая система защиты прав свидетелей и потерпевших;
- невысокий уровень правосознания населения;
- несовершенство действующего законодательства.

Помимо указанных причин нужно учитывать и то, что латентная преступность может являться следствием некоторого отрицания членами общества уголовного закона как регулятора определенного вида общественных отношений, стремления неправовыми средствами разрешить возникшую проблему»⁵.

Р. Г. Ардашев отмечает: «В 2010 г. прокуроры ряда субъектов Российской Федерации изучили 1869 постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по фактам смерти людей, после чего исследователи пришли к выводу: значительное количество убийств остается латентным»⁶. Сотрудники правоохранительных органов «недостаточно тщательно проверяют обстоятельства гибели людей, охотно используют в качестве оснований для возбуждения уголовного дела даже примитивные инсценировки, посредством которых преступники маскируют убийства под несчастные случаи и самоубийства»⁷. По приводимым И. Егоровым данным «за девять месяцев 2011 г. прокуроры России выявили более 200 убийств, скрытых от учета»⁸. Эти цифры, по мнению Р. Г. Ардашева, могут быть намного увеличены, если подсчитать те эпизоды преступлений, которые связаны с самоубийством виновных лиц в условиях очевидности. Ежегодно в нашей стране совершаются сотни убийств, сопряженных с последующим суицидом подозреваемых⁹. Точного числа таких деяний не знает никто: по сообщению заместителя начальника Главного информационно-аналитического центра МВД РФ А. Ф. Бушуева, «сбор и обработка сведений о количест-

ве лиц, совершивших убийство, и покончивших самоубийством до направления уголовного дела в суд, в рамках действующих государственных и ведомственных форм статистической отчетности – не предусмотрены»¹⁰. В итоге Р. Г. Ардашев приходит к выводу: «Даже когда убийства с последующим суицидом виновного лица совершаются в условиях очевидности, то статистических сведений о таких деяниях нет ни в региональных информационных центрах, ни в ГИАЦ МВД РФ»¹¹. Можно согласиться с утверждением Л. Н. Богдановой, что неблагоприятная тенденция увеличения латентных убийств в современной России во многом обусловлена «очевидными упущениями в деятельности прокуроров, обязанных обеспечивать действенный надзор за законностью и обоснованностью принимаемых следователями процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовных дел по таким фактам»¹². Однако к категории латентных преступлений относятся и незарегистрированные преступления, когда заявителю незаконно отказывают в принятии его обращения в правоохранительные органы, а также невыявленные преступления, т.е. те случаи, когда потерпевшие по тем или иным причинам не обращаются в правоохранительные органы. О. Я. Баев пишет: «Зачастую уголовные дела по фактам принуждения к даче показаний, даже при наличии о том заявления потерпевшего, вообще не возбуждаются; после формальной доследственной проверки такого заявления в порядке ст. 144 УПК выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Либо уголовное дело по такому заявлению возбуждается несвоевременно (как правило, после неоднократных жалоб заявителя в различные инстанции), что, очевидно, не может не сказываться на качестве их расследования.

Более того, проверка заявления потерпевшего о принуждении его к даче показаний в зависимости от стадии уголовного процесса, на которой оно сделано, осуществляется в рамках расследуемого или рассматриваемого в суде уголовного дела; следователем, это дело расследующим (либо в лучшем случае его коллегой, сидящим в соседнем кабинете); когда же такое заявление делается в стадии судебного следствия, суд ограничивается назначением служебной проверки, производимой сотрудниками прокуратуры, руководитель которой утвердил по данному уголовному делу обвинительное заключение.

Либо «проверка» ограничивается допросом в суде сотрудников правоохранительных органов, которые названы заявителем как лица, принуждавшие его к даче показаний, и которым суд задает, по существу, единственный сакраментальный вопрос: принуждали ли вы заявителя к даче показаний (иными словами, применяли ли к данному лицу физическое и/или психическое насилие)?

Результаты таких «расследований» и «проверок», увы, очевидны...»¹³.

Исходя из сказанного, с очевидностью следует вывод: процессуальный порядок разрешения заявлений/сообщений о преступлениях нуждается в совершенствовании, особенно по тяжким и особенно тяжким преступлениям; нуждается в совершенствовании и система учета поступивших заявлений/сообщений о преступлениях. Б. В. Муслов предлагает включить в УК РФ статью 300.1. «Отказ в регистрации сообщения о преступлении»¹⁴.

Важным вопросом является подготовка следователей, их стажировка. Внимание этому должно уделяться, в первую очередь, в высших учебных заведениях. В связи с этим мы всецело поддерживаем предложение В. П. Лаврова: «...во всех вузах, готовящих следователей, дознавателей и оперативных сотрудников, ввести междисциплинарные (межкафедральные) спецкурсы по методике раскрытия преступлений прошлых лет объемом не менее 60 часов, в том числе 30 часов аудиторного времени»¹⁵. Как представляется, именно на базе вузов должны быть организованы переподготовка следователей, конференции с привлечением представителей следственных подразделений, оперативных и экспертных служб различных министерств и ведомств с целью обмена опытом и налаживания эффективного взаимодействия.

¹ См.: *Бердичевский Ф. Ю.* Работа следователей по приостановленным делам // Социалистическая законность. 1973. № 4 ; *Быков В. М.* Деятельность следователя по приостановленным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972 ; *Быков В. М., Ломовский В. Д.* Приостановление производства по уголовному делу. М., 1978 ; *Коврижных Б. Н.* Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах. Харьков, 1969.

² См.: Советская криминалистика : методика расследования отдельных видов преступлений / под ред. В. К. Лисиченко. Киев, 1988 ; Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997 ; Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского. М., 1999 ; Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М., 2008.

³ Об организации работы в Следственном комитете Российской Федерации по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы : приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 10 // Сб. основных приказов, распоряжений и указаний Председателя Следственного комитета Российской Федерации. М., 2011. Т. 1. С. 120–123.

⁴ Об организации работы по раскрытию преступлений прошлых лет и деятельности межведомственной аналитической группы : совместный приказ Следственного управления Следственного комитета России по Воронежской области, Главного управления внутренних дел по Воронежской области, Управления федеральной службы исполнения наказания по Воронежской области от 21 апреля 2011 г. № 80/190/54 // Сб. информационно-методических документов по основным направлениям деятельности Следственного управления Следственного комитета РФ по Воронежской области. Воронеж, 2011. С. 73–78.

⁵ *Муслов Б. В.* Латентная преступность : некоторые вопросы теории и практики противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 7.

⁶ *Ардашев Р. Г.* Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Иркутск, 2013. С. 73.

⁷ *Богданова Л. Н.* Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок. Уголовное право. 2011. № 5. С. 114.

⁸ *Егоров И.* Дел много // Рос. газ. 2012. 12 янв.

⁹ См.: *Фалалеев М.* Стрелялись // Там же.

¹⁰ Цит. по: *Ардашев Р. Г.* Указ. соч. С. 73–74.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² *Богданова Л. Н.* Указ. соч. С. 114.

¹³ *Баев О. Я.* Методические основы и типовые программы расследования принуждения к даче показаний : науч.-практ. пособие. М., 2013. С. 64–65.

¹⁴ *Муслов Б. В.* Указ. соч. С. 8;

¹⁵ *Лавров В. П.* Проблема расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и некоторые пути ее решения // Предварительное следствие. 2009. Вып. 4(6). С. 35.

А. В. Хмелева

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ОТВЕЧАЮЩИЕ ЗАДАЧАМ ЗАЩИТЫ
ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО**

Строгое соблюдение норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, служит важной гарантией реализации лицом, пострадавшим от преступления, своего конституционного права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного ему ущерба. Статья 52 Конституции Российской Федерации устанавливает: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом». Эти положения нашли более полную конкретизацию в ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, посвященной такому участнику уголовного процесса, как «потерпевший». В соответствии с Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г., а также с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы (членом которой с 1998 г. является Россия) от 28 июня 1985 г. «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» важной функцией уголовного правосудия должна быть охрана законных интересов потерпевшего, уважение его достоинства, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию. Это подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Указанные положения нашли свое развитие в правовых документах, касающихся экспертных исследований по уголовным делам, обеспечивающих всесторонность и полноту устанавливаемых обстоятельств совершенного преступления и объективность предварительного следствия.

© Хмелева А. В., 2014

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» имеется несколько нововведений: п. 8 постановления фактически распространил права подозреваемого, обвиняемого, предусмотренные п. 1–6 ч. 1 ст. 198 УПК РФ «Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы», на потерпевшего. Ранее права потерпевшего в этой части были значительно уже (ч. 2 ст. 198 УПК РФ) и предусматривали только возможность знакомиться с заключением эксперта, постановлением о назначении экспертизы, заявлять отвод эксперту, ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении. В настоящее время Пленум расширил права потерпевшего в сфере назначения и производства судебных экспертиз: потерпевший вправе ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов конкретных лиц, о внесении в постановление о назначении экспертизы дополнительных вопросов, присутствовать при производстве экспертизы (с разрешения следователя), протоколом допроса эксперта. Это является примером развития важного принципа, обеспечивающего защиту прав и интересов потерпевшего, закрепленного в п. 1 постановления Пленума от 29 июня 2010 г. № 17: «Обязанностью государства является не только предотвращение и пресечение в установленном порядке посягательств, способных причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечение потерпевшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами». Как видим, в отношении защиты потерпевшим своих прав действует принцип: «Что не запрещено, то разрешено». Однако соответствующие изменения в УПК РФ пока не приняты.

Кроме того, Пленум завершил длительную дискуссию о возможности производства комплексной экспертизы одним экспертом, если он обладает специальными знаниями по различным экспертным специальностям (УПК РФ и Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» предусматривают производство комплексной экспертизы только комиссией экспертов), в постановлении подробно рассмотрены вопросы назначения судебных экспертиз в негосударственные судебные

учреждения, в том числе физическим лицам, не являющимся сотрудниками экспертных учреждений.

В связи с изменениями в УПК РФ существует острая необходимость в дополнениях Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в части правомерности назначения и проведения исследований на стадии доследственной проверки (в контексте ч. 1 ст. 144 УПК РФ), возможности проведения исследования комиссионно, привлечения в комиссию специалистов-«внештатников», проведения специалистами государственных судебно-экспертных учреждений (СЭУ) исследований на стадии процессуальной проверки бесплатно, проведения судебных экспертиз на данной стадии уголовно-процессуального производства (последнее – в соответствии с изменениями и дополнениями УПК РФ от 4 марта 2013 г.). Исходя из этого, хотелось бы обратить внимание на следующее. В соответствии с п. 1.2 ст. 144 УПК РФ (введенным Федеральным законом Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), если судебная экспертиза назначалась на стадии процессуальной проверки, т.е. до возбуждения уголовного дела, и после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. При этом законодатель не внес соответствующие изменения в ст. 207 УПК РФ «Дополнительная и повторная судебная экспертиза», отразив новое основание для назначения таких экспертиз. Представляется, что следователям целесообразно в указанных случаях действовать упреждающе и в обязательном порядке назначать после возбуждения уголовного дела дополнительную судебную экспертизу, чтобы не допустить получения ходатайства на завершающей стадии следствия.

Недостаточно разработан законодателем правовой институт «заключение специалиста»: вопросы порядка привлечения специалиста, оформления заключения, его структуры и содержания. Целесообразно определить отличия заключения специалиста от исследования, проведенного экспертом, и от

письменной консультации специалиста; урегулировать вопрос, на основании какого документа следователя специалист дает заключение; однозначно определиться – предусматривает ли задание специалисту проведение им исследования (в указанном постановлении Пленума этот вопрос решен отрицательно, но на практике однозначный подход отсутствует (например, дача заключения специалиста-полиграфолога предусматривает проведение им исследования, и заключение специалиста-полиграфолога содержит исследовательскую часть). Мнение о том, что специалист, для того чтобы дать свое заключение, на практике может проводить исследования, высказано и другими авторами, в частности А. Р. Белкиным¹. На наш взгляд, указание, содержащееся в ст. 58 УПК РФ, о том, что специалист привлекается в том числе и для применения технических средств в *исследовании материалов дела*, допускает возможность проведения исследования специалистом. Однако недостаточно ясно, что надо понимать под упомянутом в статье «исследованием материалов дела».

Статья 74 УПК РФ устанавливает такой вид доказательств, как «показания специалиста», однако кодекс не предусматривает следственного действия «допрос специалиста», на практике обычно его допрашивают в качестве сведущего лица – свидетеля. (Допрос эксперта как самостоятельное следственное действие предусмотрен ст. 205 УПК РФ.) Этот вопрос также требует правового урегулирования. В плане расширения прав потерпевшего в уголовном процессе целесообразно по аналогии с заключением эксперта предусмотреть в законе возможность потерпевшего знакомиться с заключением специалиста, с протоколом его допроса, ходатайствовать о привлечении в качестве специалиста конкретных лиц.

Необходимо более четко законодательно решить вопрос об установлении уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения специалиста (речь идет о доказательстве, по своему статусу таком же, как и заключение эксперта). Статья 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста и неправильный перевод» предусматривает уголовную ответственность за заведомо ложное заключение специалиста, однако в диспозиции статьи речь идет только о показании специалиста; заключение специалиста в ней не

упомянуто, в отличие от показания и заключения эксперта. По мнению профессора О. Я. Баева, это логично, так как «в соответствии со ст. 80 УПК РФ заключение специалиста есть его суждение... Очевидно, что за суждения как таковые уголовная ответственность невозможна...»². У нас несколько иная точка зрения по этому поводу. В соответствии со ст. 58 УПК РФ специалист приглашается и для разъяснения сторонам или суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Эти разъяснения он в виде письменных суждений может оформить как заключение специалиста, при этом уголовная ответственность по ст. 307 Уголовного кодекса РФ наступает не за ошибочные суждения специалиста, а за заведомо ложные. Эту позицию по рассматриваемому вопросу разделяют и другие авторы³.

Назрела настоятельная необходимость не только внесения дополнений и изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, но и принятия Закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, где должны быть урегулированы вопросы производства экспертиз и исследований как государственными судебными экспертами, так и негосударственными (юридическими и физическими лицами), а также урегулирование деятельности такого участника уголовного процесса, обладающего специальными знаниями, как специалист.

В рассматриваемом аспекте хотелось бы остановиться подробнее на некоторых новеллах УК РФ.

Изменения, внесенные в УК РФ 1 марта 2012 г., устанавливают, что состав преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ, образуют преступные действия, совершенные в отношении лица, не достигшего 16-летнего возраста и *половой зрелости*. При этом в ведомственных подзаконных актах не разъяснено, что понимается под половой зрелостью, какие специалисты или эксперты и каких специальностей должны привлекаться для решения этого вопроса. Не были внесены соответствующие дополнения в Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».

Письмом исполняющего обязанности директора Российского центра судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 марта 2012 г. № 1172 до издания соответствующего нормативного правового акта рекомендовано судебно-медицинским экспертам при решении данного вопроса руководствоваться комплексом медицинских критериев, которые содержатся в ранее применявшихся инструктивных информационных документах о правилах определения половых состояний. Было указано, что данные исследования надо выполнять в рамках комиссионных комплексных экспертиз с привлечением в состав комиссий соответствующих специалистов и проведения при необходимости лабораторных исследований. Эта же позиция отражена в более позднем документе «Методические рекомендации «Порядок установления половой зрелости», утвержденном 11 декабря 2012 г. главным внештатным специалистом по судебной экспертизе Минздрава России. Следователи Следственного комитета по Воронежской области привлекают в состав комиссий Бюро судебно-медицинской экспертизы (СБМЭ) детского врача-гинеколога и детского врача-уролога, которые работают совместно со специалистом, проводящим ультразвуковое исследование потерпевших. Всё это требует существенных организационных, временных затрат и финансовых расходов, так как труд привлеченных в комиссию специалистов оплачивается на договорной основе. Однако представляется, что решение вопроса о половой зрелости лица, от которого напрямую зависит принятие решения о возбуждении уголовного дела, должно находиться в компетенции экспертов государственных СЭУ. Необходимо внести дополнения в Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 34н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации», касающиеся порядка организации и проведения исследований по вопросам половой зрелости подростков, обеспечить инструментальную базу и соответствующую подготовку судебно-медицинских кадров учреждений судебной медицины.

У практических работников следствия вызывает тревогу поспешные, на наш взгляд, указанные выше изменения, вне-

сенные в ст. 135 и 134 УК РФ, связанные с установлением такого элемента состава преступления, как половая зрелость потерпевшего. Известно, что половой зрелости по отдельным физиологическим основаниям большинство подростков достигает в 13–14 лет. (В 2013 г. в передаче «ДНК» на Центральном телевидении обсуждалась ситуация, связанная с рождением ребенка 11-летней девочкой.) Введение правила, в соответствии с которым не образуют состав преступления развратные действия в отношении подростков от 14 до 16 лет, если они достигли половой зрелости, фактически декриминализирует состав тяжкого преступления. Отказ государства признать преступлением совершение *развратных* действий в отношении подростка, пусть физиологически и достигшего половой зрелости, идет вразрез с проводимой политикой ужесточения наказаний за преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, не отвечает духу Закона, принципам охраны здоровья и нравственности подрастающего поколения; тем более что речь идет о том возрасте, когда формируются основы половой культуры, взаимоотношения полов, идет морально-нравственное становление и воспитание личности. Принятие данных поправок на практике привело к тому, что ряд уголовных дел о развратных действиях, в ходе следствия по которым были установлены обвиняемые, в 2012 г. были прекращены.

Неудачна и юридическая техника, которую использует законодатель при формулировании диспозиции ч. 1 ст. 135 УК РФ. Она предусматривает совершение развратных действий в отношении лица, «не достигшего половой зрелости и 16-летнего возраста». Однако анализ ч. 2 данной статьи, а также примечаний к ст. 131 УК РФ свидетельствует о том, что в первой части речь идет о подростке в возрасте именно от 14 до 16 лет. Если потерпевший ребенок не достиг 14-летнего возраста, то вопрос о достижении им половой зрелости не стоит как условие возбуждения уголовного дела, но на практике допускается различное толкование этих положений закона.

Установление уголовной ответственности за совершения ненасильственного полового акта и развратных действий в отношении лица в возрасте до 12 лет не в соответствующих статьях кодекса (ст. 134 и 135 УК РФ), а в примечаниях к ст. 131 УК РФ также вызывает критику.

Еще один момент, на который уже обращали внимание практики. В ст. 134 УК РФ, которую законодатель позиционирует как «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», говорится только о половом сношении, мужеложстве и лесбиянстве, *иные действия сексуального характера*, фигурирующие в названии статьи, в ней не упомянуты. Указанное различие в названии и содержании статьи УК РФ неприемлемо и должно быть исправлено (по аналогии со ст. 132 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за насильственные мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера).

Хочется остановиться еще на одном аспекте. Известно, что под уголовно наказуемые развратные действия подпадает оголение половых органов перед малолетними детьми без какого-либо физического контакта с ними. На практике мы часто сталкиваемся с фактами демонстрации половых органов детям до 12 лет, например, играющими во дворе, мужчинами, причем последние, как правило, находятся от детей на расстоянии, прячутся в кустах, за сараями, в подъездах домов. Дети в силу возраста обычно не придают этому большого значения, быстро забывают об этом событии (т.е. морально-нравственный ущерб для них минимален). Однако изменения в УК РФ квалифицируют эти действия по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, в качестве наказания – лишение свободы на срок от 12 до 20 лет. Оно превышает наказание, установленное ч. 1 ст. 132 (совершение сексуальных действий с применением *насилия*) – лишение свободы до 6 лет. Представляется, что в данном случае тяжесть наказания не согласуется с принципом справедливости уголовного права (ст. 6 УК РФ), устанавливающим, что наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, хотя и идет в русле усиления уголовной ответственности за преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних.

Давно назрела необходимость законодательного разрешения вопроса об организации охраны стационарных отделений судебно-психиатрических экспертиз для лиц, находящихся под стражей. Из-за того, что законом не определено ведомство, осуществляющее охрану данного объекта, в Воронежской об-

ласти не действует вновь построенное отделение для таких лиц, и следственные органы с 2002 г. вынуждены направлять обвиняемых на стационарную психолого-психиатрическую экспертизу в Курский региональный центр судебной экспертизы, что связано с организационными и временными затратами, увеличивает сроки следствия и не отвечает интересам потерпевших.

В этом году дважды мы столкнулись с проблемой проведения стационарной психиатрической экспертизы лица, находящегося под стражей и страдающего открытой формой туберкулеза. В Воронежской области такое спецотделение имеется только для нестражных подэкспертных. Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского (г. Москва) отказался провести такую экспертизу «в связи с отсутствием специального инфекционного блока». При обращении в экспертные учреждения соседних областей был получен отказ. Этот вопрос также требует урегулирования.

Далее остановимся на отдельных вопросах использования высокотехнологичных экспертных исследований в плане установления истины по делу и защиты прав и законных интересов потерпевших. Прежде всего это касается назначения и производства молекулярно-генетических судебно-медицинских экспертиз. Следственным управлением по Воронежской области успешно используется этот вид исследований, обеспечивающих раскрытие и расследование особо тяжких преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности человека. Благодаря результатам генотипоскопической экспертизы были выявлены несколько серий преступлений и установлено лицо, их совершившее (убийства, сопряженные с изнасилованием трех несовершеннолетних и молодой женщины в г. Россошь и г. Воронеже, серия изнасилований в Советском районе г. Воронежа, два убийства девушек в Семилукском районе области и др.). Отделом криминалистики была проведена большая работа по ревизии вещественных доказательств по уголовным делам прошлых лет, оставшихся нераскрытыми, проведению по ним молекулярно-генетических экспертиз с целью выявления ДНК-профилей преступников по имеющимся биологическим следам и проверки их по соответствующим базам данных

СЭУ Министерства внутренних дел и Главного управления криминалистики СК России. Так, были раскрыты изнасилования несовершеннолетней в Борисоглебском районе, совершенное в 2005 г., изнасилование женщины в Железнодорожном районе г. Воронежа, совершенное в 2006 г. В управлении по инициативе отдела криминалистики в обязательном порядке при проведении процессуальных проверок по сообщениям о фактах безвестного исчезновения граждан устанавливается ДНК-профиль пропавшего (или по его вещам с биологическими следами, или по крови близких родственников, прежде всего – матери). Установлено требование обязательного выявления ДНК-профиля обнаруженного трупа неустановленного лица – в реализацию изменений, внесенных в ст. 178 УПК РФ, в соответствии с которой неопознанные трупы подлежат обязательной государственной геномной регистрации. Данный закон принят в декабре 2008 г., однако в полной мере его положения до настоящего времени не реализуются. Отсутствуют базы данных генотипов без вести пропавших лиц и неустановленных трупов, по которым можно было бы проверять выявленные генотипы по аналогии с дактоучетом. В настоящее время при выявлении ДНК-профиля неопознанного трупа его биологическое родство с возможными лицами определяется не проверкой по соответствующей базе безвестно пропавших лиц (и наоборот), а проведением судебных экспертиз в отношении конкретных лиц. Работа в этом направлении только начинается, в частности – в Главном управлении криминалистики СК России. Ускорение реализации положений Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» – неотложное требование времени.

В связи с важностью и значимостью идентификационных выводов генных экспертиз хотелось бы обратить внимание следователей на возможные ошибки при их производстве. К сожалению, практически отсутствуют опубликованные обобщенные сведения о судебных ошибках, допущенных экспертами-генетиками СЭУ России (кроме, пожалуй, признания ошибочности теории так называемого «двойного выделительства»), объясняющего, почему известный Чикатило был освобожден из-под

стражи после первого же совершенного им убийства девочки с учетом результатов судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств). Однако в зарубежной литературе приводятся сведения о технических ошибках эксперта, который, вводя в базу данных информацию о ДНК-профилях, по небрежности перепутал фамилии лиц. Описан случай, когда на трупе женщины были обнаружены биологические следы другой женщины, знакомство и контакты с которой у потерпевшей были полностью исключены (оказалось, что в одном помещении одновременно исследовались следы и образцы с двух разных преступлений, и произошел по небрежности экспертов перенос минимальных количеств биологических следов). Все это значительно затруднило следствие. Во время учебы автора в Институте повышения квалификации сотрудников Следственного комитета (сентябрь 2013 г.) специалисты рассказывали следователям-криминалистам о случаях попадания следов крови следователя на труп в результате убийства следователем укусившего его комара при осмотре трупа на открытой местности; попадания на труп слюны оперативного сотрудника следственно-оперативной группы во время кашля при его присутствии на вскрытии трупа в морге. С учетом чувствительности современных молекулярно-генетических методов исследования хотелось бы обратить внимание на необходимость внедрения давно практикуемого в других странах обязательного надевания участниками осмотра одноразовых защитных костюмов, масок и обязательной регистрации всех участников осмотра. К сожалению, у нас даже бахилы и перчатки пока еще не стали привычным атрибутом одежды следователя и других членов следственно-оперативной группы при работе на месте происшествия.

Хочется добавить, что при расследования преступления, совершенного по сексуальным мотивам в отношении малолетней девочки (2010 г., г. Воронеж) следователи столкнулись с тем, что определение ДНК-профиля экспертами системы министерства здравоохранения и министерства внутренних дел осуществляются по разным методикам, при этом специалистами были получены различные результаты по установленной группе крови преступника. Повторная экспертиза, выполненная вышестоящими судебно-экспертными учреждениями, не внесла ясности

(в каждом случае центральные учреждения повторили выводы профильных местных учреждений, не выявив ошибки в первоначальных экспертизах).

¹ См., например: *Белкин А. Р.* Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов. Воронеж, 2004. Вып. 5. С. 43 ; *Овсянников И.* Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 32–35.

² *Баев О. Я.* Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 2. С. 213.

³ См., например: *Пащутина О. С.* Актуальные вопросы правовой регламентации участия специалиста при производстве по уголовным делам // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 25.

О. Ю. Цурлуй

МЕСТО И РОЛЬ КОНТРОЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА

Закрепленное в ст. 46 Конституции Российской Федерации право на судебную защиту – одно из значимых достижений в области обеспечения прав человека в России. В уголовном судопроизводстве оно означает возможность на беспрепятственное обращение каждого в суд, справедливое отправление правосудия, право на судебный контроль. Фактически это право на высокоэффективную судебную защиту.

Статья 118 Конституции РФ декларирует: «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Согласно данной норме Основного закона суд является единственным государственным органом, уполномоченным осуществлять правосудие как особую функцию государственной власти. Правосудие представляет собой основную форму реализации судебной власти. Судебная власть в соответствии с указанной нормой реализуется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. По сути, че-

рез виды судопроизводства Конституция РФ толкует объем и направление осуществления судебной власти.

В рамках уголовного судопроизводства правосудие является основной функцией суда и конкретной частью судопроизводства, состоящей из осуществляемой в процессуальном порядке деятельности судов по рассмотрению в судебных заседаниях уголовных дел, вынесению соответствующих актов правосудия. Однако уголовно-процессуальный закон не содержит определения понятия «правосудие по уголовному делу».

В пункте 50 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указано, что правосудие осуществляется в форме судебного заседания в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Исходя из данного положения, функция правосудия реализуется судом не только в судебном разбирательстве дела, но и в рамках досудебного производства по делу. Однако нормой ст. 29 УПК РФ полномочия суда четко разделены на досудебную и судебную деятельность суда.

В рамках досудебной деятельности суд правомочен: 1) санкционировать производство ряда следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства, а также применение отдельных мер процессуального принуждения; 2) решать вопрос о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответствующей экспертизы, о возмещении имущественного вреда, о реализации или об уничтожении отдельных вещественных доказательств; 3) рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, дознавателя. Таким образом, в ходе досудебного производства по уголовному делу суд реализует функцию судебного контроля.

Осуществляя судебную деятельность, суд решает вопрос о признании лица виновным либо невиновным, назначении ему наказания либо применения иных мер уголовно-правового характера, а также пересматривает решения нижестоящего суда, т.е. реализует функцию правосудия.

Возникает вопрос: является ли судебный контроль правосудием? Полагаем, что ответить на этот вопрос возможно, рассмотрев понятие и основные признаки указанных функций суда на основании анализа положений УПК РФ, а также теоретических исследований, посвященных данной проблеме.

В уголовном процессе выделяют два основных подхода к определению понятия «правосудие по уголовным делам».

Первый заключается в том, что правосудие – это самостоятельный вид государственной (публичной) правоприменительной деятельности, состоящий в том, что независимый и справедливый суд рассматривает и разрешает уголовные дела, принимая по ним от имени государства решения, предоставляя сторонам возможность всесторонне исследовать все обстоятельства уголовного дела, в целях охраны прав и интересов граждан, организаций, общества, государства. Результатом данной деятельности является признание лица виновным в совершении преступления, назначение установленной Уголовным кодексом Российской Федерации меры уголовного наказания, либо оправдание лица, либо освобождение от уголовного наказания. «Отправление правосудия осуществляется на основе принципов независимости, несменяемости и неприкосновенности судей и подчинения их только закону, открытости судебного разбирательства, состязательности и равноправия сторон», – отмечают сторонники данного подхода¹.

Второй подход – более широкий – не ограничивается лишь деятельностью суда (судьи), связанной исключительно с разбирательством конкретных дел в судебных заседаниях. Он включает «осуществление судебного контроля на всех стадиях процесса в случаях ограничения, нарушения конституционных прав граждан»².

В связи с этим А. П. Гуськова и Н. Г. Муратова отмечают, что конституционный принцип доступа к правосудию тесно связан с формированием и развитием универсального судебного контроля³.

Сторонники определения правосудия через существенный признак судебного контроля обосновывают свою позицию тем, что существует некоторое процедурное сходство, проявляющееся при реализации судом самостоятельных функций судебного контроля и правосудия: во-первых, и в том и в другом случае разрешается правовой конфликт по существу, во-вторых, в обоих случаях деятельность суда облечена в строгую процессуальную деятельность, в-третьих, по результатам рассмотрения конфликтов принимаются общеобязательные, обеспеченные государственным принуждением решения, существенно отли-

чающиеся по своей правовой природе, а также по юридическим последствиям, которые эти решения имеют для участников процесса.

Однако контрольная функция суда «в ходе досудебного производства заключается в рассмотрении жалоб и ходатайств, связанных с проведением определенных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права участников уголовного процесса, а также в проверке законности и обоснованности решений следователя, дознавателя, прокурора»⁴, а «осуществляя правосудие, суд сам при активном участии сторон принимает окончательное решение по делу, т.е. осуществляет деятельность по рассмотрению и разрешению уголовных дел в определенной процессуальной форме, направленную на установление объективной истины по делу»⁵.

Изложенное можно резюмировать словами и Н. И. Газетдинова и Н. А. Колоколова, соответственно, что «осуществляя правосудие, суд разрешает спор, а осуществляя судебный контроль, суд лишь дает оценку отдельным действиям или бездействию либо решениям других субъектов уголовно-процессуальной деятельности»⁶, по отношению к собственно правосудию «судебный контроль в стадии предварительного расследования выполняет правообеспечительную и правосстановительную функции»⁷.

Следовательно, функцию судебного контроля нельзя отнести к правосудию, так как ее целью является обеспечение реализации задач стадий досудебного производства с соблюдением принципа законности, прав участников уголовного судопроизводства и последующего направления дела в суд для рассмотрения по существу.

Анализ специальной литературы свидетельствует, что в качестве признаков правосудия выделяют: 1) разрешение судебным органом в особой судебной-процессуальной форме по инициативе уполномоченных на то органов и лиц правовых споров и конфликтов; 2) осуществление данного процесса на основе общих для всех судов конституционных принципов правосудия (независимость судей, гласность, состязательность и равноправие сторон); 3) завершение разрешения посредством принятия общеобязательных, обеспеченных государственным принуждением, решений⁸; 4) только при осуществлении функции право-

судья суд решает вопрос о виновности и ответственности лица⁹;
5) реализация правосудия только в судебных стадиях уголовного процесса, где обеспечиваются его главные цели.

Определяя правосудие в рамках уголовного процесса, можно констатировать, что это форма государственной правоприменительной деятельности, совершаемой в порядке, определяемом процессуальным законом, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел – об уголовных преступлениях в целях охраны прав и интересов граждан, организаций, общества и государства¹⁰, в том числе при производстве в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. В каждой из них правосудие осуществляется в процессуальной форме, соответствующей назначению этой стадии процесса.

К определению понятия судебного контроля также существует несколько подходов. Так, судебный контроль относят к числу «функций, необходимых для осуществления правосудия»¹¹.

По мнению И. Л. Петрухина, при реализации судебного контроля «суд не разрешает дело по существу и следует лишь говорить о наличии элементов правосудия в содержании данного явления на предварительном следствии»¹². Фактически судебный контроль является составной частью правосудия.

Ряд исследователей полагают, что судебный контроль представляет собой «особую форму осуществления правосудия»¹³.

В связи с этим В. М. Лебедев, например, относит к правосудию, осуществляемому на стадии предварительного расследования, судебную деятельность по рассмотрению жалобы на незаконность и необоснованность применения мер пресечения¹⁴. В обоснование своего мнения он приводит довод о том, что решения судьи, принятые по указанным вопросам, могут быть обжалованы в апелляционном порядке и, кроме того, отнесение рассмотрения судом этих жалоб к виду правосудия позволяет обосновывать необходимость соблюдения при этом присущих правосудию принципов, в первую очередь принципа справедливости.

Приведенные доводы подвергает сомнению В. А. Азаров, который отмечает, что «во-первых, принцип справедливости является общеправовым и не служит отличительным призна-

ком исключительно правосудия, во-вторых, не все присущие правосудию принципы могут быть использованы при реализации функции судебного контроля»¹⁵.

Если взять в качестве примера рассмотрение судом материалов об ограничении конституционных прав граждан, то данная процедура исключает применение принципа гласности и реализуется без участия лица, чьи права подлежат ограничению. Соответственно, данная деятельность не является судебным разбирательством и «в ее содержании отсутствуют признаки, характерные для уголовно-процессуальных отношений, в первую очередь принцип гласности, а также открытости и состязательности»¹⁶.

Оригинальным следует признать подход, в соответствие с которым на судебный контроль распространяются признаки правосудия¹⁷: 1) особое производство, связанное с осуществлением проверки законности и обоснованности процессуальных действий (бездействия) и решений; 2) разрешение конфликта, а не придание действиям (бездействию) и решениям правоохранительных органов законной силы. Однако понятие правового конфликта в данном случае сужено, так как под ним понимается «спор, непосредственно связанный с принудительно изменяющимися правовыми отношениями сторон, их юридически значимыми действиями и состояниями»¹⁸.

А. П. Гуськова высказывает мнение о том, что суд обладает качественно новой функцией – осуществление правосудия в досудебном производстве – и может теперь вершить правосудие не только в плане деятельности его в судебных стадиях процесса, но и в предварительном производстве. Поскольку сфера судебной власти в виде контроля на досудебных стадиях обозначилась с учетом положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 46 Конституции РФ, то каждому гарантируется защита его прав и свобод в стадиях досудебного производства по уголовному делу¹⁹.

Кроме того, при осуществлении функции судебного контроля: 1) суд разрешает правовой конфликт, однако иного, чем в ходе рассмотрения дела по существу характера; 2) разрешение конфликта протекает в отличной от правосудия процессуальной форме; 3) решение, принятое в порядке судебного контроля, несет некоторую вспомогательную нагрузку и определяет

качество процессуальных действий (бездействия) и решений должностных лиц и органов.

Вместе с тем правосудие и судебный контроль, представляя собой близкие по содержанию уголовно-процессуальные функции суда, имеющие некоторое процедурное сходство, проявляющееся при осуществлении судом, по существу, имеют принципиально различные цели, а также результаты их реализации судом – принятие обеспеченных государственным принуждением решений, которые «существенно отличаются по своей правовой природе, а также по юридическим последствиям»²⁰ для участников процесса.

Основным, наиболее существенным критерием разграничения функций правосудия и судебного контроля выступает решение только судом и только при отправлении правосудия вопроса о виновности и ответственности лица. Институт правосудия определяют законодательные положения, регламентирующие судебную деятельность по рассмотрению уголовных дел судами различных инстанций с целью назначения наказания виновным или оправдания невиновных.

Остальные виды судебной деятельности не являются правосудием.

В связи с этим расценивать судебный контроль на стадиях досудебного производства по уголовному делу в качестве правосудия не представляется возможным. Если встать на эту позицию, то возникает угроза размывания границ понятия «правосудие», что неизбежно приведет к необоснованному расширению задач, обозначенных его процессуальной функцией, а это, в свою очередь, отразится на эффективности самого правосудия. Судебный контроль, реализуемый на досудебных стадиях судопроизводства, посредством разрешения вопросов законности и обоснованности ограничения прав и законных интересов участников уголовного процесса органами предварительного расследования, не являясь функцией правосудия, представляет собой особую форму ее реализации судом.

¹ *Зинатуллин З. З., Абашева Ф. А.* Предмет уголовного судопроизводства и правосудие // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс». См. также: Уголовный процесс : учеб. для вузов / под общ. ред. В. И. Радченко. М., 2006. С. 44 ;

Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2004. С. 469.

² *Мирза Л. С.* Доступ к правосудию (уголовно-процессуальные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 27. См. также: *Газетдинов Н. И.* О соотношении понятий судебного контроля, судебного надзора и правосудия // Рос. судья. 2009. № 3. С. 16–17.

³ См.: *Гуськова А. П., Муратова Н. Г.* Судебное право : история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. М., 2005. С. 58.

⁴ *Агаев Ф. А.* Полномочия суда на досудебном этапе уголовного судопроизводства // Закон и право. 2003. № 12. С. 54.

⁵ *Газетдинов Н. И.* О соотношении понятий судебного контроля, судебного надзора и правосудия. С. 17–18.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ *Колоколов Н. А.* Статья 125 УПК РФ : сущность судебного контроля // Уголовный процесс. 2009. № 6. С. 5.

⁸ См. об этом: *Лазарев Л. В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 156–157 ; Курс советского уголовного процесса. М., 1989. Т. 1. С. 26.

⁹ См. об этом: *Николюк В. В., Кальницкий В. В.* Вопросы учения о правосудии в связи с совершенствованием законодательства // Вопросы совершенствования правового регулирования и укрепления социалистической законности и правопорядка. Омск, 1988. С. 37 ; *Зинатуллин Т. З.* Осуществление правосудия – функция российского уголовного процесса // Рос. судья. 2001. № 6. С. 13.

¹⁰ См.: Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. С. 469 ; Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2002. С. 680.

¹¹ *Галузо В. Н.* Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 21. См. также об этом: *Химичева О. В.* Судебный контроль за процессуальными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями : досудебное производство. М., 1998. С. 25.

¹² *Петрухин И. Л.* Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Рос. юстиция. 1998. № 9. С. 13.

¹³ См., например: *Бозров В. М.* Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов : вопросы теории и практики. Екатеринбург, 1999. С. 135–137 ; *Лебедев В. М.* Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии : учеб. пособие. М., 2001. С. 76–78 ; *Ковтун Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. С. 35–37.

¹⁴ *Лебедев В. М.* Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии : учеб. пособие. М., 2001. С. 8.

¹⁵ *Азаров В. А., Таричко Ю. И.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2004. С. 129.

¹⁶ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : науч.-практ. комментарий / под ред. А. Е. Чечетина. Барнаул, 2002. С. 112–119.

¹⁷ См.: *Солодилов А. В.* Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск, 2000. С. 43–50 ; *Якимович Ю. К.* Понятие правосудия и принципы его определения // Избранные статьи (1985–1996 гг). Томск, 1997. С. 25.

¹⁸ *Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П.* Современная социология права. М., 1995. С. 216.

¹⁹ *Гуськова А. П.* Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. Оренбург, 2002. С. 13.

²⁰ *Азаров В. А., Таричко И. Ю.* Указ. соч. С. 136.

В. Ю. Шепитько

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТАКТИКИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Судебная власть – самостоятельная и независимая ветвь власти. Ее полномочия на отправление правосудия носят исключительный характер. Правосудие – особый вид государственной деятельности, состоящий в рассмотрении и разрешении определенных категорий дел (различных социальных конфликтов). Статья 118 Конституции РФ устанавливает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Функция суда состоит в том, чтобы разрешить конфликт, восстановить справедливость. Существует презумпция того, что суд (судья) способны правильно рассмотреть относящееся к их юрисдикции дело и вынести правосудное решение.

Судебная деятельность невозможна без использования криминалистических знаний. В суде имеется необходимость

в использовании тактических приемов проведения судебных действий, применении научно-технических средств (например, звуко- и видеозаписи, видео-конференц-связи и др.) и технико-криминалистических приемов, методических рекомендаций по рассмотрению отдельных категорий уголовных дел. Фактически речь идет о судебной криминалистике или криминалистике судебной деятельности¹. Подтверждением тому являются отдельные научные работы, посвященные данной проблематике. Особое внимание обращается на проблемы тактики прокурорской и адвокатской деятельности в состязательном процессе суда².

В современных условиях недостаточно исследованными в теоретическом плане выступают судебная тактика, тактические особенности судебного следствия, тактические приемы проведения различных судебных действий. Хотя постановка проблемы судебной тактики связана еще с диссертационным исследованием Л. Е. Ароцкера³.

Судебное следствие представляет собой центральную часть судебного разбирательства. Это фундамент, на котором основано всё правосудие по уголовному делу. Судебное следствие осуществляется в судебном заседании, когда с участием сторон суд исследует доказательства. «Судебное следствие состоит в предоставлении и проверке судебных доказательств»⁴. В уголовно-процессуальной литературе отмечается, что судебное следствие не повторяет предварительное (досудебное) следствие. Понятие «следствие» в отличие от понятия «доказывание» включает более широкий круг явлений, которые обычно являются предметом изучения криминалистов, а не процессуалистов⁵.

Судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, а по уголовным делам частного обвинения – с изложения заявления частным обвинителем (ст. 273 УПК РФ). В ходе судебного следствия производится допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта, назначается судебная экспертиза, осматриваются вещественные доказательства, оглашаются протоколы следственных действий и иные документы. Именно в процессе судебного следствия прodelывается основная работа по проверке собранных и вновь представленных доказательств.

УПК РФ предусматривает следующие *судебные действия*: 1) допрос подсудимого (ст. 275); 2) оглашение показаний подсудимого (ст. 276); 3) допрос потерпевшего (ст. 277); 4) допрос свидетелей (ст. 278, 278.1); 5) допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля (ст. 280); 6) оглашение показаний потерпевшего и свидетеля (ст. 281); 7) допрос эксперта (ст. 282); 8) производство судебной экспертизы (ст. 283); 9) осмотр вещественных доказательств (ст. 284); 10) оглашение протоколов следственных действий и иных документов (ст. 285); 11) осмотр местности и помещения (ст. 287); 12) следственный эксперимент (ст. 288); 13) предъявление для опознания (ст. 289); 14) освидетельствование (ст. 290).

Таким образом, действующее ныне уголовно-процессуальное законодательство предусматривает достаточно широкий спектр судебных действий. Уголовно-процессуальный порядок влияет на тактику судебного следствия, тактику проведения судебных действий. Вместе с тем тактическая целесообразность не должна противоречить закону.

Разработка тактики судебного следствия предполагает необходимость учета принципов уголовного процесса, порядка, предусмотренного законодательством, положений профессиональной этики судьи и иных участников процесса. Судебная тактика должна содержать арсенал наиболее целесообразных приемов (способов) проведения судебных действий, очередности – последовательности таких действий.

Различие интересов участников судебного разбирательства позволяет говорить о *тактике государственного обвинения, тактике профессиональной защиты, тактике суда (судьи)*.

В настоящее время отдельные ученые-криминалисты отрицают существование тактики суда. В частности, М. О. Баев и О. Я. Баев пишут, что существуют две самостоятельные подсистемы: тактика уголовного преследования, которая, в свою очередь, состоит из следственной – предварительного расследования преступлений и прокурорской тактик – государственного обвинения по уголовным делам, адвокатская тактика (тактика профессиональной защиты от подозрения или обвинения в совершении преступления). По убеждению ученых, не суд как таковой, а две стороны, состязющиеся в суде, являются субъектами криминалистической тактики при судебном разбиратель-

стве уголовных дел: государственный обвинитель и защитник подсудимого (представитель потерпевшего)⁶. О. Я. Баев выдвигает три главных тезиса: 1) тактика существует там и только там, где есть необходимость предупредить и (или) преодолеть противодействия; 2) задача суда – единственного органа осуществления правосудия по уголовным делам – слушать, исследовать и принимать законное и обоснованное решение. Суд должен решать задачи не поискового, а исключительно исследовательского характера; 3) не суд как таковой, а две состязющиеся стороны (обвинение и защита) являются субъектами криминалистики при судебном рассмотрении уголовных дел: прокурор – государственный обвинитель и адвокат – защитник подсудимого⁷.

По нашему мнению, приведенные аргументы являются уязвимыми, а модель состязательного процесса рассматривается как идеальная. В первую очередь нельзя согласиться с тем, что тактика существует только там, где необходимо преодолевать противодействие. Тактика используется и в бесконфликтных ситуациях.

Второй аргумент – задача суда – слушать, исследовать и принимать решение. Возникает вопрос, в чем состоит исследование суда? Какие средства (в том числе тактические) задействует суд?

Сомнительным представляется и третий аргумент о том, что суд не использует тактических средств. Как судья без использования данных криминалистической тактики может регулировать процессы общения, ставить вопросы допрашиваемому, отводить запрещенные вопросы иных участников судебного разбирательства?

Тактика в состязательной модели судопроизводства является весьма своеобразной. О. В. Полстовалов подчеркивает, что судья по статусу был, есть и будет более квалифицированным юристом. Это основное требование к судейскому корпусу. Суд не может быть пассивным в оценке доказательственной и иной информации, поэтому тактика для суда (а не только для судебного следствия) имеет право на существование⁸.

Познавательная деятельность судьи опирается на уже собранные на досудебном (предварительном) следствии материалы (доказательства по уголовному делу). Суд должен прове-

речь предъявленные доказательства, взвесить их и вынести обоснованное решение от имени государства. И. Я. Фойницкий указывал, что «все судебные решения постановляются именем верховной государственной власти, по указу Его Императорского Величества. Это начало государственности суда имеет силу как для уголовного, так и для гражданского суда. В обоих случаях суд служит не частным интересам отдельных лиц, отдельных общественных кружков или отдельных ведомств, а общим государственным интересам правосудия»⁹.

Взаимоотношения участников судебного разбирательства предполагают разделение процессуальных функций, состязательность сторон. Состязательный процесс строится на началах процессуального равенства сторон. При этом обвинитель несет «бремя доказывания» виновности обвиняемого. Активная деятельность суда состоит в обеспечении равных прав сторон (обвинения и защиты).

Достаточно интересные данные установлены в результате социологических исследований (опрос судей проведен О. В. Полстоваловым) применительно к состязательной модели судопроизводства. В частности, 11 % судей отметили, что практически всегда сталкиваются с безответственным отношением к подготовке к судебному процессу защитника подсудимого. Столько же опрошенных отмечали подобное отношение к своим обязанностям обвинителя. Опрос показал, что практикующие судьи тоже нередко встречаются с такими фактами (32 % – со стороны защитника, 21 % – со стороны обвинителя). Никогда с подобными проявлениями непрофессионализма обвинителя не сталкивались лишь 12 % респондентов, и ни один судья не ответил «нет, никогда» при выборе ответов на вопрос: «Приходится ли Вам сталкиваться с безответственным отношением к подготовке к судебному процессу защитника подсудимого?»¹⁰.

Тактика суда определяется его функциями. Особенности тактики суда связаны с его руководящей и организующей ролью, с необходимостью со стороны суда регулировать взаимодействие субъектов, их общение. Судье в состязательном процессе (обвинение – защита) отводится регулирующая роль. Такая роль состоит в создании деловой обстановки судебного процесса, определении и регулировании общений, устранении

резко конфликтных отношений, снижении чрезмерной эмоциональности участников.

Интересные данные получены С. Ю. Якушиным в процессе исследования практики использования тактико-криминалистических средств судом (анкетирование 553 судей). Он сделал вывод о том, что приобретение опыта работы приводит судей к существенному повышению оценки ими значения использования тактических средств в ходе разбирательства уголовных дел... С учетом сложившегося индивидуального понимания сущности тактических средств опрошенные судьи к числу используемых ими тактических приемов относят «...ровное поведение, голос в ходе судебного заседания; пресечение попыток государственного обвинителя, чаще защитника запутать свидетеля вопросами; просмотр и прослушивание видеозаписи, перекрестный допрос участников процесса; детализацию, уточнение и конкретизацию показаний, приемы убеждения и избобличения во лжи»¹¹.

Функция поддержания государственного обвинения в суде возлагается на органы прокуратуры. Участие в судебном разбирательстве обвинителя обязательно. Государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания (ст. 246 УПК РФ). Содержанием данной деятельности является определение особой криминалистической тактики и методики подготовки и осуществления судебного следствия, которое направлено в том числе на обоснование и доказывание справедливости меры наказания, которую прокурор предлагает суду назначить за содеянное виновным лицом преступление¹².

Природа защитной деятельности специфична. Тактика защиты предполагает избрание оптимальной позиции (линии поведения) защитника, целесообразных приемов ее реализации в ходе судебных и иных действий. И. Я. Фойницкий указывал, что защита – есть ответ по обвинению и образует совокупность прав и мер, направленных к ограждению невиновности подсудимого и его прав и интересов перед уголовным судом¹³. По образному выражению Р. С. Белкина, защитники – «санитары»

уголовного судопроизводства. Их роль невозможно переоценить. Именно от них законодатель ждет своевременного предотвращения судебных ошибок, когда к ответственности привлекается невиновный, когда наказание не соответствует степени общественной опасности содеянного, когда следователь и суд игнорируют обстоятельства, исключающие возможность уголовного преследования или смягчающие наказание¹⁴.

Защитник должен организовать защиту так, как считает целесообразным, используя различные тактические приемы. При этом он должен действовать в рамках закона, не допускать нарушений норм адвокатской этики. Защитник может использовать «слабые места» обвинения. Однако недопустим произвол защиты недобросовестных адвокатов, использующих противоправные и аморальные средства. Стремление защитить клиента любыми средствами нельзя возводить в ранг принципов деятельности адвоката. Л. Е. Владимиров писал, что уголовный защитник должен быть *vir bonus et aequus* (муж добрый и справедливый), вооруженный знанием и глубокой честностью, умеренный в выводах, бескорыстный в материальном отношении, независимый в суждениях, стойкий в своей солидарности с товарищами. Он должен являться лишь правозаступником обвиняемого, а не его поверенным...¹⁵

Предложенные Л. Е. Владимировым приемы защиты являются актуальными и сегодня: 1) демонстрация доказательств (демонстрационный способ представления и разработки доказательств должен неизменно прилагаться защитой, имеющей доказательства; защите же, не имеющей вовсе доказательств, остается искать спасения вне сферы доказательств, в области нравственности и права вообще); 2) веское доказательство (не нападайте на противника, если у вас нет в руке сильного орудия; бессильные выходы против обвинения подрывают доверие к защите; лучше молчать, чем проявлять сердитое бессилие); 3) наиболее удобный порядок предоставления доказательств защитой¹⁶.

Наиболее распространенным процессуальным действием в ходе судебного следствия является допрос. Допрос в суде – это сложный процесс общения между участвующими в нем лицами. Он представляет собой процесс обмена информацией, процесс взаимодействия, процесс взаимовосприятия участников.

Уголовно-процессуальное законодательство называет следующие виды судебного допроса: допрос подсудимого (ст. 275 УПК РФ), допрос потерпевшего (ст. 277 УПК РФ), допрос свидетелей (ст. 278 УПК РФ), допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля (ст. 280 УПК РФ), допрос эксперта (ст. 282 УПК РФ).

Допрос в суде имеет определенные особенности. В качестве таковых могут быть названы: 1) расширенный круг участников судебного допроса; 2) усложненный информационный обмен между участниками допроса; 3) особая роль судьи как регулятора информационного обмена; 4) повторяемость сообщаемых показаний (повторное воспроизведение); 5) состязательный характер судебного допроса; 6) сложность рефлексивного управления участниками судебного допроса; 7) допрос ведется гласно, открыто; его ведет не одно лицо, а ряд участников процесса; 8) допрашивающие, как правило, предварительно ознакомились с данными ранее на предварительном следствии показаниями.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает следующий порядок допроса подсудимого: *«При согласии подсудимого дать показания первыми его допрашивают защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты, затем государственный обвинитель и участники судебного разбирательства со стороны обвинения... Суд задает вопросы подсудимому после его допроса сторонами»* (ст. 275 УПК РФ). Кроме того, в соответствии со ст. 274 УПК РФ «с разрешения председательствующего подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия».

В УПК РФ определен также порядок допроса свидетеля в суде: *«Первой задает вопросы свидетелю та сторона, по ходатайству которой он вызван в судебное заседание. Судья задает вопросы свидетелю после его допроса сторонами»* (ст. 278 УПК РФ).

В ходе судебного допроса постановка наводящих (содержащих элементы внушения) вопросов недопустима. Председательствующий отклоняет наводящие вопросы и вопросы, не имеющие отношения к уголовному делу (ст. 275 УПК РФ)¹⁷. Отклоняются также вопросы, избличающие свидетеля или потерпевшего в совершении преступления и компрометирующие

их; относящиеся к интимной стороне жизни допрашиваемого (если это прямо не относится к выяснению обстоятельств преступления).

Вопросы допрашиваемому должны быть краткими и конкретными. Роль судьи состоит в том, что он должен анализировать все вопросы участников судебного разбирательства, выявлять и устранять определенные типы вопросов (запрещенные вопросы). В этом проявляется регулятивная функция судьи в тактике судебного допроса. Именно судья выступает регулятором информационного взаимодействия участников процесса.

Сложным видом судебного допроса является *перекрестный допрос*, который неизвестен досудебному (предварительному) следствию. Перекрестный допрос – это специфический вид судебного допроса.

Допрос является перекрестным, когда в него включаются равноправные участники. Иногда перекрестный допрос (cross-examination) именуют «искусством состязательного судебного разбирательства» или «инструментом для открытия правды» либо «средством установления фактов». Поэтому справедливо звучат слова о том, что развитие искусства перекрестного допроса является необходимой составляющей формирования состязательной культуры судебного разбирательства... Обучение перекрестному допросу должно стать у нас неотъемлемым элементом подготовки юристов¹⁸.

В специальных литературных источниках прослеживаются два основных подхода к сущности перекрестного допроса: 1) это допрос по одному и тому же обстоятельству дела одного и того же лица, проводимый судом, обвинителями и защитниками, а также другими участниками процесса (Л. Е. Ароцкер, Н. И. Порубов); 2) это допрос лица, чьи показания представляются в качестве доказательства противной стороны для критического исследования и проверки содержащихся в них сведений, представленных в ходе прямого допроса, их источника и носителя, а также для получения новых данных от лица, допрошенного на прямом допросе. В уголовном суде при наличии согласия давать показания перекрестному допросу участниками стороны обвинения может быть подвергнут подсудимый (А. С. Александров, С. П. Гришин).

В любом случае перекрестный допрос имеет некоторые отрицательные стороны: 1) различное процессуальное поло-

жение участников судебного разбирательства, сложное сплетение интересов, разная оценка доказательств; 2) опасность добросовестного заблуждения допрашиваемого (фантастические наслоения, суггестивные влияния, конформность); 3) запрещенные вопросы допрашиваемому, которые суду сложно мгновенно вычлениить в процессе общения; 4) постановка однотипных вопросов, повторение одинаковых вопросов несколько раз; 5) различная тактика допрашивающих лиц (преследование различных целей, стремление к противоположным результатам).

Результаты анкетирования судей (по данным М. И. Вильгушинского) показывают, что 55 % опрошенных считают, что тактика допроса в состязательном процессе требует перемен. В частности, 41,6 % проанкетированных судей указали, что сторона защиты и сторона обвинения в ходе судебного допроса не выполняют своих функций. При этом 69,2 % опрошенных отметили, что в практике они встречали противодействие со стороны защиты в процессе допроса, которое проявилось в: применении запрещенных приемов (29 %); нарушении этических требований (46,3 %); недобросовестной подготовке к допросу (33,2 %); незаконном воздействии на допрашиваемого (32,4 %); незаконной передаче информации допрашиваемому (11,7 %). Значительное число отмечали противодействие со стороны обвинения при проведении судебного допроса – 59,8 %. По их убеждению, такое противодействие состояло в: применении запрещенных приемов (13,4 %); нарушении этических требований (36 %); недобросовестной подготовке к допросу (12,6); незаконной передаче информации допрашиваемому (8,1 %) ¹⁹.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством возможно проведение такого допроса, как *допрос эксперта в суде*. Можно ли вообще считать такое процессуальное действие допросом? Имеет ли оно существенные особенности? Каков предмет этого допроса?

Согласно ст. 282 УПК РФ по ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования, для разъяснения или дополнения данного им заключения. После оглашения заключения эксперта ему могут быть

заданы вопросы сторонами. Первой вопросы задает сторона, по инициативе которой была назначена экспертиза.

Анализ данной нормы показывает, что названное действие проводится только в границах разъяснения или дополнения экспертного заключения. Предметом допроса эксперта не могут быть иные обстоятельства. И. В. Бурков отмечает, что при допросе эксперта для разъяснения и уточнения заключения не требуется проведения дополнительных исследований, тогда как основанием для назначения дополнительной судебной экспертизы является необходимость в проведении таких исследований²⁰.

Эксперт представляет развернутое заключение. Однако в ряде случаев почему-то возникает необходимость в постановке ему вопросов и требований «к даче показаний» в устной форме. С психологической точки зрения речь может идти о том, что в судебном процессе осуществляется демонстрация «главного виновника» будущего обвинительного приговора.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает следующие виды судебного осмотра: осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ), осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК РФ), освидетельствование (ст. 290 УПК РФ).

Осмотр вещественных доказательств – часто встречаемое судебное действие. Значительно реже проводится осмотр местности и помещения. Такое положение связано с объективными обстоятельствами. В ст. 287 УПК РФ указано, что осмотр местности и помещения проводится судом с участием сторон, а при необходимости и с участием свидетелей, эксперта и специалиста. Осмотр помещения проводится на основании определения или постановления суда.

Судебный осмотр местности и помещения отличается следующими признаками: 1) проводится через значительный промежуток времени после совершения преступления; 2) выполняет проверочную функцию; 3) в его проведении принимает участие расширенный состав участников.

Сущность осмотра местности и помещения состоит в непосредственном восприятии составом суда результатов события преступления. Такое восприятие позволяет представить характер и объем изменений, вызванных преступлением; сопоста-

вить показания подсудимого, потерпевшего и свидетелей; устранить противоречия, связанные с обстановкой преступления.

В процессе судебного осмотра осуществляется моделирование события преступления. В этом случае имеет место фактически «тройная» мыслительная модель: 1) мыслительная модель предварительного следствия, материализованная в протоколе осмотра места происшествия (следственного действия), обвинительном заключении и др.; 2) мыслительная модель, созданная судьей в процессе судебного следствия (по результатам различных судебных действий); 3) мыслительная модель, формируемая по прибытии состава суда на место происшествия.

Выезд суда для проведения осмотра местности или помещения является составной частью судебного следствия. В соответствии со ст. 287 УПК РФ по прибытии на место осмотра председательствующий объявляет о продолжении судебного заседания и суд приступает к осмотру, подсудимому, потерпевшему, свидетелям, эксперту и специалисту могут быть заданы вопросы. Суд получает информацию не только от вещественных источников, но и от людей в процессе взаимодействия. Тактика судебного осмотра отличается своим «проверочным» характером.

Таким образом, развитие судебной тактики (тактики судебного следствия) включает следующие основные направления: 1) формирование содержания и определение роли как соответствующей подотрасли криминалистической тактики; 2) установление тактического своеобразия судебного процесса; 3) разработка тактических моделей судебного следствия; 4) предложение наиболее оптимальных тактических средств судебного следствия (тактических приемов и их систем, тактических рекомендаций, судебных тактических операций, систем судебных действий); 5) построение тактики отдельных судебных действий (судебного допроса, судебного осмотра, следственного эксперимента, предъявления для опознания, назначения судебной экспертизы и др.); 6) определение тактических особенностей в использовании специальных знаний в суде.

¹ О постановке проблемы формирования судебной криминалистики более подробно см.: *Корневский Ю. В.* Криминалистика для судебного следствия. М., 2002. 196 с.

² См.: *Баев М. О.* Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. Воронеж, 2004. 280 с. ; *Рубис А. С.* Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора. Минск, 2006. 416 с.

³ См.: *Ароцкер Л. Е.* Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 43 с.

⁴ Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под ред. М. Н. Гернета. М., 1916. Вып. 4.

⁵ См.: *Гришин С. П.* Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). М., 2008. С. 21.

⁶ См.: *Баев М. О., Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика : науч.-практ. пособие. М., 2005. С. 8.

⁷ См.: *Баев О. Я.* От тактики суда к тактике в суде // Проблемы криминалистики и уголовного процесса : статьи разных лет. Воронеж, 2006. С. 92.

⁸ См.: *Полстовалов О. В.* Современные проблемы криминалистической тактики / науч. ред. В. И. Комиссаров. М., 2009. С. 19.

⁹ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1 (отпечатано по третьему изданию. СПб., 1910).

¹⁰ *Полстовалов О. В.* Современные проблемы криминалистической тактики / науч. ред. В. И. Комиссаров. С. 19.

¹¹ *Якушин С. Ю.* Некоторые результаты исследования практики использования тактико-криминалистических средств судом // Криминалист первопечатный. 2012. № 5. С. 102, 103.

¹² См.: *Рубис А. С.* Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью. Минск, 2005. С. 242.

¹³ См.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 59.

¹⁴ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 201.

¹⁵ См.: *Владимиров Л. Е.* Advocatus miles : пособие для уголовной защиты. Извлечение // Судебное красноречие русских юристов прошлого. М., 1992. С. 58.

¹⁶ См.: Там же. С. 67–70.

¹⁷ По-иному эта проблема разрешена в УПК Украины. В ч. 7 ст. 352 УПК указано, что в ходе перекрестного допроса разрешается ставить наводящие вопросы.

¹⁸ См.: *Александров А. С., Гришин С. П.* Перекрестный допрос : учеб.-практ. пособие. М., 2005. С. 3.

¹⁹ *Вільгушинський М. Й.* Тактика судового слідства в системі криміналістики : монографія. Харків, 2010. С. 94.

²⁰ См.: *Бурков И. В.* Заключение и показания эксперта в уголовном процессе. М., 2010. С. 80.

ПРИСЯГА КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Классификация участников судопроизводства согласно состязательной модели уголовного процесса на законодательном уровне выглядит следующим образом: суд, обвинение, защита, иные участники (главы 5–8 УПК РФ или глава 3 УПК Украины). Одни участники судопроизводства являются профессиональными субъектами для уголовного процесса (судья, прокурор, следователь, адвокат, судебный эксперт), другие становятся его субъектами волею события (свидетель, вызванный для дачи показаний; потерпевший, признанный таковым в связи с тем, что преступлением ему был нанесен моральный, физический или материальный ущерб; специалист и переводчик, специальные знания которых необходимы для результативности уголовного судопроизводства).

Количество и качество прав и обязанностей профессиональных и непрофессиональных участников уголовного судопроизводства различаются существенно. Более того, даже форма их закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе и иных законодательных актах имеет различия. Рассмотрим формы возложения обязанностей на участников уголовного судопроизводства в Украине:

- 1) закрепление в законодательных актах путем перечисления обязанностей;
- 2) закрепление в законодательных актах путем перечисления полномочий;
- 3) предупреждение об ответственности (в том числе уголовной);
- 4) приведение к присяге.

На первом уровне возложения обязанностей на участников судопроизводства находится их закрепление в законодательных актах путем перечисления: 1) обязанностей; 2) полномочий.

При реализации первой формы возложения обязанностей законодатель указывает на конкретные обязанности (с упоминанием в отдельной норме (либо ее части) простого перечня прав и обязанностей). Такой механизм избран для следующих участников уголовного судопроизводства: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, защитника, эксперта, специалиста, переводчика. Следует подчеркнуть, что в данном перечне нет ни одного представителя стороны обвинения или суда.

Вторая форма закрепления обязанности путем перечисления полномочий участников судопроизводства не предусматривает деление полномочий на права и обязанности. Данный подход касается стороны обвинения – прокурора, руководителя органа досудебного расследования, следователя¹, а также иных участников судопроизводства – секретаря судебного заседания и судебного распорядителя. При этом определить, какое из полномочий является правом, а какое обязанностью, достаточно сложно (не говоря уже об установлении ответственности (в том числе уголовной) данных субъектов за нарушение обязанностей).

Обязанности суда как участника уголовного судопроизводства (судьи), а также гражданского истца и ответчика вообще не нашли *отдельного* законодательного закрепления и указаны в разных нормах УПК и законах Украины.

Как нам представляется, наличие различных подходов по возложению обязанностей участников судопроизводства указывает на изначальное неравенство сторон в состязательном уголовном процессе, поскольку у стороны защиты и иных участников судопроизводства жестко определены права и обязанности, а у стороны обвинения и суда права и обязанности не ясны и их еще нужно вычленивать из различных норм УПК и законов Украины. Таким образом, существует необходимость пересмотра форм возложения обязанностей на участников судопроизводства с целью указания четкого и отдельного перечня их прав и обязанностей.

На втором уровне возложения обязанностей на участников судопроизводства находится предупреждение об ответственности (в том числе уголовной) и приведение к присяге. Эти формы используются лишь в исключительных случаях, когда речь идет о реализации наиболее важных обязанностей участниками судопроизводства.

Предупреждение об ответственности может осуществляться посредством простого² законодательного предписания³ либо требования фактического (непосредственного) предупреждения об ответственности.

Фактическое предупреждение свидетеля, потерпевшего, эксперта⁴ об уголовной ответственности⁵ указывает им на необходимость особо внимательного и тщательного выполнения такой обязанности на досудебном и судебном следствии, как предоставление информации, соответствующей действительности в форме показаний и заключения (в зависимости от субъекта). Действие данного механизма направлено на то, чтобы *проинформировать* свидетеля, и потерпевшего, и эксперта *о наличии специфических обязанностей и возможной уголовной ответственности*, а также для того, чтобы *воздействовать на их психику* еще до начала осуществления следственных, судебных или экспертных действий путем появления позитивной установки. Фактическое законодательное «устрашение» свидетеля, потерпевшего и эксперта по замыслу законодателя должно привести к минимизации деформации информации, которая соответствует действительности и предоставляется данными субъектами. При этом нельзя утверждать, что данный подход полностью оправдан. По статистике МВД Украины преступлений по ст. 384 УК Украины («Заведомо ложное показание», куда входит и ложное заключение эксперта) за 2009 г. было зарегистрировано 316, 2010 г. – 317, 2011 г. – 286. Возложение обязанности предоставления информации, соответствующей действительности, путем психологического воздействия (напоминание о возможной уголовной ответственности перед проведением следственного, судебного, экспертного действия) на свидетеля, потерпевшего, эксперта нельзя назвать оптимальным механизмом предоставления информации, соответствующей действительности и необходимой для реализации цели уголовного судопроизводства – установления истины и восстановления справедливости.

В УПК Украины встречается еще одна особая форма возложения обязанностей на участников уголовного судопроизводства – приведение к присяге.

Перед разъяснением процессуальных особенностей приведения к присяге участников судопроизводства существует необходимость уяснения понятия данного феномена, указания

его цели и субъектов, на которые присяга может распространяться.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова дается следующее определение термина «присяга» – «официальное и торжественное обещание соблюдать какие-н. обязательства»⁶. По Толковому словарю В. Даля «присягать», т.е. «*присягнуть*, клясться, дать присягу, клятву, клятвенное обещание или уверение в чем; призывать гласно и торжественно Бога во свидетельство, с установленными церковью обрядами, целуя Св. Крест и Евангелие...»⁷. В Юридической энциклопедии используется схожее определение присяги – это акт торжественной *клятвы* лица выполнять обязанности, исходящие из публично-правового статуса, приобретенного лицом, или обязанности по содержанию клятвы... Исторически ее можно рассматривать как сакральный обряд, который придавал соответствующим правам и обязанностям значимость, соединяя в себе юридическую и моральную (религиозную) ответственность...⁸

Определения термина «присяга» дают возможность вычленения важных признаков: 1) присяга стоит в синонимическом ряду с термином «клятва»; 2) приведение к присяге является «торжественным» действием; 3) данное «обещание» является публичным и гласным; 4) исторически являясь «обрядом», присяга имеет в большей степени религиозное (моральное, нравственное) наполнение; 5) присягнуть означает взять на себя определенные обязательства; 6) присяга имеет правовой характер, так как предусматривает юридическую (в том числе уголовную) ответственность в случае ее нарушения.

Приведение к присяге не является чем-то новым для уголовного судопроизводства. Так, в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. уже были предусмотрены присяги и освобождения от них.

В ст. 711–714 Устава уголовного судопроизводства указывается, что свидетели приводятся к присяге в судебном заседании. Каждый присягает по обряду своего вероисповедания. От присяги освобождаются: 1) священнослужители и монашествующие всех христианских вероисповеданий и 2) лица, принадлежащие к исповеданиям и вероучениям, не приемлющим присяги; вместо присяги они дают обещание показать всю правду по чистой совести. Свидетели православного исповедания приводятся к присяге не иначе как священником, который

по внушению им святости присяги читает следующее клятвенное обещание:

«Обещаю и клянусь всемогущим Богом пред святым его евангелием и животворящим крестом, что не увлекаясь ни дружбой, ни родством, ниже ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде его.

В удостоверение же сей моей клятвы целую слова и крест спасителя моего. Аминь».

Каждый присягающий, прикладываясь к кресту и евангелию, произносит вслух «клянусь».

Свидетели неправославного вероисповедания приводятся к присяге согласно догматам и обрядам их веры духовным лицом их вероисповедания⁹.

По ст. 716 Устава уголовного судопроизводства перед допросом свидетелей председатель суда напоминает им об ответственности за лживые показания.

Переводчики, толмачи (ст. 730 Устава), окольные люди (ст. 466 Устава), сведущие люди (ст. 694) используют механизм приведения к присяге, аналогичный таковому у свидетелей. Отдельный текст присяги предназначен для присяжных заседателей (ст. 666 Устава).

Анализ действующего законодательства (прежде всего уголовно-процессуального) дает возможность сделать вывод о том, что присяга имеет как основной, так и вспомогательный (когда вместе с присягой осуществляется еще и предупреждение об ответственности) характер возложения обязанностей на участников судопроизводства.

Участники уголовного судопроизводства (как профессиональные, так и непрофессиональные) в большинстве своем приводятся к присяге (вступая на должность (службу) или в ходе возложения на них отдельных, специфических обязанностей). При этом конструкции присяг различных субъектов различаются и представляют отдельный интерес.

По Закону Украины «О судостроительстве и статусе судей» (ст. 55) предусмотрена *п р и с я г а с у д ь и*:

«Я, (имя и фамилия), вступая на должность судьи, торжественно присягаю объективно, беспристрастно, непред-

взято, независимо и справедливо осуществлять правосудие, подчиняясь только закону и руководствуясь принципом верховенства права, честно и добросовестно исполнять обязанности судьи, придерживаться морально-этических принципов поведения судьи, не совершать действий, порочащих звание судьи и унижающих авторитет судебной власти»¹⁰.

В Законе Украины «О прокуратуре» (ст. 46) указана *п р и с я г а п р о к у р о р а*:

«Я, (фамилия, имя, отчество), вступая на службу в прокуратуру, посвящаю свою деятельность служению Украинскому народу и Украинскому государству и торжественно присягаю:

неуклонно придерживаться Конституции, законов и международных обязательств Украины;

добросовестным исполнением своих должностных обязанностей содействовать утверждению верховенства права, законности и правопорядка;

защищать права и свободы человека и гражданина, интересы общества и государства;

постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, быть принципиальным, честно, добросовестно и непредвзято исполнять свои обязанности, с достоинством нести высокое звание работника прокуратуры.

Осознаю, что нарушение присяги несовместимо с дальнейшим пребыванием в органах прокуратуры».

В соответствии со ст. 11 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» *п р и с я г а а д в о к а т а* приводится посредством воспроизведения текста следующего содержания:

Я, (имя и фамилия), торжественно присягаю в своей адвокатской деятельности придерживаться принципов верховенства права, законности, независимости и конфиденциальности, правил адвокатской этики, честно и добросовестно обеспечивать право на защиту и предоставлять правовую помощь в соответствии с Конституцией Украины и законами Украины, с высокой ответственностью исполнять положенные на меня обязанности, быть верным присяге.

Существует также *п р и с я г а р а б о т н и к а о р г а н о в в н у т р е н н и х д е л У к р а и н ы* (утвержденная постановлением Кабинета министров Украины № 382 от 28 декабря 1991 г.):

Я, (фамилия, имя, отчество), вступая на службу в органы внутренних дел Украины, даю Присягу и торжественно клянусь всегда оставаться преданным народу Украины, строго придерживаться ее Конституции и действующего законодательства, быть гуманным, честным, добросовестным и дисциплинированным работником, сохранять государственную и служебную тайну.

Я присягаю с высокой ответственностью выполнять свой служебный долг, требования уставов и приказов, постоянно совершенствовать профессиональное мастерство и повышать уровень культуры, всячески содействовать укреплению авторитета органов внутренних дел.

Клянусь мужественно и решительно, не щадя своих сил и жизни, бороться с преступностью, защищать от противоправных посягательств жизнь, здоровье, права и свободы граждан, государственное устройство и общественный порядок.

Если же я нарушу эту Присягу, то пусть меня накажут по всей строгости закона».

Существуют также и другие присяги, свойственные юридическим профессиям, однако напрямую не имеющие отношения к уголовному судопроизводству, например: присяга нотариуса, служащего налоговой милиции, служащего таможенных органов, члена Высшего совета юстиции, государственного служащего и др.

По УПК Украины к присяге приводятся: 1) свидетель, потерпевший, эксперт¹¹ – в суде перед допросом и очной ставкой (одновременным допросом); 2) присяжные – после окончания отбора основных и запасных присяжных.

Присяга свидетеля, потерпевшего и эксперта имеет вспомогательный характер. Это объясняется тем, что *перед допросом и приведением к присяге* председательствующий (судья) предупреждает свидетеля и потерпевшего об уголовной ответственности за отказ от дачи (предоставления) показаний и заведомо ложное показание, а *эксперта – перед допросом, но после приведения к присяге* предупреждает об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение.

В соответствии с ч. 2 ст. 352 УПК Украины – если препятствий для допроса свидетеля не установлено, председательствующий в судебном заседании приводит его к присяге следующего содержания:

«Я, (фамилия, имя, отчество), присягаю говорить суду правду и только правду»¹².

Анализ обстановки приведения к присяге свидетеля и потерпевшего происходит лишь в суде во время судебного заседания, что лишний раз указывает на публичный характер присяги. Кроме того, приведение к присяге свидетеля и потерпевшего имеет законодательные пробелы, так как данные субъекты имеют возможность предоставлять показания не только в ходе допроса и очной ставки (одновременного допроса), но и в ходе предъявления для опознания.

Согласно ч. 1 ст. 356 УПК Украины перед допросом эксперта председательствующий устанавливает его личность и приводит к присяге такого содержания:

«Я, (фамилия, имя, отчество), присягаю добросовестно выполнять обязанности эксперта, используя все свои профессиональные возможности».

По приведению к присяге эксперта (судебного эксперта) необходимы пояснения, так как после того как эксперт присягнул, председательствующий его еще предупреждает об уголовной ответственности за *заведомо ложное заключение*. Данный подход является специфическим, потому что в результате допроса любого участника уголовного судопроизводства информация трансформируется в показания. Здесь требуется пояснение, поскольку в Украине не предусмотрена уголовная ответственность эксперта за заведомо ложное показание в УК Украины, равно как и за показание эксперта в УПК Украины. Таким образом, результат допроса эксперта в виде предоставленной информации в настоящее время нужно понимать как часть ранее представленного заключения эксперта.

Кроме присяг свидетеля, потерпевшего и эксперта ч. 2 ст. 388 УПК Украины предусматривается присяга присяжного. По предложению председательствующего присяжные дают присягу такого содержания:

«Я, (фамилия, имя, отчество), присягаю выполнять свои обязанности честно и непредвзято, принимать во внимание только исследованные в суде доказательства, при решении вопросов руководствоваться законом, своим внутренним убеждением и совестью, как надлежит свободному гражданину и справедливому человеку».

Анализ приведенных присяг позволяет сделать вывод о том, что институт приведения к присяге актуален и является серьезным средством психологического воздействия на психику участника уголовного судопроизводства. Приведение к присяге дает установку присягающему, что позволяет минимизировать отклонения от нормы поведения и нейтрализовать до определенной степени нарушения взятых на себя обязательств. Присяга находится на стыке морали и права, нравственности и закона. Присяги участников уголовного судопроизводства, предусмотренные действующим законодательством, нельзя назвать оптимальными, поскольку они акцентируются в основном не на главной составляющей – морали, а на торжественном моменте ее принятия в ущерб содержательной части.

С точки зрения содержания в присягах используются нравственные категории «клянусь», «присягаю», «добросовестность», «совесть», «преданность», «гуманность» и т.д., которые могут существенно отличаться в сознании каждого человека (что зависит от воспитания, сферы жизнедеятельности, увлечений и пр.). От того, как воспримутся эти слова участником уголовного судопроизводства, зависят и результативность проведения судебного действия, и работа органов уголовной юстиции в целом.

Тенденции современного мира по соотношению морали и религии также различны. Численность верующих и храмов не всегда указывает на высокое развитие общества. Как в таком случае быть с присягой – кто к ней должен приводить – священнослужитель (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.) или председательствующий судья (УПК Украины 2012 г.)? Ответить на данный вопрос весьма не просто. Это может быть смешанная система принятия религиозной присяги (с уточнением вероисповедания) с возможностью отказа от присяги или выбора дачи светского обещания.

Очевидной проблемой для принятия присяги является и то, что аргументы, которые называются в современных присягах, в полной мере не способны воздействовать на психику человека – участника уголовного судопроизводства с тем, чтобы правосудие достигало своей цели – установления истины и восстановления справедливости.

¹ Такой законодательный подход, при котором не в полной мере ясно, какие из полномочий являются правом или обязанностью проку-

рора, следователя или руководителя органа досудебного расследования, может быть указанием на перекося в состязательном процессе в сторону обвинения.

² Иногда такое законодательное предписание имеет абстрактный характер, т.е. не содержит точного указания субъектов, на которых оно распространяется. Например, ч. 5 ст. 12 УПК Украины – задержание лица, взятие его под стражу или ограничение в праве на свободное перемещение иным способом в ходе уголовного судопроизводства, осуществленное при отсутствии оснований или с нарушением порядка, предусмотренного УПК Украины, влечет за собой ответственность, установленную законом.

³ Например, ч. 3 ст. 39 УПК Украины предусматривает, что неисполнение руководителем органа досудебного расследования законных указаний и поручений прокурора, данных в порядке УПК Украины, влечет за собой предусмотренную законом ответственность.

⁴ К сожалению, по неизвестным автору причинам законодатель исключил требование предупреждения переводчика об уголовной ответственности за неправильный перевод, хотя в ч. 5 ст. 68 УПК Украины осталось указание на возможную ответственность.

⁵ Оценщик и эксперт на стадии исполнительного производства также предупреждаются об уголовной ответственности за предоставление заключения и отчета об оценке имущества (ч. 5 ст. 13 Закона Украины «Об исполнительном производстве»).

⁶ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М., 1984. С. 519.

⁷ Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. 2-е изд., испр. и значит. умноженное по рукописи автора. М., 1882. Т. 3. С. 450.

⁸ Юридична енциклопедія : в 6 т. / редкол. Ю. С. Шемшученко та ін. Київ, 1998. Т. 5. С. 137–138.

⁹ Существует перечень лиц, которые не допускаются к свидетельству под присягой (ст. 94–96, 99, 705–708 Устава).

¹⁰ По ч. 2 ст. 55 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» судья приводится к присяге в ходе торжественной церемонии в присутствии Президента Украины. Текст присяги подписывается судьей и хранится в его личном деле.

¹¹ Здесь необходимо поставить вопрос – почему законодатель остановился в своем выборе на приведении к присяге свидетеля, потерпевшего и эксперта? Почему из этого списка выпадают как минимум специалист и переводчик? Думается, что ответ нужно искать в отсутствии единых критериев в УПК Украины.

¹² В соответствии с ч. 2 ст. 353 УПК Украины к аналогичной присяге приводится и потерпевший.

Сведения об авторах

Бабакова Мария Алексеевна – кандидат юридических наук, помощник судьи Саратовского областного суда.

Баев Олег Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Воронежского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

Белкин Анатолий Рафаилович – доктор юридических наук, профессор МГУПИ, академик РАЕН.

Боков Сергей Никанорович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Боровских Роман Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Новосибирского юридического института (филиал) Томского национального исследовательского государственного университета.

Вдовин Алексей Николаевич – соискатель Новосибирского государственного аграрного университета, старший преподаватель Тувинского государственного университета, прокурор Эрзинского района Республики Тува.

Галяшина Елена Игоревна – доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина.

Горский Вадим Вадимович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Горский Максим Вадимович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Занин Константин Анатольевич – кандидат юридических наук, судья Воронежского гарнизонного военного суда.

Зотов Денис Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

Комаров Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета.

Краснова Людмила Борисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Кукарникова Татьяна Эдуардовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Куликов Дмитрий Александрович – аспирант кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Лавренюк Василий Васильевич – старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Института национального и международного права Международного гуманитарного университета.

Мещеряков Владимир Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Першин Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, Омская академия МВД России.

Письменный Дмитрий Петрович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Национальной академии внутренних дел Украины.

Попова Елена Ильинична – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин «Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления».

Резникова Анна Игоревна – аспирант лаборатории «Использование современных достижений науки и техники в борьбе с преступностью» Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В. В. Сташиса НАПрН Украины, г. Харьков.

Резникова Елена Игоревна – аспирант лаборатории «Использование современных достижений науки и техники в борьбе с преступностью» Научно-исследовательского института изучения проблем преступности имени академика В. В. Сташиса НАПрН Украины, г. Харьков.

Ринчиндоржиев Евгений Владимирович – аспирант Бурятского государственного университета, адвокат Второй коллегии адвокатов Республики Бурятия.

Степанов Владимир Васильевич – кандидат юридических наук, профессор кафедры криминалистического обеспечения расследования преступлений Саратовской государственной юридической академии.

Стояновский Максим Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Тяжкин Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Фомина Анна Станиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Хмелева Алла Владимировна – кандидат юридических наук, заместитель руководителя отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Воронежской области.

Цурлуй Олеся Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Воронежского экономико-правового института.

Шепитько Валерий Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», заслуженный деятель науки и техники Украины, академик Национальной академии правовых наук Украины, иностранный член РАЕН.

Шепитько Михаил Валерьевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института изучения проблем преступности Национальной академии правовых наук Украины, ассистент кафедры уголовного права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого».

Яковлев Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы МГТУ имени Н. Э. Баумана, заместитель руководителя отдела компьютерно-технических и инженерно-технических исследований управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета России.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Баев О. Я. «Соучастие после факта» как социально-правовой и криминалистический феномен (постановка проблемы).....	5
Белкин А. Р. Основания и поводы для возбуждения уголовного дела	14
Боков С. Н. Локус контроля личности как одна из важных предпосылок профессиональной успешности следователя	33
Боровских Р. Н. Прагматизм как ключевое направление совершенствования науки криминалистики и его содержание	38
Вдовин А. Н. Отдельные аспекты поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия в приграничных регионах Сибирского федерального округа	44
Галяшина Е. И. Проблемы выявления фальсификации и установления аутентичности результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве	51
Горский В. В., Горский М. В. Досудебное производство по уголовному делу: анализ законодательных новелл.....	68
Зотов Д. В. Пределы доказывания: уточнение понятий.....	81
Комаров И. М. О криминалистических операциях и следственных ситуациях в системе криминалистической характеристики расследования преступлений.....	91
Краснова Л. Б. Использование особенностей информационных технологий для установления и проверки алиби.....	104
Кукарникова Т. Э., Яковлев А. Н. О возможности непроцессуального отождествления личности средствами новых информационных технологий.....	111
Куликов Д. А. О внутреннем убеждении и основаниях отказа прокурора от государственного обвинения.....	119
Лавренюк В. В. Понятие, структура криминалистической характеристики и особенности предмета посягательства при расследовании краж с проникновением в жилище, совершенных организованными группами	126
Мещеряков В. А. Криминалистическая онтология отдельных видов преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий	132

Першин А. Н. О документированной информации в криминалистике	139
Письменный Д. П. Проблемы охраны прав и законных интересов участников уголовного производства по Уголовному процессуальному кодексу Украины	147
Попова Е. И. О системности разьяснения лицу, подвергающемуся уголовному преследованию, особенностей рассмотрения уголовного дела судом в порядке главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	157
Резникова А. И. Предмет разглашения профессиональных тайн в структуре криминалистической характеристики преступлений	163
Резникова Е. И. Виктимологические данные в структуре криминалистики: понятие и значение	174
Ринчиндоржиев Е. В. Некоторые аспекты противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, и пути его преодоления.....	184
Степанов В. В., Бабакова М. А. Понятие розыска и его объекты.....	190
Стояновский М. В. О сущности и структуре криминалистической превенции (к дискуссии о превентивной функции криминалистики).....	210
Тямкин А. В., Занин К. А. Защита персональных данных при взаимодействии органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность со средствами массовой информации	223
Фомина А. С. Особенности расследования преступлений прошлых лет.....	234
Хмелева А. В. Отдельные аспекты законодательного регулирования и использования экспертных исследований при расследовании преступлений, отвечающие задачам защиты интересов потерпевшего.....	244
Цурлуй О. Ю. Место и роль контрольных функций в системе уголовно-процессуальной деятельности суда	255
Шепитько В. Ю. Проблемы формирования тактики судебного следствия	263
Шепитько М. В. Присяга как средство психологического воздействия на участника уголовного судопроизводства	276
Сведения об авторах	286

Научное издание

**ВОРОНЕЖСКИЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 16

Под редакцией *Баева Олега Яковлевича*

Ведущий редактор издательской группы *Н. Н. Масленникова*
Компьютерная верстка *Л. О. Мещеряковой*
Корректор *М. Г. Щигрёва*

Подписано в печать 27.01.2014. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 18,4. Усл. п. л. 17,0. Тираж 500 экз. Заказ 86

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3